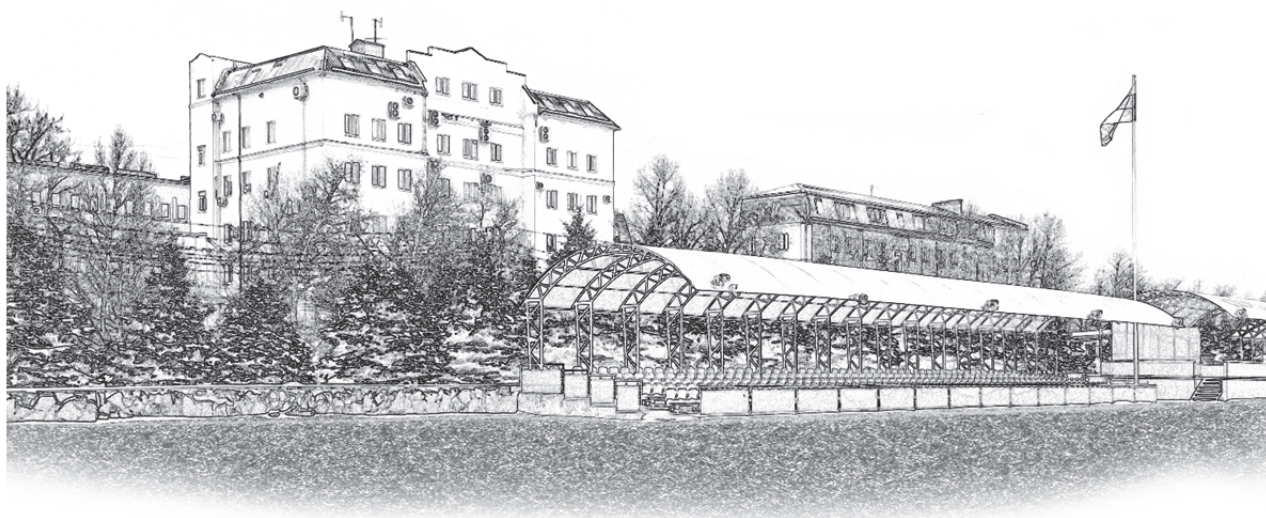

Краснодарский университет МВД России

Л. В. Карнаушенко

ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Краснодар
2024

Краснодарский университет МВД России

Л. В. Карнаушенко

**ПРИНЦИПЫ
ФИЛОСОФИИ ПРАВА**

Краснодар
2024

УДК 340.12(075.8)
ББК 67.00я73
К24

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Рецензенты:

Н. С. Нижник, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербургский университет МВД России);

Ю. А. Артамонов, кандидат юридических наук, доцент (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя).

Карнаушенко Л. В.

К24 Принципы философии права / Л. В. Карнаушенко. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2024. – 180 с.

ISBN 978-5-9266-2077-8

В монографии рассматриваются основные вопросы, возникающие в процессе исследования правовой сферы, выявляются предметные и методологические характеристики отдельных аспектов правового знания. Существенное внимание уделяется вопросам соотношения различных правовых теорий. Анализируется спектр проблем метафизики права. Раскрываются механизмы законотворчества и правоприменения.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 340.12(075.8)
ББК 67.00я73

ISBN 978-5-9266-2077-8

© Краснодарский университет
МВД России, 2024
© Карнаушенко Л. В., 2024

Введение

Представленное вашему вниманию исследование направлено на систематическое раскрытие основных проблем права, в том числе метафизики права, эпистемологии права, социальных и культурных аспектов права. Рассматриваются фундаментальные правовые вопросы, ключевые философские теории, направленные на раскрытие правовой проблематики, предлагается системное осмысление взаимосвязи различных аспектов права.

Право является одним из важнейших аспектов жизни общества. Его возникновение и развитие предопределили облик существующих социально-политических систем. В настоящее время именно область правовых установлений задает границы и векторы социальной активности членов общества и его многообразных институтов. В связи с этим вполне закономерно, что изучение вопросов права выступает в качестве одного из важнейших направлений социально-гуманитарных исследований. Это связано с тем, что право представляет собой один из определяющих аспектов жизни общества, в то же время являясь продуктом коллективной деятельности его членов, наделенных соответствующей властью. От того, насколько развито научное знание в области права и правовых отношений, во многом зависит, как и в каком направлении будет осуществляться общественное развитие. Понимание оснований, принципов и закономерностей существования права, а также факторов его трансформации может способствовать выработке более адекватных (для общества) способов регулирования правовых отношений. Изложенное подтверждает не только высокую теоретическую, но и существенную практическую значимость исследований, направленных на изучение правовой проблематики. Соответственно, одним из важных условий продвижения правового знания является подготовка специалистов, обладающих глубоким пониманием основного спектра правовых проблем.

В настоящее время существует специализированная научная дисциплина, посвященная проблемам права, – юриспруденция, однако на ее уровне не осуществляется раскрытие всего спектра вопросов и проблем, связанных с правовой проблематикой.

Причина изложенного состоит в том, что право как объект изучения характеризуется чрезвычайной сложностью, что связано с наличием множества ракурсов исследовательской деятельности и, соответственно, проблем, постановка и разрешение которых необходимы для углубления понимания правовой сферы. К числу таковых проблем можно отнести:

- происхождение права;
- онтологические основания права;
- аксиологические основания права;
- антропологические аспекты бытия права;
- феноменологические аспекты права;
- логические аспекты права;
- языковая проблематика в правовой сфере;
- соотношение этики и права;
- социальная представленность права как института;
- соотношение права и политики;
- факторы и предпосылки становления права в обществе;
- социальное значение права и т. д.

Столь сложный и разветвленный характер проблематики права, в особенности с учетом того, что различные его аспекты тесно связаны между собой, предопределяет значимость систематического подхода к его изучению, что может быть реализовано в русле философского знания, способного на целостный охват сложных проблем, в том числе интеграцию результатов исследований, относящихся к предметной области различных дисциплин.

В науке представлено множество подходов, связанных с осмыслением сущности права, оснований его существования, критериев оценки правовых норм, методологических установок по конструированию права и т. д. Возникновение данных подходов обусловлено необходимостью истолкования правовой сферы и формирования исчерпывающих представлений о ней, однако по факту в ряде случаев анализируются частные правовые проблемы без построения общей системы правовой мысли или вписывания авторских наработок в существующие философско-правовые системы. Это породило существенную долю мозаичности правового знания и обусловило возникновение сложностей в первоначальном освоении правовой проблематики.

Неподготовленный исследователь в процессе осмысления вопросов права сталкивается с множеством концепций и теорий, некоторые из которых противоречат друг другу, либо принимает определенную парадигму правовой мысли, разработанную в рамках существующей исследовательской традиции. Для первого пути характерно столкновение с проблемой отсутствия первичного плана ознакомления с правовой проблематикой в силу того, что многие из исследований, претендующие на комплексное рассмотрение правовых проблем, на деле акцентированы лишь на неопределенном наборе вопросов и не охватывают их полный спектр. В связи с этим возникает вопрос недостаточной систематичности в осмыслении правовой проблематики. Относительно второго пути следует отметить, что выбор какой-либо из существующих правовых концепций должен быть осознанным, а не ситуативным. Иными словами, он должен учитывать существующую критику данной концепции, а также опираться на знание альтернативных подходов. В противном случае ознакомление с правовой проблематикой рискует привести начинающего исследователя к предвзятому и, возможно, редуцированному пониманию права (в зависимости от того, насколько полной и всеобъемлющей является та теоретическая традиция, к которой он приобщился). Все это в совокупности свидетельствует о необходимости на начальных этапах рассмотрения правовой проблематики, во-первых, определения основного спектра проблем и вопросов, которые связаны с изучением права, во-вторых – ознакомления с ключевыми концептуальными подходами, в рамках которых данные проблемы и вопросы находят разрешение.

Настоящая работа ориентирована на формирование углубленного понимания правовой проблематики, что предполагает обращение к главным вопросам, которые поднимаются в рамках философского осмысления права. Основные тематические разделы пособия включают раскрытие следующих направлений:

- общее понимание специфики систематической философии права;
- гуманистические принципы философии права;
- метафизика права;
- эпистемология права.

Особенностью подачи материала в монографии является то, что основные проблемы исследования права анализируются в их комплексной взаимосвязи, что предполагает перекрестное рассмотрение факторов и оснований развития права и его реализации в обществе, соотнесение онтологических, аксиологических, этических и практических аспектов права, аналитику соотношения идеального и реального в осмыслении права, анализ соотношения естественно-правовой и позитивно-правовой традиций, рассмотрение возможности совмещения различных теоретических подходов к осмыслению частных проблем права и т. д. Материалы, представленные в монографии, могут быть использованы в рамках научной деятельности, в ходе подготовки учащихся высших образовательных организаций, а также в процессе разработки учебных курсов, посвященных правовой проблематике.

1. Понятие систематической философии права

С целью осуществления первоначального рассмотрения права как объекта философского исследования необходимо осветить основной круг проблем, которые актуализируются в рамках изучения правовой сферы, а также выявить предметные и методологические характеристики отдельных аспектов правового знания. Существенное внимание следует уделить вопросам соотношения различных правовых теорий, а также возможности объединения существующих наработок в правовой мысли в целостную, систематическую философско-правовую теорию.

1.1. Право как объект философии

Юриспруденция, являясь отраслью научного знания, полностью посвященной правовой тематике, содержит значительные сведения о правовой сфере и ее специфике. Несмотря на то что на уровне юридического знания основные существующие законы получают доскональное отражение, в вопросах осмысления права его едва ли можно считать исчерпывающим. Изложенное определяет значимость обращения к тематике права в рамках теории, способной охватить основные его аспекты как по отдельности, так и во взаимосвязи.

Право представляет собой один из столпов существования общества, поскольку наличие четких правовых установлений определяет стабильность его структуры. В определенном смысле право можно назвать «опорным скелетом» общества, поскольку структура его важнейших институтов, а также основополагающие принципы социального взаимодействия находят отражение и закрепление именно на уровне правовой системы. При этом попытка сформировать базовый ответ на вопрос о том, что такое право, вызывает серьезные затруднения, поскольку существует целый ряд трактовок права, имеющих под собой определенные основания. Приведем лишь некоторые из них.

Право как социальный институт. Данный подход к осмыслению права предполагает включение в область права существующих законов, а также механизмов обеспечения их исполнения. Кроме того, важным аспектом права как института является законодательная власть, на уровне которой реализуются процессы формирования новых законов и дополнения уже существующих.

Право как идеальная совокупность норм взаимодействия. Данный подход ориентирован прежде всего на отражение нормативного значения законов, реализацию принципа должностования, довлеющего над социальной действительностью.

Право как результат законодательной деятельности (совокупность законов, принятых на уровне конкретного государства).

Право как социальный регулятор.

Право как проявление политической воли и т. д.

Право является составляющей общественной структуры и в то же время предстает в качестве одного из основополагающих элементов социального знания, будучи и объектом социального познания, и источником социальной активности. Определение природы права, таким образом, вызывает затруднение не столько в силу того, что люди склонны неправильно рассматривать право и большая часть представленных позиций неверна, сколько по причине того, что право представляет собой сложный объект исследования, многочисленные аспекты которого характеризуются разной природой.

Для того чтобы проиллюстрировать это, достаточно обратить внимание на различие между идеальным аспектом права, нередко рассматриваемым в рамках естественно-правового дискурса или, например, в рамках поиска аксиологических оснований права, и практикой правоприменения в конкретном государстве. И то, и другое представляет собой различные аспекты права, однако один из них локализован на идеально-смысловом уровне, в то время как другой реализуется на уровне живой практики общественных отношений.

Поскольку право является одним из важнейших аспектов существования общества, неизбежным и закономерным является то, что на протяжении длительного времени оно выступает в роли объекта философских и научных изысканий. Первые подходы к последовательному рефлексивному осмыслению права были реа-

лизованы еще в античности, на уровне философских трудов Платона и Аристотеля, рассматривавших особенности законов и их основания. В дальнейшем было сформировано множество подходов к осмыслению правовой проблематики как на уровне частных наук (преимущественно в рамках юридического знания и теории государства и права), так и на уровне философского дискурса. Эта двойственность, когда, с одной стороны, существуют специализированные научные исследования, посвященные юридической проблематике, а с другой стороны, представлено множество подходов к философскому осмыслению права, отлично иллюстрирует положение о чрезвычайной сложности права как объекта изучения.

Если внимательно рассмотреть основной спектр научных и философских проблем, постановка которых осуществляется в рамках изучения правовой проблематики, несложно заметить, что некоторые из них находятся в различных теоретических плоскостях, в силу чего не могут быть изучены на уровне какой-либо одной научной дисциплины. Например, языковой аспект права и его институциональная определенность относятся к различным предметным областям, раскрываемым на уровне различных дисциплин (социология и лингвистика).

Вместе с тем, поскольку право представляет собой, хоть и сложное, но целостное явление, даже между такими на первый взгляд разными аспектами права существует взаимосвязь. С целью иллюстрации изложенного достаточно обратить внимание на то, что от эффективности языкового выражения правовых норм во многом зависит успешность функционирования права как института, что связано с большей или меньшей отлаженностью практики правоприменения.

Для того чтобы понять, почему большое значение имеет исследование правовой проблематики именно в русле философского дискурса, целесообразно задаться вопросом о том, чем отличаются научный и философский подходы.

Научное знание характеризуется выделением узкой предметной области, в рамках которой осуществляется последовательное углубленное изучение, результатом которого становятся детализация знания по существующему кругу вопросов, уточнение исходных теорий и постановка новых актуальных проблем.

При этом одним из основополагающих аспектов любой научной дисциплины выступают границы применения развертываемых на ее уровне принципов и методологических установок. Так, биологическое знание направлено на изучение живых организмов и не распространяется на область социальных отношений, лингвистика изучает языковую проблематику и не применяется, например, для исследования психологических аспектов коммуникации.

У каждой научной дисциплины есть свои границы, что не вызывает затруднений, при условии если изучаемый объект полностью вписывается в предметную область конкретной научной дисциплины. В то же время, если конкретный объект выходит за рамки какой-либо одной научной области, он может быть изучен с точки зрения нескольких наук. Например, человек может быть рассмотрен как биологический объект, его личностные и психоэмоциональные особенности могут быть изучены с точки зрения психологии, социальные проявления – с точки зрения социологического дискурса и т. д.

На первый взгляд мозаичное научное знание дает исчерпывающую совокупность сведений даже о сложном объекте, если объединены результаты нескольких частнонаучных исследований, однако существенной проблемой в данном случае является то, что между различными аспектами одного и того же объекта может существовать взаимосвязь, которую невозможно полноценно раскрыть и осмыслить, не выходя за рамки предметной определенности частнонаучного подхода. В подобных ситуациях огромный потенциал имеют исследования, ориентированные на целостное многоплановое систематическое рассмотрение изучаемого объекта. Именно так реализуется осмысление исследуемых вопросов на уровне философского дискурса, который не ограничивается предметными рамками частных наук.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что правовая проблематика относится к числу тех областей исследования, которые наиболее последовательно и полно могут быть раскрыты именно на уровне философского дискурса, во многом благодаря тому, что в рамках философии реализуется более широкий и целостный взгляд на изучаемые вопросы. В то же время это вовсе не означает, что философскому исследованию чужд аналитический подход: в рамках последующего осмысления пра-

вовой проблематики обнаруживается целый ряд самостоятельных направлений философского анализа, в рамках которых исследуются те или иные аспекты изучения права. Речь идет, скорее, о том, что на уровне философии становится возможным систематическое осмысление различных по своей природе аспектов изучаемого объекта, которые были первоначально исследованы по отдельности, а затем объединены и в смысловом плане сопоставлены между собой.

Обратимся непосредственно к изучаемому в настоящей работе объекту, а именно рассмотрим объектную специфику права. Для начала следует определиться с постановкой основных проблем. Решение данной промежуточной задачи имеет особую значимость в силу того, что постановка научной проблемы с необходимостью предполагает выделение предметной области исследования и выбор необходимой методологии, в связи с чем определение основного спектра правовых вопросов и проблем может способствовать осмыслению ключевых направлений, в которых осуществляется философское изучение права. Итак, к числу ключевых правовых вопросов относятся:

- природа права (происхождение права, его сущность, основание существования права, критерии оценки права и т. д.);

- аксиология и этика права (соотношение ценностей и права, моральный аспект права);

- человек и право (соотношение природы человека и специфики права, качества человека как основание правового и противоправного поведения и т. д.);

- общество и право (социальные основания существования права, его значение для общества, социальные факторы правовой реальности);

- право как объект познания (научного и социального, что предполагает обращение к методологическим наработкам философии науки, а также феноменологическому знанию);

- языковой аспект права (философия языка);

- логическая проблематика права.

Рассмотрим, каким образом постановка и разрешение данных вопросов осуществляются на уровне философского дискурса.

Для философско-правового знания одним из основополагающих является вопрос о том, какова природа права. Его можно

перефразировать следующим образом: чем, в сущности, является право, и какие основания определяют его существование. Данный вопрос отражает онтологическое измерение права, и его разрешение в значительной степени варьируется в зависимости от того, в рамках какой философской парадигмы осуществляется рассмотрение правовой проблематики. В частности, если постановка вопроса о природе права реализуется в русле идеалистической традиции, осуществляется полагание объективного идеального аспекта права, который существует независимо от социально-исторической ситуации и, по сути, определяет ее, подобно тому как законы природы определяют движение тел и иные физические процессы.

В свою очередь, если исследование природы права реализуется в рамках неклассической философии, оно может быть рассмотрено как проявление властной воли, не имеющей рациональной определенности. В истории философии споры о природе права в значительной степени созвучны с таким основополагающим аспектом философского дискурса, как спор об универсалиях: право как совокупность общих категорий и норм может быть рассмотрено как идеально существующее само по себе (в философской традиции это соответствует позиции представителей реализма, в то время как в философско-правовой мысли речь идет о философских позициях естественно-правовой теории).

Другой вариант рассмотрения права предполагает концептуалистскую установку, полагающую отсутствие идеальных онтологических оснований права как некоего «подлинного права» и трактующую существующие законы как порожденные человеческим разумом концептуальные схемы, отвечающие тем или иным интересам законодателей. Именно такое понимание права, полагаящее его подчиненность конституирующему разуму человека, лежит в основе позитивно-правовой теории, в рамках которой в качестве права рассматривается совокупность существующих, установленных на законодательном уровне норм.

Следует отметить очень важный момент: рассмотрение онтологических оснований права представляет собой подход, в рамках которого право, с одной стороны, получает обоснование и особый онтологический статус, с другой стороны, сама по себе динамика права и вопросы его возникновения трактуются с точки

зрения анализа природы человека и общества, которые тесно связаны с природой права. Отсюда, например, проистекает известный принцип «естественного» стремления человека к подлинным, естественным правам: с точки зрения естественно-правового подхода в его природу заложены определенные потребности, стремления и аксиологические установки, которые определяют исторический процесс становления и кристаллизации «естественных» прав в нормативной системе различных государств.

Одним из важнейших аспектов естественно-правового дискурса является то, что право исследуется в нем системно, в тесной связи с вопросами природы общества и человека, при этом не последнюю роль в естественно-правовом дискурсе занимает аналитика аксиологического аспекта права, который рассматривается в качестве одного из оснований существования права. При анализе исторической традиции рассмотрения права в русле идеализма можно обнаружить соотнесение категорий права и справедливости, реализуемое различными мыслителями. Так, еще в трудах Платона и Аристотеля категория права активно соотносилась с идеей справедливости и ее осуществления в обществе, в дальнейшем данный принцип многократно обозначался в различных системах мысли. Речь идет не только о философском наследии, но и об общей практике соотнесения закона и справедливости. Например, на Руси на протяжении длительного времени своды законов именовались «Правдой», что очередной раз иллюстрирует наличие естественной традиции соотнесения закона и этики с полаганием этических оснований действующих законов.

Необходимо обратить внимание на то, что поиск оснований права представляет собой оборотную сторону *обоснования* действующего права, в силу чего существуют вполне осязаемые причины активного распространения отдельных форм мысли, сопутствующих созданию логичных представлений о существующих законах как правильном порядке вещей. В данном случае многие из правовых теорий можно рассматривать не только в академическом ключе, но и как фактор социально-исторического развития. Неслучайно естественно-правовая теория, одним из родоначальников которой являлся Руссо, легла в основу революционного движения.

Вернемся к вопросу о природе права и способах его решения на уровне философской мысли. Прежде всего следует обратить внимание на то, что способ постановки вопроса о природе права с необходимостью задает тон дальнейшего решения сопутствующих вопросов, таких как:

- соотношение права и морали;
- социально-политические и антропологические основания права;
- критерии оценки правовых норм;
- динамика права и ее основания.

При этом способ постановки и решения вопроса о природе права неминуемо порождает смещение в векторах философского дискурса, в рамках которого изучается правовая тематика. Для того чтобы проиллюстрировать данный тезис, достаточно рассмотреть специфику реализации социально-правовой мысли в русле естественно-правового и позитивно-правового подходов.

В рамках теории естественного права делается акцент на глубокой взаимосвязи правового и нравственного аспектов, что определяет уклон в сторону социально-политического и этико-аксиологического рассмотрения права, а также ориентацию на соотнесение природы человека, общества и реализованных на уровне этого общества законов. В свою очередь, в рамках позитивно-правового подхода право рассматривается как порождение политики – проявление властной воли, устанавливающей определенные правила и нормы взаимодействия. В этом отношении примечательно, что подобный подход деактуализирует соотнесение права и нравственности, однако на этом фоне осуществляется углубленное изучение вопросов соотношения права и социальных интересов различных групп, а также ставится ряд технико-юридических вопросов (что становится возможным в силу того, что действующие законодательные нормы, в отличие от естественно-правового подхода, признаются правовыми и, соответственно, подлежат не отрицанию или критической оценке, а пристальному анализу с точки зрения целей и функций конкретных норм, а также степени адекватности их реализации). Представленный пример позволяет утверждать, что в зависимости от того, каким образом решается вопрос о природе права, меняются теоретические акценты и способы его изучения.

В рамках проведенного анализа был частично затронут вопрос соотношения этического и правового, однако он имеет высокую степень значимости, в связи с чем требует большей детализации. Существует два немаловажных измерения правовой проблематики: академический аспект, связанный с существующими теориями, описывающими те или иные аспекты права, и социокультурный аспект, определяющий, как различные способы представления права влияют на практику следования членами общества правовым установлениям либо же, напротив, отрицания их регулятивной силы. Соотношение морали и права имеет значение в обоих случаях, однако речь идет о различном значении.

В рамках академического рассмотрения соотношения морали и права в зависимости от того, какого рода философская традиция имеет место, либо рассматривается онтологическая взаимосвязь морально-этических ценностей и права, либо происходит акцентуация на морали как факторе следования праву (а не морали как основании конструирования законов). В свою очередь, в рамках социального дискурса вопрос о соотношении морали и права имеет совершенно иной статус, поскольку он определяет, с одной стороны, необходимость или необязательность следования действующим законам, с другой – позволяет членам общества осуществлять оценку носителей действующей власти в зависимости от того, насколько, по мнению членов общества, действующие законы соответствуют нормам морали. Примечательным является то, что естественно-правовая и позитивно-правовая парадигма находят выражение не только на уровне философско-правового дискурса, но и в рамках обыденного социального дискурса, реализуемого членами общества. В данном случае моральный аспект права (при условии что члены общества ориентируются на естественно-правовую парадигму) выступает в качестве одного из определяющих критериев его оценки.

Следующим важным направлением осмысления правовой проблематики является соотношение права и природы человека. Традиционным является естественно-правовой подход, в рамках которого дается онтологическое обоснование соотношения человеческой природы и природы права, однако существует и ряд иных теоретических моделей, на уровне которых прослеживается

взаимосвязь особенностей человека, заложенных в его биосоциальной природе, и правовой сферы. В качестве примера подобного подхода можно привести анализ соотношения потребностей человека и реализованных на уровне права возможностей и ограничений, что в совокупности рассматривается как один из ключевых факторов принятия действующих законов и следования им. В данном случае соответствие права глубинным потребностям человека может быть рассмотрено как один из критериев адекватности действующей правовой системы, которая в большей или меньшей степени соответствует актуальным социальным запросам.

Следующим важным направлением в философском осмыслении проблем права является исследование права как элемента системы общественных отношений. Рассмотрение права в данном случае носит преимущественно функциональный характер, однако оно не является односторонним (воззрение на правовую систему с точки зрения общественных интересов и функций, которые несут в себе правовые институты). В рамках рассмотрения права в социально-философском ключе важно то, что изучение права как элемента социальной действительности позволяет углубиться в осмысление вопроса о генезисе права, что представляет существенный теоретический интерес как в контексте вопроса о происхождении государства и права, так и в контексте вопроса о динамическом процессе возникновения правовых норм и установлений, который реализуется в обществе.

Существенную роль в данном случае играет то, что социально-философское рассмотрение права позволяет осмыслить целый ряд аспектов права, которые зачастую анализируются по отдельности:

- определенность права как института;
- значение правовых норм;
- право как регулятор;
- социокультурные факторы правовой реальности;
- соотношение идеального и практического аспектов права (проблемы правоприменения, тематика правонарушений).

Все это в совокупности определяет разноплановый характер социально-философского осмысления права и широкие возможности социально-философского дискурса по углублению знаний в правовой сфере.

Что касается гносеологического и феноменологического аспектов права, следует отметить, что право выступает в качестве объекта познания не только у представителей научного сообщества, но и у членов общества, в связи с чем анализ способов познания права и проблем в его осмыслении имеет двойственный характер: с одной стороны, существенное значение имеет выработка методологии познания права, что предполагает углубленное рассмотрение вопроса о возможностях познания данного социального феномена, с другой – не менее важен факт, что правовые нормы действуют в обществе лишь в меру того, насколько корректно и полно они поняты членами общества.

В указанном контексте одной из важнейших категорий социально-правовой феноменологии является правосознание, а осмысление условий его формирования и факторов, которые могут повлиять на данный процесс, имеет не только серьезный научный потенциал, но также представляет существенную практическую значимость, поскольку речь идет о возможности создания теоретической базы для принятия мер по формированию правосознания членов общества (а также устранению факторов, препятствующих его развитию).

Что касается языкового и логического аспектов права, следует отметить, что речь идет об одной из технических составляющих права, что не умаляет их значимости. Законы – это закрепленные в вербальной форме правила социального взаимодействия, и в данном случае нормативную силу имеют суждения и положения, составляющие в совокупности текст закона. В связи с этим особую важность имеет достижение соответствия между смыслом, который стоит за конкретным законом, и текстом, в форме которого он выражен. Иными словами, описанный аспект имеет большое значение в силу того, что в юридической практике определяющую роль играет именно «буква закона», чем злоупотребляют юристы, использующие неточности в выражении конкретных норм, противоречия между отдельными законами и т. д. в интересах своих клиентов. Моменты непротиворечивости и точности имеют в данном случае определяющее значение.

Проведенный анализ основных направлений философского подхода к изучению права лишь отчасти проливает свет на то, каким образом право может быть исследовано в рамках философского

дискурса. Выше мы наметили ряд позиций, демонстрирующих взаимосвязь антропологических, онтологических, социально-философских, феноменологических, аксиологических и иных аспектов права, что свидетельствует о проблематичности полноценного изучения права, которое ограничивается какой-либо одной философской дисциплиной. В данном случае важнейшим условием приращения знания является комплексное, систематическое осмысление проблематики права, учитывающее ее пересечение с предметными областями различных философских дисциплин. Подобного рода подход может быть реализован одним из двух способов:

рассмотрение правовой проблематики в русле систематической философской теории, включающей в себя онтологию, социальную философию, антропологию, аксиологию, этику и философию права;

применение философской методологии в рамках исследования правовых вопросов, в том числе системное объединение исследовательских результатов, достигнутых в различных разделах философского знания.

Первый подход реализуется преимущественно в рамках философских теорий, имеющих развернутый систематический характер (потенциал развертывания в полноценную философскую систему). Из числа наиболее ранних философских теорий в данном случае можно выделить идеалистическую философию Платона, а также философские воззрения Аристотеля. Из числа наиболее поздних подходов к созданию систематической философской теории можно выделить философскую систему Г. В. Ф. Гегеля и систематическую философию Н. Гартмана.

Попытки осуществления исследовательской деятельности, направленной на концептуализацию какого-либо аспекта права в русле одной из существующих философских теорий, предполагает применение дедуктивного подхода, ориентированного на выведение отдельных положений, затрагивающих правовую тематику, из исходных теоретических предпосылок той теории, в русле которой действует исследователь. Подобного рода подход имеет право на существование и, более того, способствует обогащению философской традиции, у истоков которой стоит конкретный мыслитель. В связи с этим следует отметить, что, несмотря на

огромный масштаб работы, проделанной выдающимися мыслителями, они не способны сформировать целостную и полностью завершенную философскую систему, которая описывала бы все аспекты устройства природы, общества, человека и т. д. Неслучайно представители немецкой классической философии обращали внимание на предварительный, вводный, пропедевтический характер своих монументальных трудов. Выражаясь в терминологии Т. Куна, они стоят у истоков парадигмы, в рамках которой может быть осуществлено большое количество научных открытий.

Следует отметить, что стремление к целостному осмыслению правовой тематики не ограничивается необходимостью выбора какой-либо развитой философской теории в качестве определяющей. Для целостного осмысления какого-либо конкретного вопроса необязательно выстраивать масштабную и всеобъемлющую философскую систему, включающую в себя детально проработанные разделы систематической философии.

Современные наработки в области философии науки, которые могут быть распространены на любую сферу исследовательской деятельности, свидетельствуют в пользу того, что теории, относящиеся к различным предметным областям, могут быть сопоставлены, более того, исследовательская практика не просто допускает, но и на деле регулярно предполагает момент произвольного объединения элементов различных теорий в рамках междисциплинарного подхода. В данном случае ключевые требования предъявляются к эвристическим характеристикам объединяемых теоретических положений, а также степени их логического соответствия друг другу. Иными словами, в ходе объединения знаний из различных дисциплин важно в первую очередь достигнуть логичного, непротиворечивого характера конечной формируемой теории. Возможности философской рефлексии состоят как раз в том, чтобы сопоставить различные по своей природе стороны исследуемого явления (в частности, соотнести конечный результат их объединения).

Применительно к правовой тематике это означает возможность объединения элементов онтологического, гносеологического, социально-философского, аксиологического и других разделов философского знания с целью формирования целостного системного взгляда.

Подведем итоги. Особенностью философского подхода к осмыслению правовой проблематики является, прежде всего, то, что он представляет возможность взглянуть на право не с точки зрения аналитического, узконаправленного исследования, но с позиции целостной соотнесенности основных ключевых аспектов права, что позволяет достичь знания об их взаимосвязи, что было бы невозможно или крайне затруднительно в рамках узконаправленного научного анализа, не выходящего за рамки отдельного исследовательского направления. Это способствует развитию правового знания. При этом наиболее перспективны области знания на стыке различных разделов философии. Следует также обратить внимание на то, что право преимущественно рассматривается как данность, что подкрепляется его нормативным, довлеющим над социальной практикой, характером.

Восприятие права как данности, во многом характерное для позитивистской традиции, зачастую не позволяет осмыслить то, что право, реализованное в виде действующих законодательных норм, конструируется человеком, а точнее – группой людей, наделенных соответствующей властью. В связи с этим немаловажно понимать, что сам по себе процесс конституирования права во многом опирается на существующие научные и философские наработки, описывающие сущность и текущую представленность права в обществе. Таким образом, философия в данном случае выступает не только в роли значимого инструмента познания правовой сферы, но и в качестве серьезного фактора ее развития, что связано с идеями и концепциями, которые формируются в результате разностороннего исследования правовой сферы.

1.2. Право как элемент системы общества и системы философии: идеальный и реальный аспекты

За все время осмысления правовой проблематики сформировалось огромное количество подходов, так или иначе трактующих категорию права, ее значение, сущность права, принципы его формирования и реализации в системе общественных отношений и т. д. Закономерно, что различные теории, описывающие правовую тематику, вступают в противоречие друг с другом, что ложится в основу научной и философской дискуссии. Для того чтобы ориентироваться во всем спектре правовых теорий, целесообразно различать теории, которые противоречат друг другу (будучи направленными на один и тот же предмет исследования и при этом опираясь на различные теоретические предпосылки), и теории, обладающие различной предметностью (что определяет смещение теоретических акцентов, игнорирование одних проблем и акцентирование внимания на других). Ситуацию, сложившуюся на уровне правовой мысли, можно сравнить, с одной стороны, с отличиями между разными картинками и различиями между разными элементами мозаики – с другой.

Одной из ключевых точек расхождения в теоретических исследованиях права является его отношение к действительности. Эта «точка раскола» породила противостояние естественно-правового и позитивно-правового подходов и определила на длительное время дискуссию между сторонниками идеального рассмотрения права как самостоятельной смысловой сферы, проявляющейся и становящейся в области общественных отношений, и исследователями, обращающими внимание на реальную область социально-правовых отношений, ее институциональную представленность и т. д. Рассмотрим, в чем состоит различие между рассмотрением права как идеального аспекта существования общества и права как элемента социальной действительности. В данном случае прежде всего следует охарактеризовать предпосылающее значение права, поскольку это ключевой смысловой аспект его рассмотрения, который накладывает отпечаток на существующие теоретические подходы к осмыслению права.

Когда мы говорим о том, что право имеет предписывающий характер по отношению к сфере социальных отношений, мы подразумеваем, что конкретные правовые нормы первичны по отношению к регулируемым областям социального взаимодействия и определяют их на смысловом уровне. Согласно данному тезису всякая правовая норма содержит знание о том, какими должны быть общественные отношения в определенной регулируемой действующими нормами права сфере. В связи с этим по ряду признаков можно сделать вывод о том, что данная норма представляет собой смысловую конструкцию, довлеющую над областью социальной действительности и имеющую по отношению к ней идеально-предписывающий характер. Первичность правовой нормы по отношению к действительности определяет меру ответственности тех, кто непосредственно занимается созданием законов, поскольку любая неточность в формулировке может лечь в основу действий, противоречащих исходному смыслу, который вкладывается в формируемый закон.

В связи с изложенным возникает вопрос о том, что по отношению к законодательной норме существует определенный первичный замысел, который далее находит отражение в конкретной формулировке закона. Известное разделение на «дух закона» и «букву закона» отчетливо выражает двойственность права, в котором сочетаются идеальное и реальное, исходная идея и воплощение. В данном контексте несложно заметить многоступенчатый характер реализации идеального и реального в праве, поскольку конкретная юридическая норма является продуктом воплощения исходного замысла в форме выраженного языковыми средствами установления. В свою очередь, реализованный в тексте закон выступает в качестве идеального основания для формирования социальной практики. Если при этом задаться вопросом о том, насколько совершенен исходный замысел, стоящий за формированием конкретного закона, мы, по сути, придем либо к естественно-правовой постановке вопроса об идеальном аспекте права, существующем вне конкретного социально-исторического контекста, либо к иным критериям оценки уместности тех или иных законов (например, социально-прагматическому институциональному подходу, развиваемому в рамках правового позитивизма).

Изложенное позволяет утверждать, что уже момент нормативности права приводит к существенным разночтениям в рамках постановки вопроса об идеальном и реальном в праве. Вместе с тем куда большим источником разночтений является постановка вопроса о сущности и природе права. И здесь способ решения вопроса о соотношении идеального и реального в праве имеет определяющее значение в формировании конкретных философско-правовых традиций. Существует два основных подхода, которые в дальнейшем легли в основу разветвленного множества философско-правовых теорий:

противопоставление идеального и социальной реальности в праве;

их отождествление.

Противопоставление идеального аспекта права и его социальной представленности означает прежде всего то, что существующие законы, а также правовые институты, в задачи которых входит реализация данных законов на практике, не являются правом в подлинном смысле слова (равно как и отношения, которые порождаются существующими законодательными нормами). Подлинное право выступает в качестве своеобразного идеала регулирования общественных отношений, к которому стремятся действующие нормативные правовые системы, как научные теории стремятся к истине. Полагание идеального аспекта права с необходимостью определяет момент его универсальности, что влечет за собой очень серьезные последствия теоретического плана, поскольку правовые нормы представляют собой определяющее основание выстраивания структуры общественных отношений. Полагая, что существует некий правовой идеал, исследователи должны в равной мере признать наличие определенного идеала общественного устройства, который имеет универсальный характер и приемлем для всех людей вне зависимости от их социально-исторической и культурной определенности. Неслучайно теория естественного права является одним из важных элементов философии Просвещения, которая, по сути, содержала в себе безальтернативное суждение о наличии единственно верного цивилизационного пути. Как следствие, сторонники данного подхода полагали, что отвергать «свет знания» могут только в силу дремучего невежества (в том числе оправдывали «насилие во благо»,

насаждая свою культуру туземцам, не готовым принять ее добровольно).

Продолжая рассуждение о специфике теоретического подхода, противопоставляющего идеальную составляющую права и его воздействие на сферу социальной практики, следует обратить внимание на вопрос критериев, по которым может быть определена мера соответствия действующих законов идеалам выстраивания правовой системы. Если мы пребываем в парадигме, полагающей наличие подобного рода «универсального права», имеющего идеальный характер, очевидно, что ключевой вопрос теоретико-методологического плана, который актуализируется в рамках данного подхода, состоит в том, каким способом вообще возможно постигнуть содержательный аспект права и приблизиться к реализации естественного права на практике?

Данный вопрос является одним из наиболее сложных в естественно-правовой традиции, поскольку попытка поиска единственно верного набора правил сталкивается с проблемой различной культурной и исторической определенности вопрошающего, что порождает различные представления о корректном наборе установок, которые можно обозначить в качестве подлинного права. Еще в античности в трудах Платона сформировался подход, наиболее близкий к идеалистическому рассмотрению права, полагающий общество подобным космосу и ввиду этого утверждающий необходимость формирования законов, подобных законам природы и сообразных им. Подобие космоса, общества и человека как один из ключевых концептов античной философии определяло в качестве базового условия для рассмотрения права разум, способный осмысливать идеальную основу всего сущего. Таким образом, первичный подход к осмыслению идеального аспекта права связан с космологией и, если рассматривать шире, с онтологическим дискурсом.

Уже в трудах Аристотеля, который также проявлял склонность к онтологическому обоснованию права, наблюдается смещение исследовательского подхода в сторону аксиологии и этики: древнегреческий философ рассматривал право в соотношении с категорией справедливости, которую определял как «равенство равных и неравенство неравных». Сам по себе подход, полагающий необходимость соотношения этики и права, в целом логичен

по ряду оснований. Среди них мы можем особо выделить следующие два момента:

важность соотношения законов и представлений о справедливости как основание для торжества права;

соответствие права и морали как показатель гармоничности общества.

Реализация правовых норм на практике в значительной степени зависит от того, насколько эти нормы соответствуют представлениям членов общества о правильном, корректном поведении. Если обратиться к естественно-правовому подходу, можно обнаружить в его рамках последовательное обоснование принципов отказа от следования законам, которые воспринимаются в качестве аморальных. В данном случае речь идет не только о развитой теоретико-правовой модели, но и о ходе мысли, который на протяжении длительного времени служил обоснованию права, а затем был использован для его критической оценки: право как «правда» имеет моральное обоснование и, следовательно, должно исполняться, но если закон аморален, можно ли считать его правовым? Примечательно, что в указанном рассуждении рассмотренный принцип долженствования подвергается, с одной стороны, обоснованию, с другой – ставится под вопрос (ведь если должное необходимо обосновывать, является ли оно в конечном счете должным?). Для большого количества людей вопрос о соотношении действующих законов и норм морали является определяющим в выборе личной стратегии поведения. В то же время следует обратить внимание на то, что историко-культурный анализ позволяет сделать вывод о том, что нормы морали вариативны, и в данном случае мы либо говорим о моменте ситуативного соответствия законов, принятых в конкретном государстве, и обычаев, существующих на его уровне (включая, в том числе, область этических установлений, моральных категорий, социальных приоритетов и т. д.), либо должны составить суждения о подлинной морали, что вновь возвращает нас к поиску неких универсальных идеальных оснований права, не имеющих социально-исторической обусловленности.

Постановка вопроса о соотношении морали и права как показателе гармоничности общества основывается на принципиально ином исследовательском ракурсе, в основе которого лежит

оценка социальной практики и влияния на нее различных регуляторов, которые могут как дополнять и усиливать действие друг друга (при условии, если они находятся в соответствии друг с другом), так и ослаблять его (при условии, если между ними присутствует момент смыслового противоречия).

Нормы морали и ценностные установки членов общества – это то, что определяет характер и направленность их деятельности, социальные приоритеты, границы допустимого и общепринятые модели осуществления социальной активности. В этом плане общественная мораль (включая представления о том, что является приемлемым, а что – нет) регулирует основной спектр общественных отношений. При этом законы осуществляют сходную функцию, однако выступают не внутренним (основанным на мировоззренческих установках личности), а внешним регулятором, подкрепленным ресурсами государства, включая деятельность правоохранительной и судебной систем. В условиях когда нормы морали и нормы права соответствуют друг другу, для членов общества последние воспринимаются в качестве корректных и справедливых, а преступление рассматривается не только с правовой, но и с этической точки зрения как недопустимое действие. В этой системе координат формируется особое отношение к правоохранительной системе, ориентированное на сотрудничество с ней и т. д. В итоге это порождает благоприятную ситуацию, когда государство не применяет принуждение по отношению к большей части населения, а исключение составляют люди, которые с точки зрения большинства являются носителями аморального, неприемлемого поведения (что значительно способствует не только торжеству права в обществе, но и формированию позитивного отношения граждан к своему государству). Вместе с тем в условиях, когда общественная мораль и действующие нормы права вступают в противоречие друг с другом, возникает ситуация, характеризующаяся конфликтом интересов государства и членов общества, в котором последние являются объектом принуждения и фактически вынуждены совершать действия, которые воспринимаются ими как неправильные (или, напротив, ограничены в социальных проявлениях, которые воспринимаются ими в качестве корректных и адекватных). В качестве примера реальных ситуаций, в которых присутствует момент конфликта

общественной морали и законов, можно привести этнические сообщества в многонациональном государстве, которые обладают сложившимися традициями, противоречащими общим нормам права, что является источником многочисленных сложностей и конфликтов в силу того, что они либо вынуждены становиться преступниками, но при этом продолжать следовать своим традициям и нормам, либо должны отказаться от последних.

Изложенное иллюстрирует важность соответствия морали и права, в частности объясняет, почему многие исследователи обращают внимание на значимость морального аспекта права, в том числе избирают этический критерий оценки норм права.

Следует также обратить внимание на то, что существует важный подход в осмыслении идеального аспекта права, который связан не с онтологическим или этико-аксиологическим ракурсом рассмотрения, но со сферой антропологического дискурса. Право рассматривается как явление, созданное человеком и обусловленное сферой потребностей человека в обществе, которые он стремится реализовать. В данном контексте идея «естественных прав» приобретает двойственную трактовку: речь идет не только о некой «природе права» – объективно существующих на идеальном уровне правовых принципах, в рамках исторического процесса (что немаловажно, прогресса развития общества) проявляющихся на уровне общества, но и о тех аспектах природы человека, которые детерминируют его базовые социальные потребности, находящие отражение в сфере права. Такого рода подход позволяет по-новому взглянуть на идею объективности права, однако выводит из области рассмотрения культурный аспект, который, с одной стороны, влияет на человека (в том числе преломляет его потребности, актуализируя одни, трансформируя другие и подавляя третьи), с другой – порождает новые формы интересов, которые со временем получают отражение в правовой сфере. Указанное даже нельзя рассматривать в качестве основания для критики естественно-правового подхода в силу того, что последний изначально ориентирован не на то право, которое актуально существует на уровне общественных отношений (и потому может быть вариативно), но на общественно-правовой идеал как венец развития общественной и правовой мысли.

Обратимся к рассмотрению права как социального феномена. Если в рамках естественно-правового подхода право – это некая трансцендентная идея, к которой стремятся существующие правовые системы, то в рамках философских и научных теорий, описывающих представленность права в обществе, оно рассматривается в ракурсе практических социальных запросов, а сама по себе объектность правовых исследований носит куда более конкретно-ориентированный характер, поскольку всякий из рассматриваемых аспектов существования права в обществе может быть объективирован и осмыслен применительно к конкретной ситуации. В этом смысле момент долженствования в праве рассматривается не столько с точки зрения его онтологических характеристик, сколько с точки зрения наличия социальных механизмов, обеспечивающих его действие в обществе. Рассматривая представленность права в социальной среде, можно выделить следующие его аспекты, находящие активное отражение в философском дискурсе:

- право как структурообразующий элемент общества;
- право как институт, его структура и особенности;
- соотношение правовой и политической сфер;
- проблема реализации правовых норм на практике (культурные и социальные детерминанты правового поведения членов общества);

- проблема совершенствования правовых норм (языковой, логической и социоконтекстуальный аспекты правовой реальности).

Следует отметить, что для общества как системы право выступает смысловым основанием, которое, с одной стороны, определяет текущую структуру общества, с другой – задает моменты его стабильности. В данном контексте правовая проблематика тесно перекликается с проблемами общественного развития, поскольку общество существует в динамике, и здесь, с одной стороны, отдельные социальные изменения инициируются на правовом уровне, с другой – некоторые трансформационные процессы вызывают необходимость модификации существующих правовых норм. В данном случае вопросы назначения права (его функций), а также критериев оценки существующей правовой системы имеют ярко выраженную практическую значимость, поскольку

ку своевременное воздействие на правовую сферу может в существенной мере оптимизировать ситуацию в обществе. Институциональные и функциональные аспекты права получают отражение на уровне социологического и социально-философского дискурса, при этом возможности философского подхода в данном случае связаны с осмыслением не только назначения права и структуры правовых институтов, но и с тем социальным контекстом, который определяет действие права, его специфику в конкретных социально-исторических условиях и т. д.

Проблема соотношения правовой и политической сфер имеет большое значение в рамках теории государства и права, причем здесь мы наблюдаем теоретический подход, связывающий специфику политических отношений и правовой сферы, что имеет серьезный эвристический потенциал с учетом того, что право выступает, с одной стороны, в качестве государственного института, с другой – в качестве той сферы, которая напрямую определяет политический строй общества. В связи с этим важно, в каком соотношении находятся институты права и политики. В условиях, когда доминирующее значение приобретает правовая сфера, государственная власть носит ограниченный характер, что закладывает возможности для развития демократических отношений. В свою очередь, в условиях, когда носители власти обладают возможностью модифицировать любые правовые нормы (включая конституционные) в соответствии со своих интересами, речь идет уже о принципиально ином политическом строе общества (абсолютная монархия, авторитаризм, тоталитаризм и т. д.).

В контексте постановки вопроса о соотношении политической власти и права важной проблемой является сопоставление социально-политических интересов и содержания правовых норм. Здесь мы наблюдаем принципиально иной подход, отличающийся от используемого в рамках естественно-правовой теории, поскольку признание довлеющего значения актуально сложившейся социальной практики, имеющей место «здесь и сейчас», позволяет рассмотреть реальные основания формирования законов и их отношение к сложившейся в обществе ситуации (а также значение принимаемых законов в контексте социально-исторической обстановки). В данном случае актуализируется

тематика конкретных групповых интересов и их соотношения, что коренным образом отличается от подхода, ориентированного на отражение неких универсальных общечеловеческих ценностей как основы права.

Одной из важнейших проблем правовой сферы является вопрос об условиях реализации права на практике, поскольку только момента нормативности права недостаточно для того, чтобы оно в действительности регулировало общественные отношения. В данном случае в дело вступают многочисленные социальные механизмы обеспечения правового порядка, а также социальные факторы, детерминирующие предрасположенность общества к реализации действующих правовых норм или ее отсутствие. В связи с этим существенное значение приобретает аналитика области социально-правовых интересов, их соотношения, уровня правовой культуры членов общества, сопоставления содержания действующих норм права и мировоззренческих установок, которые доминируют в общественной среде. По этой причине в рамках анализа правовой практики важно понимание социальной культуры и таких ее составляющих, как ценностные ориентации, приемлемые модели поведения членов общества, характер их социального целеполагания и т. д.

Рассматривая область исследования права на уровне философского дискурса, нельзя не обратить внимание на то, что философия предлагает не только углубленное осмысление анализируемых на ее уровне вопросов, но и имеет методологически-конституирующий характер. И здесь, подобно тому, как эпистемологический дискурс на определенных этапах развития науки определил ее облик, некоторые исследования в области философии языка, логики и социальной философии в значительной степени формируют облик права и процессы формирования конкретных правовых норм. Речь идет прежде всего о практических критериях оценки права в тех его аспектах, которые характеризуют его действенность (соотношение «замысла», стоящего за конкретным законом, и практики, порождаемой его введением), социальное значение конкретных правовых норм, языковые особенности законотворчества и т. д. Ранее отмечалось, что в рамках рассмотрения правового идеала с позиций естественно-правовой

парадигмы присутствует проблема критериев оценки правовых норм. Подобным образом данная проблема актуальна на уровне позитивно-правового подхода, но с принципиально иными теоретическими акцентами, связанными не с универсальными ценностями (что предполагает акцент на проблематике правового идеала), но с социальной практикой (что подразумевает соотнесение как формального, так и содержательного аспектов права с методологическими и практико-ориентированными установками, учитывающими проблемы реализации права в социальной сфере, возможные затруднения, связанные с толкованием правовых норм, формированием отношения к ним в гражданской среде и т. д.).

Подведем итоги. Как и всякая область познания, философия в процессе своего развития пришла к дисциплинарному дроблению, что породило множество специализированных направлений философского дискурса (онтология, антропология, социальная философия, аксиология, этика, философия языка, герменевтика и т. д.). В свою очередь, проблематика права имеет сложный, развернутый характер, что во многом связано с тем, что право имеет одновременно идеально-смысловой и практический аспекты, анализ которых требует принципиально различных подходов, в особенности с учетом того, что развернутое исследование правовых вопросов приводит к постановке промежуточных проблем из таких областей философского дискурса, как онтология, гносеология, этика, аксиология, социальная философия, антропология, культурология и т. д.

В современной правовой мысли утвердилось мнение, что тотальное разделение идеалистически-ориентированных и практико-ориентированных правовых теорий имеет редуционистский характер, в связи с чем в настоящее время формируются исследования, в которых авторы стремятся преодолеть разрыв между рассмотрением права как идеальной категории и как социального феномена. В данном случае примечательно, что подобного рода подход во многом следует за практикой использования отдельных элементов правовых теорий в рамках законотворчества, в связи с чем реализуются как методологические наработки ряда практико-ориентированных теорий, так и аксиологические установки, сформированные в рамках естественно-правового подхода.

В целом не существует однозначного ответа на вопрос о том, какой подход к осмыслению права более адекватен: связанный с рассмотрением правового идеала или с обращением к практической сфере социально-правовых отношений. По большому счету применение конкретных теоретических установок определяется в первую очередь исходной целью, которую ставит перед собой исследователь, и тем, какой круг исследовательских задач он для себя определил.

2. Гуманистические принципы философии права

В рамках настоящей главы анализируются проблемы, связанные с практической сферой бытия права как регулятора общественных отношений. Теоретический акцент в данном случае реализуется в первую очередь в направлении определения значения права для общества и его конкретной социальной представленности, что предполагает осмысление права в динамике его существования. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость отражения, с одной стороны, культурно-мировоззренческим предпосылок формирования права, с другой – осмысления социальных механизмов реализации права и тех факторов, от которых данный процесс зависит.

2.1. Этика и право

В гуманитарной сфере существенное внимание уделяется соотношению права и этики. Данная традиция настолько давняя, что в определенной степени рассмотрение соотношения между ними можно назвать классическим философско-правовым вопросом. Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что этико-правовая проблематика несводима исключительно к постановке вопроса о моральных основаниях права. Проблема соотношения этики и права очень глубока и многогранна.

В рамках настоящего параграфа рассматривается взаимосвязь между этикой и правом, обосновывается принципиальная проблематичность формирования какое-либо одного общего суждения о соотношении морально-этической и правовой сфер. Изложенное не означает, что изучение взаимосвязи между морально-этической и правовой проблематикой не имеет перспектив. Скорее, целесообразно принимать во внимание сложность проблемы и, соответственно, необходимость ее аналитического деления на ряд промежуточных вопросов, имеющих самостоятельное значение. Мы можем выделить следующие аспекты данной проблемы:

влияние этики на происхождение права;
функция права как социального механизма, на уровне которого реализуется запечатление этоса социального поведения, де-факто разделяемого членами общества;
роль этической сферы в динамике права (формирование законов, их изменение, устаревание и т. д.);
значение этического с точки зрения анализа природы права;
историческая трансформация общественной структуры как основание для изменения социальных и культурных детерминант правовой сферы;
влияние морально-этических установок граждан на практику правоприменения;
воздействие правовой сферы на процессы формирования и репрезентации моральных и ценностных установок членов общества;
идеи исключения этики из области правовых отношений как реальной исторической тенденции и как прагматически оправданной практики (обязательно упомянуть о беспристрастности судебных юристов, юридической тайне и т. д. в институциональной практике современных судов);
проблема восприятия правосудия с точки зрения этического аспекта принимаемых судебных решений.

Среди исследователей вопрос о возникновении права является объектом многочисленных дискуссий, что связано, с одной стороны, с исторической отдаленностью данного события, с другой – с неопределенностью того, что следует понимать под правом¹. Ряд исследователей полагает, что право представляет собой нормы поведения, подкрепленные принуждением со стороны наделенных властью членов общества, другие рассматривают право как унифицированную государственную волю, сторонники третьей позиции предполагают, что право – это прежде всего институт, а его формирование связано с выделением из религии первичных регулирующих институтов, к которым и относятся государство и право.

¹ Шалютин Б.С. К вопросу о происхождении права // Вестник Курганского государственного университета. 2009. № 2(16). С. 141–149.

Отдельные аргументы в пользу данной позиции можно, в частности, встретить в масштабном исследовании Дж. Фрезера «Золотая ветвь»¹, в котором он рассматривает специфику обычаев и верований ряда архаичных обществ. Сходные идеи можно обнаружить на уровне структурно-функционалистского подхода, рассматривающего право прежде всего как институт, сформировавшийся на уровне общества на определенном этапе его развития.

Одна из доминирующих концепций происхождения права предполагает, что еще до его оформления в самостоятельный институт уже существовало «протоправо», представляющее собой в содержательном плане совокупность норм и запретов, представленных на уровне обычаев и верований людей. Эта позиция не противоречит ни идее, согласно которой право выделилось из религии, ни точке зрения, в соответствии с которой первые нормы права были установлены носителями власти, поскольку в первобытном обществе самыми первыми носителями власти являлись жрецы, а нормы поведения получали обоснование на уровне религии.

Принятие идеи о том, что протоправо выделилось из первичных регуляторов активности членов общества, в роли которых выступали обычаи и верования людей, частично проливает свет на вопрос о том, как соотносятся между собой этическая и правовая сферы. Многие исследователи отмечают синкретичность первобытной культуры, в которой нормы поведения, этические установки, традиции и представления об устройстве мира находятся в тесном переплетении. Соответственно, право в его первоначальном аспекте нераздельно с представлением о правильном и неправильном, в первобытном сознании получающем выражение в идеях добра и зла. Эта особенность права, связанная с нераздельностью нормативного и этического, характерна для первоначальных этапов становления правовой сферы, а отдельные ее аспекты сохранились на уровне развитых древних обществ. В частности, обозначение свода законов в древнерусском государстве в качестве «Правды» – характерное выражение идеи о том, что установленный носителями власти закон отражает справедливый порядок.

¹ Фрезер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: Политиздат, 1980. 831 с.

Следует обратить внимание на важный аспект бытия права, сохранявший свое значение на протяжении длительного промежутка времени. Право, являясь регулятором общественных отношений, находится в неразрывной связи с картиной мира членов общества, рассматривающих данный порядок (в том числе принимающих определенные модели обоснования действующих правовых норм). Этот момент зачастую упускается из виду в рамках анализа специфики правовых отношений в различные периоды, однако способ мирозерцания уже определяет усмотрение определенного порядка в окружающем мире, а от типа мировоззрения во многом зависит то, каким принципам, по мнению людей, подчинены процессы, окружающие их. По этой причине первичное, архаическое мировоззрение, полагающее момент глубокой населенности мира мистическими силами, кардинальным образом отличается, например, от светского мировоззрения, характерного для эпохи Просвещения, в вопросах трактовки событий, происходящих в обществе.

В архаичном мировоззрении обычаи и нормы имели мистикорелигиозное обоснование, а мистическое сознание, в свою очередь, ложилось в основу первичных этических представлений. Неслучайно категории греха, порока и, напротив, добродетели сформировались на уровне религиозной традиции и лишь в дальнейшем стали объектом рефлексивного осмысления.

Таким образом, на первичном этапе становления общества мораль и право находились в неразрывной взаимосвязи, что в определенной степени позволяет утверждать, что первые законы служили выражением и вербальным закреплением тех моральных установок, которые сформировались на уровне архаичного сознания. В дальнейшем в рамках осмысления права сохранился момент отождествления правовой и моральной сфер в процессе формирования и развития теории естественного права.

На этапе возникновения права этический компонент имел определяющее значение, поскольку в обществе еще отсутствовало противопоставление сакрального и светского, а мировоззрение ложилось в основу социального порядка, определяя его основные сферы. В связи с этим даже этимологически «право» и «правильное» очень близки, как и обозначение законов через категорию «правда».

В настоящее время существуют развитые теории, сторонники которых проводят разграничение между правовой и этической сферами уже в рамках построения концепций возникновения первых правовых норм. Преимущественно речь идет о теориях, полагающих точкой возникновения права образование государства, на уровне которого были сформированы первые законы как выражение воли правителя, подкрепленной его властью и силой.

Уязвимость данных теорий несложно выявить с учетом того, что самые ранние формы государства, известные исследователям, основывались на мистических культах и имели во многом религиозный характер, что, в свою очередь, определяло не только подчиненный характер первой власти существующим мистическим культам, но и ограниченность спектра властных решений, доступных первым правителям (которые нередко совмещали функции жрецов и правителей). Таким образом, налицо обусловленность первичных норм установками мировоззрения, содержащими представления о «правильном» и «неправильном». Данные установки в содержательном плане очень близки к современному пониманию этических норм.

Итак, мы приходим к пониманию того, что процесс возникновения права был обусловлен мировосприятием членов архаичного общества, их представлениями о «правде», способами видения «правильного» и «неправильного». Все это в совокупности хорошо иллюстрирует сформулированный нами тезис о том, что первичные нормы права представляют собой закрепление морально-этических установок, реализуемых в социальной среде, в виде норм, подкрепленных силой действующей власти (в роли которой нередко выступало жречество).

Следует отметить существенное отличие между происхождением права как единичным событием и генезисом права как процессом, продолжающимся по сей день. Утверждение о том, что право сформировалось на базе этико-ориентированного мировоззрения и на первоначальном этапе развития общества можно было ставить знак равенства между моральными установлениями, получившими выражение на уровне традиций и обычаев, и нормами права, еще не означает, что природа права предполагает обязательную обусловленность моральными нормами.

Рассматривая исторические факторы трансформации правовой системы, следует отметить, что важнейшими моментами, определившими изменение облика права, являются выделение правовой сферы и государственной власти из религии и их становление в качестве самостоятельных общественных институтов. На этом этапе происходит очень важное событие, определяющее изменение характеристик правовой реальности: если изначально нормы являлись выражением коллективных представлений о порядке мироустройства (и устройства общества), то в дальнейшем постепенно выделились группы людей, наделенных властью формировать конкретные нормы. Это началось с практики толкования сакрального как формы принятия властных решений и в дальнейшем приняло форму «воли лучших», в роли которых выступали вожди и правители.

Элементы сакрализации власти сохранялись на протяжении длительного времени: в той или иной форме представления о божественном происхождении власти (или богоизбранности правителя) присутствовали в ряде государств, и продолжалось это вплоть до Средневековья. Тем не менее природа власти уже приобрела обособленный от религиозных институтов характер, что породило существенную двойственность: позиционирование власти и порожденных ею норм и реальная природа процессов, стоящих за введением того или иного закона, кардинально отличались. Если брать за основу именно действующие механизмы законодательной деятельности в светском обществе, налицо преобладание интересов групп, находящихся у власти, над этическими установками, принятыми в конкретно-исторических условиях.

Для иллюстрации данного тезиса достаточно сопоставить основные установки христианской этики и во многом бесчеловечные законы, принимаемые в ряде средневековых государств. Вместе с тем в условиях, когда правовая сфера стала представлять собой механизм реализации интересов властных элит, сформировалась специфическая тенденция, связанная с тем, что лежащие в основе права интересы высшего сословия получили выражение и обоснование на уровне культурной традиции, что хорошо прослеживается в этической составляющей ренессансной мысли.

Мы не беремся утверждать, что действующие законы породили специфический этический кодекс, характерный для ренессансной культуры. Скорее, справедливо суждение о том, что развитие правовых тенденций в обществе и формирование приверженности высшего сословия ренессансной этике имели сходные предпосылки.

В дальнейшем по мере ограничения роли института религии в обществе, в том числе в условиях укрепления позиций государства, были созданы предпосылки для максимизации власти, сосредоточенной в руках монархов. В результате практика формирования законов как установления порядка, выражающего конкретные интересы, приобрела во многом открытый характер. Именно на этой стадии осознание жестокой прагматичности принимаемых законов и заключенной в них социальной несправедливости привело к бурному развитию социальной рефлексии, основанной на утверждении необходимости морального измерения права, что получило выражение в развитии естественно-правовой теории.

Дальнейший анализ исторических изменений в условиях формирования права и его отношения к этическому сознанию предполагает осмысление специфики естественно-правовой теории и противоречия между естественно-правовым и позитивно-правовым подходом. Этот аспект имеет большое значение для понимания поставленных на данном этапе вопросов, поскольку именно в рамках дискуссии между сторонниками естественно-правового и позитивно-правового подходов была произведена последовательная разработка вопроса о природе права, в том числе его отношении к идеальной сфере этического.

Кардинальное противоречие между естественно-правовой и позитивно-правовой теориями состоит в том, что именно рассматривается в качестве права. С точки зрения позитивно-правового подхода, право – это совокупность актуально действующих на уровне конкретного государства нормативных установлений¹. Специфика позитивно-правовой установки состоит в

¹ Барсукова А.А. Соотношение естественного и позитивного права // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. 2019. № 1(22).

том, что она рассматривает преимущественно институциональный и технический аспекты права, не ставя при этом под вопрос корректности того или иного закона, его справедливости, человечности и т. д.

Данный подход во многом социологичен и предполагает акцент на внешнем анализе фактически действующего институционально обусловленного набора юридических норм. Такого рода подход фактически выносит за скобки вопрос об этичности правовых установлений, признавая в качестве права любое законодательное положение, утвержденное и подкрепленное властью. К числу положительных сторон данного подхода относится то, что он позволяет проанализировать социальные основания формирования различных законов вне зависимости от их морального статуса, что позволяет соблюсти момент непрерывности в отражении социально-правовой реальности. Вместе с тем, как отмечалось, позитивно-правовой подход может зафиксировать моменты соотношения правовой и этической сфер разве что через социологическое осмысление культурных предпосылок формирования тех или иных норм либо рассмотрение фактора этики как условия конформности членов общества.

Обратимся к специфике естественно-правовой теории. В ее основе лежит идеалистическое полагание в качестве права набора норм, отражающих ключевые ценности и моральные установки. Теория естественного права предполагает наличие набора универсальных, общих для любой социальной среды норм, соответствующих заложенным на уровне природы человека потребностям в конкретном способе организации его жизни в обществе.

Эти базовые потребности в рамках естественно-правовой парадигмы обозначаются как естественные права, защита которых государством полагается необходимой и обязательной. К числу естественных прав исследователи относят право на свободу, безопасность, жизнь и т. д., т. е. права на реализацию базовых потребностей и интересов человека.

Особенность теории естественного права состоит в том, что в ее рамках осуществляется деление на подлинное право, в качестве которого позиционируется естественное право, и позитивное право – совокупность законов, установленных действующей вла-

стью¹. С точки зрения теории естественного права, действующие законы могут быть признаны в качестве неправовых, при условии если они не соответствуют по своему содержанию ключевым установкам естественного права. Таким образом, теория естественного права, по сути, определяет область моральных ценностей в качестве основного критерия оценки действующих норм права – их корректности, человечности и т. д. Это объясняет очень важную особенность естественно-правовой теории, связанную с тем, что на ее уровне были реализованы предпосылки для критики действующих законов с точки зрения их соответствия или несоответствия морально-этическим установкам членов общества, их представлениям о справедливом общественном устройстве. Неслучайно основоположники естественно-правовой теории одновременно являлись вдохновителями революционного движения в Европе эпохи Просвещения.

Дилемма естественно-правового и позитивно-правового подхода состоит в том, какие акценты были сделаны в рамках рассмотрения правовой сферы. Естественно-правовой подход можно обоснованно считать наиболее приближенным к трактовке права через призму моральных ценностей. В историческом плане те социальные сдвиги, которые произошли благодаря распространению естественно-правовой парадигмы, выступили в качестве одного из серьезных оснований приведения правовой базы многих государств в соответствие ключевым морально-этическим установками – идеям справедливости (реализованной в рамках принципа равенства граждан, прописанного на уровне ряда конституционных законов в различных странах), уважения чужой свободы, ответственности и т. д. Изложенное получило отражение, в частности, на уровне Конвенции о правах человека, в которой закреплён ряд основных установок естественно-правовой парадигмы.

Теория позитивного права, по сути, игнорирует этический аспект права и рассматривает последнее как социальный факт, что определяет смещение акцентов с моральной составляющей законодательной деятельности на реализацию властной воли и

¹ Карнаушенко Л.В. Соотношение теории естественного права и теории позитивного права // Философия права. 2021. № 1(96). С. 7–11.

интересов отдельных политических сил. Вместе с тем это не исключает актуализацию этической проблематики в рамках позитивно-правовой теории не на уровне дискуссии о природе права, но на уровне анализа условий его функционирования. В частности, одним из важных аспектов соотношения этики и права, разрабатываемых в позитивно-правовом подходе, является аналитика культурных предпосылок введения конкретных юридических норм в обществах с демократической формой правления (что предполагает взаимосвязь между политической волей народа и принимаемыми носителями власти решениями).

В данном случае важно то, что отдельные моральные ценности находят выражение на культурном уровне и могут, в том числе, определять векторы социально-политической активности членов общества, что способно повлиять на то, какие именно интересы и этические установки могут быть коллективно выражены в конкретном обществе. Взаимосвязь между этическими нормами, получившими глубокое отражение на уровне культуры, и областью позитивного права проявляется в той мере, в какой интересы членов общества соотносятся с проводимой социальной политикой.

По этой причине момент диалога между властью и народом может быть рассмотрен как одно из условий обеспечения нравственной направленности формируемой законодательной базы, в то время как организация власти, которая предполагает реализацию интересов узкого круга лиц, напротив, способна повлечь за собой формирование законов, противоречащих общепринятым нравственным установкам. Это не является обязательным правилом, так как в условиях владения полнотой власти узким кругом лиц все зависит от целей, интересов и нравственных установок данной группы, однако наиболее жестокие властные решения (получившие отражение, в том числе, на уровне нормативной системы общества) были осуществлены именно в таких обществах (монархия, диктатура, олигархат).

Еще раз подчеркнем серьезное отличие этических установок и социальных интересов. По большей части развитие общества определило смещение законодательных процессов в сторону реализации определенных общественных интересов через регулиро-

вание на нормативном уровне социальной структуры. В то же время обратная связь между властью и народом как принцип организации политических отношений определяет, в частности, оценку членами общества вводимых норм права, и в данном случае уже имеют значение те критерии оценки законов, которые реализуют члены общества. По этой причине, если члены демократического общества являются сторонниками реализации естественных прав (которые, как мы помним, основываются на ряде значимых этических установок), действуют механизмы опосредованного влияния этической сферы на область правовых отношений.

Вопрос о взаимосвязи этики и права может быть сформулирован различным образом в зависимости от того, какая именно трактовка права имеет место, в том числе в каком ракурсе осуществляется анализ их отношения. Выше нами уже были освещены такие аспекты, как роль этических установок в возникновении права, а также значение этики как одного из определяющих аспектов для содержания правовых норм. Помимо этого, существует еще несколько значимых аспектов взаимосвязи права и этики.

Для начала рассмотрим такой специфический вопрос, как влияние права на этику. Этическая сфера традиционно рассматривается как область идеальных норм. В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, каким образом вообще возможно повлиять на сферу идеального. Вместе с тем в область этической проблематики входит, в частности, вопрос характера этического сознания, и уже здесь присутствуют возможные варианты обусловленности сознания членов общества определенными законами. Так, в современных обществах существуют законы, запрещающие распространение отдельных идей, которые признаются аморальными, общественно опасными и т. д. На практике это означает прежде всего то, что существуют запрещенные способы мышления, развития которых общество стремится не допустить. Речь может идти как о деструктивных формах мировоззрения, так и о ценностных ориентациях, которые каким-либо образом угрожают носителям власти. Это зависит в первую очередь от того, о каком государстве идет речь, какие критерии воспринимаются носителями власти для вынесения решения о запрете того или иного

явления как объекта репрезентации. Так, под запрет могут подпадать произведения, идеи, организации, обладающие определенной идеологической направленностью, что в итоге может оказать влияние на этические установки членов общества.

Существует и еще один аспект зависимости этической сферы от действующих норм права. Для государства как регулятора общественных отношений очень важно достижение такого социального состояния, при котором в обществе исправно действуют различные социально-сберегающие механизмы, а область нравственности и развитых конструктивных ценностей представляет собой тот аспект социального мировоззрения, который в полной мере отвечает интересам государственной власти. Поскольку государство заинтересовано в развитии нравственных ориентиров членов общества, одним из направлений политической регуляции становится введение мер, направленных на такое регулирование общественной структуры, которое создаст предпосылки для повышения уровня нравственного развития населения.

Изложенное иллюстрирует сложную опосредованную взаимосвязь между сферами права и этики, поскольку основной набор мер, предпринимаемых органами власти для регулирования процессов в обществе, реализуется посредством введения специальных норм, управляющих отдельными аспектами социальной жизни.

Следующий аспект соотношения этики и права относится к институциональной составляющей правовой реальности, а именно к области судебной практики. Речь идет не столько о содержании права, сколько об условиях приведения социальной практики в соответствие действующим правовым нормам, которые обусловлены характером мировоззрения членов общества (включая область их этических установок). Прежде всего следует отметить, что правосудие представляет собой социальный механизм, основной функцией которого, вопреки расхожим представлениям, является не обеспечение наказания членов общества, но реализация на практике действующих норм права. Введение в силу той или иной штрафной санкции (например, уголовной или административной ответственности) – лишь частный случай общей судебной практики по приведению общественных отношений в соответствие действующим нормам права.

Одним из важнейших аспектов судебной деятельности является обеспечение реализации законных прав членов общества. Для того чтобы эти права могли быть реализованы, критически важно, чтобы члены общества рассматривали суд в тех случаях, когда их законные интересы нарушены, приемлемым инструментом обеспечения исполнения своих законных прав. Здесь мы вплотную подходим к такому моменту, как неоднозначность восприятия нормативной правовой сферы (в том числе правосудия) с точки зрения нравственных установок членов общества. Например, многие члены общества полагают обращение в суд актом агрессии в отношении предполагаемого ответчика, руководствуясь тем, что «нехорошо» обращаться в суд на знакомого, соседа, родственника и т. д. В результате специфические нравственные установки влияют на то, что в ряде случаев законные права и интересы членов общества ущемляются, но при этом они не считают возможным отстаивать их в судебной сфере.

Во многом практика судебной деятельности является вопросом культуры и, соответственно, реализованных на ее уровне нравственных установок, регулирующих отношения между людьми. Безусловно, можно в данном случае поставить под вопрос взаимосвязь нравственного аспекта и отказа многих людей от правосудия, сославшись на то, что данный момент к подлинной этике не имеет отношения. Но мы в данном случае рассматриваем именно образ действия людей, их этос, основанный на понимании правильного и неправильного, допустимого и недопустимого, в силу чего, на наш взгляд, приведенное рассуждение является корректным.

Существуют такие аспекты организации правовой активности, которые не просто не организованы сообразно общепринятым этическим установкам, но, напротив, прагматика которых требует исключения общепринятого этического момента из профессиональной активности юристов. Рассмотрим подробнее, в каких условиях и сообразно каким функциональным задачам института права в отдельных ситуациях становится необходимым отход от общепринятой этики с целью выполнения профессионального долга. Можно выделить две разновидности ситуаций такого рода:

обязательства юриста о неразглашении полученной им от клиента информации (юридическая тайна);

обязательства прокурора или адвоката прилагать все усилия по достижению оправдательного или обвинительного приговора вне зависимости от фактической виновности или невиновности подсудимого.

Специфика организации состязательного аспекта правосудия определяет создание условий для беспристрастного освещения рассматриваемой ситуации со всех возможных позиций (как учитывающих интересы конкретной стороны, так и противоречащих им), что реализуется через организацию полемики между стороной, отстаивающей интересы ответчика или подсудимого (адвокатом), и стороной, отстаивающей интересы истца либо организующей обвинение (адвокатом истца либо прокурором).

В рамках ознакомления с обстоятельствами дела, по которому ведется слушание, адвокат может получить от своего клиента информацию, указывающую на его фактическую виновность либо на наличие у него определенных обязательств, которые он не намерен реализовывать. Это та информация, которую юрист не имеет права разглашать, даже если речь идет о фактах глубоко аморальной, общественно опасной деятельности. Это является одним из очень проблемных с точки зрения нравственности аспектов деятельности профессиональных юристов, поскольку его задачей является не просто умалчивание о той информации, которую он получил от клиента, но и максимальное отстаивание его интересов с целью реализации принципа состязательности в суде.

Не менее проблемным вопросом является осуществление защиты или обвинения в условиях, когда юрист располагает сведениями о фактической виновности или невиновности подсудимого. В такой ситуации реализация профессионального долга противоречит общим установкам социальной этики, поскольку юрист оказывается вынужден предпринимать все возможное для того, чтобы, например, добиться наказания невиновного или, напротив, обеспечить оправдание преступника. Данные ситуации являются издержками системы правосудия, однако факт остается фактом: существуют аспекты судебной деятельности, для реализации которых необходимо исключение этической составляющей из профессиональной деятельности юристов.

Последним в списке рассматриваемых нами аспектов соотношения этической и правовой сфер является влияние этики на правоприменительную практику, а именно на реализацию членами общества действующих правовых норм.

В текущих условиях каждый из перечисленных аспектов противодействия преступности характеризуется наличием серьезных проблем и затруднений. Рассмотрим по порядку каждый из них с точки зрения характера практики противодействия преступности в современном обществе.

Что касается изоляции преступников от общества, следует отметить, что данная мера эффективна в той степени, в какой эффективен процесс выявления факта осуществления преступления и личности преступников. В случаях циклического безнаказанного совершенная преступной деятельности рецидивистами изоляция правонарушителей, чьи преступления были выявлены и доказаны, характеризуется лишь частичной эффективностью.

Идея неотвратимости наказания на протяжении длительного времени определяла политику борьбы с преступностью. В то же время исследователи все чаще ставят под вопрос влияние возможности наказания на отказ от преступной модели активности. Это связано, с одной стороны, с идеей «приемлемой платы» за совершаемое преступление, с другой – с постановкой под вопрос самой возможности быть пойманным. В условиях, когда в общественном сознании существует развитое представление о практиках безнаказанного совершения преступлений, принцип неотвратимости не реализуется.

Наибольшие дискуссии вызывает идея об исправительной функции тюрем. Проблема в данном случае состоит в том, что тюрьмы выступают в качестве мест сосредоточения большого количества преступников, каждый из которых каким-то образом пришел к идее возможности совершения противоправного действия. Коммуникативное взаимодействие осужденных порождает особый культурный срез, приобщение к которому, по сути, представляет собой одну из разновидностей социализации – криминальную социализацию. При этом, что показательно, криминальная субкультура тяготеет к тюремной тематике и во многом

сформирована на уровне исправительных учреждений¹. В результате некоторые члены общества, совершившие преступление по неосторожности или в состоянии аффекта (а не в качестве сознательного решения, основанного на принятии преступной модели), после отбывания наказания не только не исправляются, но и, напротив, приобщаются к социальным установкам криминальной субкультуры, что ложится в основу повышения предрасположенности к преступной деятельности в дальнейшем.

В контексте изложенного меры по противодействию преступности, связанные с повышением эффективности правоохранных органов, могут способствовать преодолению сложившейся ситуации лишь отчасти – через разрушение криминальных институтов (организованных преступных групп и сообществ), на уровне которых происходит циклическое осуществление преступной деятельности, а также через изоляцию преступников-рецидивистов. Вместе с тем, если рассматривать мировую практику борьбы с преступностью, можно наблюдать сходную ситуацию в ряде стран: несмотря на интенсивные меры по повышению эффективности правоохранительной деятельности, криминогенная обстановка со временем лишь усугубляется. Изложенное свидетельствует о недостаточности принимаемых мер и определяет необходимость поиска альтернативных путей борьбы с развитием преступности.

В научной литературе нередко поднимается вопрос о значении и условиях улучшения правосознания как одном из социальных факторов, противодействующих развитию преступности.

Правосознание, основанное на естественно-правовых установках, определяет возможность выборочного следования законам на основании личных представлений субъекта об их приемлемости и необходимости. Очевидно, что подобного рода установка мировоззрения создает серьезные предпосылки для осуществления гражданами мелких преступлений при условии, если на уровне их мировоззрения отсутствует момент ценностного обоснования действующих законов.

¹ Алексеев А.И. Тюремный жаргон, его место в криминальной субкультуре // StudNet. 2020. № 12. С. 533–539.

Здесь мы вплотную подходим к зависимости между характеристиками менталитета членов общества и типом правосознания, который в данном обществе имеет преобладающий характер. Рассматривая специфику российского менталитета, следует отметить, что для россиян характерно преобладание морального аспекта социальной активности над рассудочным, что выражается в известной склонности россиян действовать «по совести», вне зависимости от того, каково в конкретный момент содержание действующих нормативных установлений. Это позволяет судить о том, что в российском обществе преобладающее значение имеет естественно-правовая установка, что определяет присущую россиянам склонность к восприятию правовых норм по отдельности, в том числе к осуществлению выборочного следования им, что таит в себе значительные риски при условии дефицита ценностного восприятия действующих норм права.

Тезис о преобладании в российском обществе формы правосознания, основанной на естественно-правовой установке, актуализирует вопрос о соотношении моральных ценностей и норм поведения, принятых в обществе, с действующими законами. Этот аспект относится к числу первостепенных, поскольку определяет то, каким образом граждане относятся к правовым нормам. В данном случае следует отметить, что среди подавляющего числа членов общества присутствует момент неприятия преступлений, относящихся к числу особо тяжких, однако общая оценка преступной деятельности носит ситуативный характер, т. е. в отдельных случаях члены общества полагают приемлемой реализацию преступной модели активности. В частности, речь идет о ситуациях, когда преступное действие выступает в роли средства достижения цели, одобряемой членами общества.

Иллюстрацией данного принципа является то, что в российском обществе популярны криминальные боевики, в которых главный герой действует за рамками правового поля, однако зрители одобряют его действия, в том числе идентифицируют себя с ним, зачастую равняясь на него и стремясь ему подражать.

Последний в списке раскрываемых нами аспектов правосознания – специфика процессов социальной идентификации и самоидентификации членов общества. Преобладание коллективных интересов над личными и, соответственно, идентификация субъекта через общность, к которой он принадлежит, определяет

склонность к следованию интересам этой общности и реализации «правил игры», которые на ее уровне реализованы. В свою очередь, противопоставление личности обществу, в том числе постановка личных интересов над общественными, что характерно для индивидуалистической традиции, задает предпосылки для допущения противоправной активности в рамках модели «правила – не для всех».

В рамках индивидуалистической и коллективистской моделей социального мировоззрения существуют формы обоснования права. Для индивидуализма характерно обоснование значимости права через интересы и права отдельного человека, защита которых реализуется на правовой основе. Это, в частности, определяет то, что обществу с господствующей индивидуалистической установкой характерна повышенная склонность к реализации позитивно-правового подхода в правосознании. В свою очередь, коллективизм обосновывает право через интересы широкой общности – населения государства, и в данном случае приоритетное значение имеет то, насколько развитыми в гражданской среде являются широкие формы социальной самоидентификации (патриотизм, гражданское самосознание).

Прежде всего, следует обратиться к вопросу о том, как именно понимают и представляют себе правовую сферу члены общества. В рамках социальной практики существуют две ключевые модели восприятия права: наличие определенной формы отношения к правовой сфере в целом, которое проецируется на каждый отдельно взятый закон, либо формирование отношения к каждому закону по отдельности исходя из того, насколько он отвечает интересам субъекта, справедлив и т. д. Данные парадигмы восприятия в содержательном плане соотносятся с естественно-правовой и позитивно-правовой традициями рассмотрения права, реализуя их основные установки и теоретические акценты.

Позитивно-правовое рассмотрение права полагает последнее в качестве внешнего обстоятельства, обусловленного властными решениями представителей государства. При этом существующие нормы имеют обязательный к исполнению характер в силу принадлежности к правовой сфере. Если рассматривать систему представлений о праве, основанную на позитивно-правовой установке, очевидно наличие предпосылок следования

всем без исключения нормам права на уровне мировоззрения действующего субъекта (либо, напротив, полный и осознанный отказ от следования закону при условии, если социальным субъектом выбрана преступная модель активности).

Для естественно-правовой позиции характерно представление о необходимости обусловленной правом деятельности с той особенностью, что естественно-правовой подход далеко не всякий действующий закон причисляет к подлинному праву, рассматривая последнее, скорее, в качестве некоего правового идеала. Естественно-правовой подход допускает момент оценки законов, в том числе их неприятия при условии, если социальный субъект считает закон некорректным, несправедливым и т. д.¹

Резюмируя изложенное, следует отметить, что осуществление деятельности по развитию правосознания в гражданской среде членов российского общества должно учитывать исходные моменты предрасположенности россиян к принятию тех или иных мировоззренческих установок. В данном случае существенно более эффективным является путь по поддержке формы правосознания, основанной на естественно-правовой установке и коллективных ценностях, чем попытка насаждения позитивно-правового подхода в условиях, когда менталитет россиян определяет их склонность отвергать данную парадигму рассмотрения права. Вместе с тем понимание типа правосознания, присутствующего в обществе, позволяет более глубоко осмыслить такой вопрос, как перспективные направления его формирования, в частности причины, по которым в текущей ситуации наблюдаются сбои в регуляции социального поведения. В качестве примера можно привести криминальную субкультуру, являющуюся одной из мощных угроз социальной стабильности на современном этапе.

Показательно, что такие понятия, как альтернативный кодекс поведения, среди носителей криминальной активности основываются на самостоятельной оценке и понимании той или иной ситуации, т. е. речь идет о реализации классического естественно-правового подхода, в основе которого лежат альтернативные общепринятым ценностные установки (сила, власть и т. д.).

¹ Шафиров В.М. Естественно-позитивное право: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Красноярск, 2005.

Следует обратить внимание на важный момент, который зачастую не учитывается в рамках анализа причин и оснований формирования преступности. Речь идет о том, что в число факторов конформного поведения, помимо страха наказания со стороны государственных институтов, поддерживающих правопорядок, входит принятие на мировоззренческом уровне содержания законов, которые определяют социальную активность субъекта. У членов общества имеет место социальная картина мира, в том числе совокупность ценностных ориентиров и моральных установок, с позиции которых они оценивают окружающую действительность, принимают решение о выборе той или иной стратегии социальной активности.

Соответственно, когда человек сталкивается с ситуацией, четко и однозначно регулируемой на уровне норм действующего права, его склонность и готовность следовать действующему нормативному установлению зависит от того, насколько эта норма соотнобразуется с его собственными представлениями о том, что правильно, а что нет. При этом существует два основных ракурса, в которых реализуется оценка юридической нормы: общее восприятие права и отношение к содержанию конкретной нормы.

Социальный этос, предполагающий приемлемость (и даже позитивную оценку) нарушения закона, связан преимущественно со специфической культурной приверженностью человека (например, его приобщением к криминальной субкультуре, возвеличивающей деструктивные формы поведения и, напротив, деактуализирующей традиционные социальные ценности). Вместе с тем большую сложность представляет такой аспект, как неприятие членами общества отдельных законов либо восприятие конкретных ситуаций, в которые они помещены, как исключения (например, когда для спасения жизни человека необходимо совершение мелкого правонарушения). Таким образом, отдельные нравственные установки могут ложиться в основу преступного поведения, что представляет собой очень серьезную социальную проблему и одновременно перспективное направление исследования.

В большинстве случаев уровень нравственного воспитания членов общества напрямую определяет их склонность к следованию действующим нормам права, что определяет значимость

развития конструктивных форм мировоззрения как одного из факторов правопорядка в обществе.

Подведем итог. Осмысление соотношения права и этики осуществляется в различных ракурсах: онтологическом (природа права, моральные основания права), институционально-социологическом, политическом и даже культурологическом. Это свидетельствует в первую очередь о том, что области этики и права являются очень близкими и тесно связанными между собой. По этой причине для осмысления основных аспектов взаимосвязи этики и права необходимо рассматривать их на самых разных уровнях. Сложность в подведении итогов столь разнопланового теоретического анализа очевидна, поскольку, как уже отмечалось, невозможно однозначно охарактеризовать соотношение областей этики и права. Вместе с тем их взаимосвязь на смысловом уровне задает направления развития правовой сферы, критерии оценки юридических норм и способы организации институциональных отношений в правовой сфере. Несмотря на то что рассмотренная область имеет длительную историю изучения, на деле в тематической сфере соотношения этики и права сохраняются «белые пятна», определяющие серьезные перспективы исследовательской деятельности, что определяет значимость продолжения исследований в данной тематической сфере.

2.2. Социальная философия права

Тематика права чрезвычайно обширна, что определяет множественность направлений теоретического анализа, направленного на раскрытие вопросов о сущности и специфике права. Дискуссии, которые ведутся касательно природы права, отражают различия не только в теоретическом подходе к рассмотрению его сущности, но и в приоритетах и акцентах, расставляемых исследователями.

Изложенное обуславливает невозможность и в целом нецелесообразность в процессе рассмотрения основного спектра правовых теорий осуществлять выбор в пользу какой-либо одной парадигмы и полностью отбрасывать те наработки, которые были сформированы в других. В качестве примера можно привести

широко известную дискуссию между сторонниками естественно-правового и позитивно-правового подходов: при том что основным спорным моментом во взглядах является вопрос о правовом статусе действующих законов и, по сути, о том, что именно следует считать правом, расхождение между исследовательскими традициями, порожденными естественно-правовым и позитивно-правовым подходами, затрагивает, в том числе, предметную область исследований. В результате формируются во многом самостоятельные направления исследовательской мысли, на уровне которых реализуется постановка специальных правовых вопросов. Для естественно-правовой теории таким акцентом становится аксиология права, в то время как для позитивно-правового подхода основной исследовательский акцент реализуется на техническом аспекте юридической деятельности, что определяет высокий уровень разработки прикладных вопросов формирования нормативной базы и последующего правоприменения.

Приведенное рассуждение иллюстрирует важный принцип: помимо деления правовых парадигм по критерию лежащих в их основе теоретических установок, правомерна классификация существующих областей знания, в той или иной мере ориентированных на раскрытие правовой проблематики, по критерию их предметной направленности. Это позволяет сконцентрироваться не на частных теоретических моделях, но на проблемах, которые ставятся и решаются в ходе исследовательской деятельности. При этом следует иметь в виду, что дискретность теоретического отражения проблематики права является одним из оснований фрагментарного, неполного осмысления его специфики. Помимо того, что специалисты в различных областях исследования права зачастую не используют наработки своих коллег-исследователей, отдельные проблемы, находящиеся на стыке областей знания, не получают должного отражения. Это определяет значимость общих исследований, имеющих интегративный характер и способных объединить различные аспекты понимания права. Наибольшую перспективность в данном случае имеет философский подход к осмыслению права.

В современной философской традиции правовые исследования в наибольшей мере представлены на уровне философско-правового дискурса, а также в рамках социально-философских

исследований. Способ отражения правовой проблематики в данных направлениях философского знания различается в первую очередь ракурсом и масштабом рассмотрения права: в то время как философия права анализирует проблемы природы права, его динамики, ценностных оснований, иными словами, определяющих аспектов правовой реальности, укорененных в природе общества и человека, социально-философское прочтение правовой проблематики связано с акцентом на приоритете общественного, что задает обращение к практической роли права в системе социального взаимодействия. Соответственно, применительно к тематике права производится специфическая постановка исследовательских вопросов, связанная с ориентацией на общесоциальную прагматику, в том числе отражение реально протекающих в обществе системных процессов.

Изложенное определяет существенный интерес к социально-философскому подходу к изучению права, поскольку, с одной стороны, он ориентирован на общее рассмотрение феномена права, учитывающее различные его аспекты, с другой – право в социально-философской мысли выступает не в качестве центрального объекта изучения, но представляет собой отдельный аспект исследуемой системы общественных отношений, что определяет выведение отдельных положений о природе права из социально-философских положений, описывающих общество в целом.

Когда речь идет об анализе отражения права в рамках конкретной области знания, целесообразным является первоначальное определение особенностей данной научной сферы. Это позволяет более глубоко понимать специфику применяемых теоретических установок и методологических подходов. Социально-философский подход ориентирован на осмысление общества в его целостности, что предполагает объединение наработок из различных областей знания, в том числе соотнесение различных аспектов общественной жизни, имеющих, соответственно, разную природу. Это является одним из ключевых аспектов социально-философского дискурса, поскольку необходимость соотношения социальных факторов различной природы требует применения специфических теоретико-методологических установок, определяющих реализацию междисциплинарного подхода. Поясним подробнее данный аспект.

Всякое научное исследование имеет предметную область, которая напрямую определяет характеристики выстраиваемой теории, в том числе задает особенности используемых в ходе исследовательской деятельности методов. Здесь реализуется классический исследовательский принцип, в соответствии с которым характеристики предметной области исследования напрямую определяют его теоретико-методологические основания. В данном отношении следует признать, что изучение общества предполагает рассмотрение вопросов, требующих различных теоретических и методологических установок, ввиду многообразия затрагиваемых предметных областей.

Для того чтобы проиллюстрировать данный тезис, достаточно обратить внимание на то, что вопросы протекания общественных процессов затрагивают сферы психологического, культурологического, антропологического, социологического, юридического, экономического знания, причем в отдельных случаях исследовательские задачи, реализуемые в рамках социально-философского дискурса, предполагают осуществление сопоставления элементов различных научных теорий, относящихся к частным дисциплинам.

Так, в рамках социально-философского дискурса могут рассматриваться условия конформного поведения членов общества и их следования нормативным установлениям через анализ соотношения институциональных и культурных факторов социального поведения. В данном случае налицо междисциплинарный характер проводимого исследования и, как следствие, необходимость применения специальных методологических установок, определяющих целостное, системное рассмотрение изучаемых проблем и вопросов.

Сопоставляя философию права и социальную философию как направления исследовательской деятельности, следует обратить внимание на то, что социальная философия предоставляет возможность исследования тех аспектов и факторов правовой реальности, которые воздействуют на нее опосредованно, тем не менее оказывают значимое влияние на характер выстраивания социально-правовых отношений. По этой причине видится чрезвычайно перспективным освещение ряда аспектов права именно с позиции социально-философского дискурса, поскольку он позволяет проанализировать социальный контекст реализации правовых отношений.

Обращаясь к системному, социально-философскому рассмотрению права, целесообразно первоначально осуществить анализ вопроса о месте и значении права в общей структуре общества. В данном отношении следует отметить, что право выступает в роли одного из основных регуляторов общественных отношений, определяя их структуру и допустимые границы в различных областях общественной жизни. В связи с этим следует обратить внимание на проблему значения права в социальном воспроизводстве.

Существование общества – это процесс, развертывающийся во времени, что определяет значимость динамических аспектов бытия социума. К числу важнейших аспектов динамики общества относится сохранение социальных форм и их изменение. В данном случае право выступает в качестве одного из важнейших факторов в вопросе как сохранения общественной структуры, так и ее изменения.

Ключевым моментом в вопросе о сохранении и воспроизводстве общественной структуры выступает то, что носителями общественных отношений являются люди, однако процесс существования социальной системы выходит далеко за рамки временных периодов существования отдельного поколения.

В связи с этим одним из важнейших аспектов бытия общества является сохранение преемственности форм отношений. Это определяет необходимость наличия регулирующих социальных механизмов, способствующих достижению однообразия в организации социальных отношений на протяжении длительного периода времени. В обществе существует несколько таких механизмов, в совокупности определяющих длительное существование конкретных форм взаимодействия. К их числу относятся традиции и нормы, присутствующие на уровне культурной сферы и определяющие картину мира членов общества, их представления о приемлемых и неприемлемых формах социальной активности, а также общественные институты, на уровне которых реализуется контроль общественных отношений и приведение их в упорядоченное, однообразное (в определенных границах) состояние. Последнее представляет собой одну из основных функций права как элемента общественной структуры.

Соотношение права и традиций – сложный вопрос, поскольку на первоначальных этапах становления общества право выступало в качестве одной из форм закрепления традиционных норм и социальных установок, представленных на уровне культуры. В дальнейшем правовые институты приобрели во многом самостоятельный, обособленный характер, что предопределило возможность расхождения между определенными практиками отношений, ставшими для конкретного общества уже традиционными, и теми юридическими нормами, которые регулируют характер протекания общественных процессов.

В особенности отчетливо проблема расхождения права и традиций проявляется в тех случаях, когда имеет место объединение в рамках одного государства представителей различных этнических общностей, обладающих собственной культурой и своими, отличными от присутствующих на уровне культуры других народов, традициями и нормами поведения. В таких условиях право уже не может выступать в роли внешнего институционального отражения традиций и обычаев и представляет собой, скорее, общую систему норм, интегрирующую представителей различных этносоциальных общностей в единую среду взаимодействия. Этот аспект права, связанный с интеграцией разнородных по своим характеристикам членов общества в единую систему взаимодействия, представляет очень важным в выстраивании общественных отношений.

Помимо стабилизирующего аспекта права, связанного с тем, что отдельные нормы закрепляют конкретный формат взаимодействия и способствуют его дальнейшему воспроизводству на уровне социальной практики, немаловажное значение имеет роль права в динамике изменения общественной структуры. В связи с этим можно выделить два ключевых аспекта, разрабатываемых на уровне социально-философского знания:

роль права как инициирующего социальные изменения фактора;

фиксация на уровне правовой системы общества произошедших в нем естественным образом значимых сдвигов в структуре социального взаимодействия.

Для начала следует подробно рассмотреть такой аспект, как трансформирующее значение права в обществе. В данном случае решающую роль играет то, что право обладает приоритетом по отношению к социальной практике, выступая в качестве идеального (но закреплённого во внешних языковых формах) основания или образца, с которым соотносятся реально протекающие в обществе процессы и отношения.

Соответственно, изменение правовых норм в условиях, когда в обществе эффективно действуют механизмы приведения социальной практики в соответствие действующим нормам, является условием, которое инициирует трансформацию уже на уровне реально протекающих социальных отношений. Это является основанием, по которому право выступает в роли инструмента регулятивного воздействия на общество, используемого представителями политической власти. В этом контексте право рассматривается в неразрывной связи с политикой, поскольку изменения в действующем законодательстве могут быть инициированы только в рамках деятельности представителей действующих властных структур.

Обратимся ко второму аспекту, а именно к запечатлению на уровне права отдельных изменений в социальной сфере, произошедших в ходе естественного развития общества, и связанным с этим процессам трансформации основных институтов общества. В данном случае речь идет о том, что отдельные сферы общественной жизни подвергаются изменениям в процессе действия заложенных в них механизмов внутренней саморегуляции. В связи с этим периодически актуализируется ситуация, при которой отдельные законы устаревают и откровенно мешают общественному развитию. В подобных случаях власть трансформирует или отменяет определенные нормы права с целью сохранения конструктивных условий протекания общественных процессов и преодоления возникших противоречий между сферой права (с его отдельными устаревшими нормами) и областью социальной практики.

В рамках рассмотрения специфики социально-философского взгляда на область правовых отношений целесообразно проанализировать отдельные аспекты осмысления правовой тематики, которые, с одной стороны, реализуются на уровне частнонаучных

исследований, с другой – входят в область научного анализа в рамках социально-философского исследования права. В отличие от правовых дисциплин, сконцентрированных на аналитике идеальных аспектов права либо ориентированных на раскрытие технических аспектов правовой сферы (законотворчество, правоприменение, проблемы трактовки правовых норм, особенности юридического дискурса и т. д.), социально-философский подход допускает различные ракурсы рассмотрения проблемы правовых отношений, причем речь идет как о способах постановки вопроса и, соответственно, определения первичной предметной области исследования, так и о том, в каком масштабе анализируется область социальной практики.

В этом контексте закономерным является то, что в область социально-философского рассмотрения входит, в том числе, антропологическая проблематика, находящаяся во взаимосвязи с ключевыми правовыми вопросами. Речь идет в первую очередь о биосоциальном характере человека (что определяет его мотивы деятельности и реакции), а также о психологических факторах правовой деятельности членов общества.

Человеческая активность, будучи определяемой системой социальных норм и ограничений, одновременно подчиняется внутренним детерминантам, связанным с биологической природой человека. Это аспект, на который обращают внимание современные представители этологии, рассматривающие причины отклоняющегося поведения членов общества и, наоборот, основания, в соответствии с которыми они склонны демонстрировать конформное поведение. Применение наработок из области этологии представляет существенный интерес, поскольку дополняет общую картину рассмотрения факторов поведения членов общества как сообразующихся с существующими на уровне социальной системы нормами и императивами, так и противоречащих им. Изложенное имеет высокую перспективность, в частности применительно к анализу проблемы агрессии, проявляемой членами общества в ходе социального взаимодействия.

Еще одна важная область знания, связанная с осмыслением социальных факторов и предпосылок конформного или, напротив, противоправного поведения членов общества, – это социальная психология. На уровне социально-психологического знания

раскрываются особенности мотивов деятельности, как индивидуальных, так и представленных на коллективном уровне, что дает развернутый теоретический инструментарий для понимания условий нормального протекания общественных отношений, а также осмысления нарушений, связанных с отказом членов общества от следования действующим нормативным установлениям.

Анализируя значение данных областей знания для социально-философского анализа правовых явлений, следует понимать, что в данном случае результаты частнонаучных исследований ложатся в основу общего видения условий и факторов протекания общественных процессов на углубленном уровне, что задает серьезный потенциал осмысления тех или иных ситуаций, развертывающихся в обществе.

Ключевым здесь становится то, что на уровне социально-философского дискурса становится возможным не только указание на отдельные области факторов выстраивания правовых отношений, но и их углубленное осмысление, что задает перспективу определения доступных «точек воздействия» на область социальной практики, выходящую за рамки непосредственно правовых институтов, но определяющую уровень правопорядка в обществе, в том числе процессы формирования отдельных норм и правовых практик.

Обобщая существующие подходы к социально-философскому рассмотрению права, следует отметить, что оно исследуется в нескольких теоретических ракурсах. Наибольший интерес в данном случае представляют следующие подходы к анализу правовой проблематики:

значение права как социального фактора, влияющего на различные области общественной жизни;

влияние внешних по отношению к правовой сфере социальных факторов на выстраивание социально-правовых отношений.

Роли права как фактора выстраивания общественных отношений в настоящей работе уделено серьезное внимание на уровне ряда тематических разделов. Вместе с тем отдельно необходимо рассмотреть социальные факторы правовой реальности, локализованные вне действующих правовых институтов. Для того чтобы проиллюстрировать теоретическую и практическую значимость данного направления исследовательской деятельности,

следует рассмотреть один важный принцип, имеющий непосредственное отношение к области правовой регуляции. Речь идет о мерах, используемых представителями государственной власти с целью повышения эффективности правовых институтов, и о важности научного знания как ключевого фактора выбора эффективной стратегии регулятивной деятельности.

Существует несколько различных критериев эффективности права как института: уровень соответствия интересам населения, наличие эффективной конфигурации правовой системы, способствующей оптимизации действующих социальных институтов (и не препятствующей их развитию), достижение и сохранение высокого уровня правопорядка в обществе. Данные критерии выступают в качестве основания оценки того, насколько оптимально устроена действующая правовая система, и именно в моменте оценивания правовых институтов по данным критериям кроется своеобразная смысловая ловушка, связанная со сведением эффективности правовых институтов к их состоянию.

В условиях, когда наблюдается определенная проблема социально-правового характера (например, рост преступности), напрашивается закономерный вывод о том, что увеличение числа преступных проявлений выступает свидетельством некорректного функционирования правовых институтов, в результате чего могут быть сформированы меры по их модификации. В то же время если причина социально-правовых нарушений имеет внешний по отношению к институту права характер, речь может идти о том, что в попытке улучшить социально-правовую ситуацию в обществе власть модифицирует исправно действующие социальные механизмы (что само по себе может привести к нарушению их функциональности) и при этом оставляет без внимания подлинные основания ухудшения ситуации. Именно в этом контексте проявляется высокая важность социально-философских исследований, описывающих область внешних факторов правовой сферы (иными словами, тех социальных процессов и явлений, которые не включены в институциональную сферу права, однако влияют извне на ее состояние).

Помимо социально-биологических и психологических аспектов правовой деятельности, одним из важнейших факторов выстраивания правовых отношений (либо, напротив, нарушения

системы социально-правового взаимодействия) является состояние социокультурной сферы общества. От того, в каком состоянии она находится, зависит ряд условий выстраивания правовых отношений. В частности, можно выделить следующие аспекты:

аксиологические установки членов общества и мера их соответствия действующему законодательству как фактор принятия членами общества правовой модели деятельности;

уровень правовой грамотности населения;

характер менталитета граждан как фактор формирования правосознания;

отношение к правовым институтам как обстоятельство, определяющее характеристики социального поведения граждан (в том числе во взаимодействии с представителями основных правовых институтов);

приоритеты членов общества как фактор социального целеполагания;

представления о допустимых путях и средствах достижения поставленных целей.

Социальные ценности – это то, что ложится в основу оценки человеком окружающей его социальной действительности. Фактически ценностные ориентации выступают в качестве идеального образца, с которым человек соотносит воспринимаемую им действительность, и правовые нормы в данном случае могут выступать в роли такого же объекта оценивания, как и все прочие аспекты общественной жизни. В этом контексте необходимо обратить отдельное внимание на то, что соотношение права и морали, в том числе оценка действующих законов с точки зрения принимаемых человеком ценностных установок, реализуется не только на уровне академической естественно-правовой традиции, но и в целом является одним из классических подходов к рассмотрению права.

Действующие проектирующиеся законы подлежат оценке со стороны членов общества на предмет соответствия их представлениям о правильном и неправильном, что знаменует собой момент формирования личного отношения к законодательной сфере. В данном случае логичным является то, что расхождение между принимаемыми нормами и ключевыми установками социального мировоззрения граждан, с одной стороны, представляет собой

непопулярный шаг в политическом плане, с другой – определяет возникновение противоречивых процессов на уровне социально-правового мировоззрения граждан, которые осознают институциональную необходимость следовать конкретным нормам и при этом не готовы принимать их в качестве справедливых и адекватных регуляторов общественных отношений.

Ценностные установки членов общества обусловлены двумя основными факторами: общим содержанием культурных процессов, протекающих в обществе, и характером менталитета населения как базиса, который определяет глубинную предрасположенность к принятию или неприятию тех или иных идей. В данном случае определяющее значение в формировании конкретных форм правовой реальности имеет специфика менталитета членов общества.

Следует обратить внимание на то, что в рамках социально-философского дискурса учитываются не только особенности менталитета как фактор отношения непосредственно к праву, но и такой немаловажный момент, как роль менталитета членов общества в формировании их целей и векторов социальной активности.

Еще в середине XX в. известный американский социолог Р. Мертон обратил внимание на то, что существует зависимость между характером социальных приоритетов личности и ее соотношением с представленными на уровне общества возможностями, с одной стороны, и уровнем правопорядка в обществе – с другой. Ключевым моментом в данном случае является то, что менталитет как базовая составляющая культурного кода локального общества задает моменты восприятия тех или иных транслируемых на уровне коммуникативных процессов ценностных установок, моделей поведения, методов достижения целей и т. д. Отдельные аспекты ментальных установок членов общества могут как оказывать барьерное влияние на транслируемые в информационном пространстве деструктивные установки, так и, напротив, способствовать активному принятию негативных социальных моделей.

Важность социально-философского подхода в данном случае состоит в том, что сопоставление культурных характеристик членов общества, их приоритетов и стремлений, с одной стороны,

и социальной ситуации, определяемой во многом состоянием основных действующих институтов, – с другой, может быть реализовано только в рамках комплексного анализа, охватывающего разнородные аспекты состояния общества. Возможность решения столь сложной исследовательской задачи предполагает проведение социально-философского исследования.

Отдельного внимания в рамках анализа социально-философского прочтения правовой проблематики заслуживает исследование феномена преступности. Как было отмечено, состояние правовых институтов имеет внутреннюю и внешнюю обусловленность, однако феномен правопорядка (и, соответственно, преступности как его противоположности) имеет особый статус в общем наборе правовых проблем, поскольку правопорядок – это в целом соответствие социальной практики действующим нормативным установлениям.

Следование праву не предполагает включенность в структуру правовых институтов: право как регулятор распространяется на всех без исключения членов общества, но речь идет именно о регуляции. Соответственно, нарушение правовых норм – это прежде всего состояние общества и только потом – объект деятельности институтов, функция которых состоит в приведении социальной практики в соответствие действующим нормам права. Изложенное позволяет утверждать, что преступность как социальный феномен может быть подчинена множеству факторов, имеющих к праву как институту лишь опосредованное отношение. Это тот момент, который заслуживает особенного внимания, в силу того, что в настоящее время противодействие преступности (в том числе профилактика правонарушений) представляет собой одну из основных задач государственной власти. По этой причине понимание того, какие именно социальные детерминанты могут провоцировать осуществление членами общества преступной деятельности, имеет первостепенное значение.

Характеризуя многообразие факторов преступности, которые могут быть исследованы на уровне социально-философского дискурса, мы можем привести неудовлетворенность базовых потребностей членов общества, нарушение правовой культуры, процессов социализации и социального контроля, дисфункцию основных общественных институтов, возникновение социальных

структур, нацеленных на воспроизводство преступных форм социальной активности (институционализация преступности), нарушение гражданского самосознания членов общества, возникновение критических ситуаций и т. д. Важнейшим моментом анализа данного спектра явлений именно в социально-философском ключе выступает то, что социальная философия позволяет выстроить многомерную динамическую модель, описывающую ключевые факторы вовлечения членов общества в преступную деятельность, и обращение к этой модели дает возможность не только прогнозировать на основании знания текущего состояния общества то, насколько сильны предпосылки развития преступности, но и оценивать наиболее перспективные направления противодействия ей.

Социальная философия предполагает момент системного рассмотрения права как одного из элементов общественного устройства, что делает возможным формирование общего социального контекста, в рамках которого право рассматривается двойственно: в качестве фактора выстраивания общественных процессов и отношений, а также порождения текущего состояния основных общественных структур и институтов. Это определяет особые возможности социального дискурса как в осмыслении практики организации институциональной деятельности внутри основных правовых институтов, так и в понимании того, какие внешние предпосылки должны быть созданы для нормализации социально-правовой ситуации в обществе.

Наряду с обширными возможностями социально-философского подхода к праву, существуют также и ограничения, связанные с тем, что право в социально-философском дискурсе рассматривается преимущественно позитивно — как элемент развертывающейся в обществе системы отношений, в связи с чем ряд вопросов, имеющих непосредственное отношение к природе права, остается за пределами социально-философского исследования. Вместе с тем в рамках общего анализа основных областей знания, на уровне которых может быть подвергнута концептуализации правовая проблематика, социальная философия демонстрирует значительную перспективность в силу возможностей по углублению понимания ряда аспектов организации правовых отношений в обществе.

2.3. Институциональный аспект права

Одним из важнейших измерений правового знания является аналитика институционального аспекта права, поскольку право не может быть сведено исключительно к набору идеальных норм: оно существует на уровне социальной практики в виде специфических отношений и общественных структур, направленных на их поддержание. От того, каким образом организуются условия для реализации правовых норм на практике, напрямую зависят благополучие и стабильность общества. Изложенное обуславливает необходимость рассмотрения институционального аспекта права. Точкой отсчета в данном случае выступает не конкретная традиция, в которой были поставлены отдельные вопросы организации правовых отношений, но спектр проблем и вопросов, связанных с теоретическим акцентом на рассмотрении права как института.

Прежде всего следует установить, какие наиболее важные проблемы актуализируются при анализе институциональной составляющей правовой реальности. Можно выделить несколько важных тематических направлений:

- общее определение институционального аспекта права;
- социальные функции права;
- место права в системе основных общественных институтов (в том числе аналитика взаимной зависимости между правом и основными социальными институтами);
- структура правовых институтов;
- социальные детерминанты права;
- проблема преступности и борьбы с ней (в том числе аналитика специфики правоохранительной и судебной деятельности);
- проблема правоприменения;
- динамика права;
- проблема соответствия содержания правовых норм актуальным социальным запросам;
- социокультурные факторы функционирования правовых институтов.

Анализ специфики всякого общественного института предполагает постановку вопроса о том, что он представляет собой с точки зрения общества, иными словами, каковы его значение,

место и роль в системе общества. В связи с этим необходим ответ о том, что такое право (с уточнением, что речь идет о выяснении именно институционального аспекта). Постановка данного вопроса не предполагает установления сущности права как такового или выделения какого-то его наиболее значимого, приоритетного аспекта (что лежит в основе большинства споров о природе права), но направлена на выяснение того, что представляет собой право как институт.

Рассматривая данный вопрос, целесообразно обратиться к структурному аспекту общественной организации. Общество существует благодаря наличию множества связей между людьми и их объединениями, которые имеют конвенциональный характер. Это значит, что общественные отношения напрямую обусловлены договоренностями, явными и неявными, которые разделяют и воплощают на практике члены общества. При этом многие из этих договоренностей настолько прочно укоренены в культуре и практике отношений, что воспринимаются членами общества как объективная реальность, сложившийся порядок вещей. Ключевым моментом в данном случае является то, что для всех условностей, закрепленных на уровне социального порядка, существуют механизмы, направленные на их поддержание и сохранение как организующих социальную практику принципов. Право в данном случае выступает в роли одного из социальных механизмов, наряду с отдельными аспектами культуры, такими как традиции, нормы поведения, общественная мораль и т. д. Это позволяет рассматривать право как средство формирования, закрепления и поддержания общественной структуры.

Понятие структуры общества является предметом серьезных дискуссий. Тем не менее исследователи сходятся в том, что структура всякой системы определяется составляющими ее элементами, а также связями и отношениями между ними. На макроуровне в роли основных элементов общественного устройства выступают общественные институты, в структуру которых включены члены общества, что порождает многоуровневую систему структурных связей. Основные действующие институты можно рассматривать в качестве элементов макроструктуры общества. И если набор действующих общественных институтов слабо вариативен, то характер отношений между ними, а также способы

организации социальных отношений внутри данных институтов может в значительной степени варьироваться. Следует обратить внимание на то, что в действующей системе права существуют отрасли, направленные на регулирование отношений внутри каждого значимого общественного института – политики, семьи, экономики, образования и т. д. Речь идет о том, что в обществе присутствуют моменты вариативности выстраиваемых отношений, однако эта вариативность носит ограниченный характер, что определяет относительную однородность реализуемых практик (при условии, если они остаются в рамках правового поля).

Наличие общих принципов организации отношений определяет их универсальность, что открывает обширные возможности для реализации членами общества различного рода отношений в условиях, когда отсутствует личный опыт взаимодействия с конкретными авторами, однако достаточным является знание об их институциональной принадлежности для того, чтобы предполагать возможность осуществления успешного взаимодействия. Приведем пример. Порядок осуществления товарно-денежных отношений, представляющих собой, по сути, эквивалентный добровольный обмен материальными благами, находит отражение в действующих нормах права, что задает универсальные правила осуществления торговли на территории всего государства. Это позволяет человеку, посещающему магазин, обладать исходными ожиданиями касательно возможности приобретения представленных в магазине товаров, и эти ожидания в большинстве случаев оправдываются, поскольку они подкреплены законом.

Поддержание однообразия и предсказуемости общественных отношений является одним из важнейших факторов повышения эффективности общественных отношений и поддержания стабильности общества в целом. Право выступает в качестве мощного фактора упорядочивания социальных отношений и в смысловом плане противостоит хаотичному протеканию социальных процессов, имеющему место в условиях анархии. По этой причине можно с уверенностью судить о том, что право выступает в качестве одного из структурообразующих социальных механизмов. При этом очень важно, что право не только фиксирует наличие определенных связей и отношений, но и в целом определяет

конфигурацию действующих в обществе институтов. Это является основанием, определяющим значимость законодательной власти как органа политического управления, который задает форму и характер организации ключевых институциональных процессов в обществе.

Структурная регуляция общества, реализуемая на уровне права, была рассмотрена в идеальном аспекте, а именно был отражен вопрос роли правовых норм в регуляции общественных отношений. В то же время правовые нормы действительны не сами по себе, а в силу наличия ряда социальных механизмов, поддерживающих на практике реализацию актуальных правовых норм. Соответственно, первоначальная характеристика права как института была бы неполной без рассмотрения структуры права. В данном случае имеет значение, что, помимо системы правовых норм, существует ряд социальных механизмов, различным образом детерминирующих процессы их возникновения, поддержания, реализации и трансформации. В их число входят следующие институты:

- законодательная система;
- правоохранительная система;
- судебная система;
- область оказания юридических услуг.

Законодательная сфера относится преимущественно к политической власти и затрагивает правовую сферу как формирующий ее содержательную часть социальный механизм. Именно благодаря законодательной власти модифицируются действующие законы и вводятся новые (равно как и отменяются устаревшие или не соответствующие социальным запросам законодательные нормы). В данном случае следует понимать, что законодательная власть, по сути, трансформирует идеальный аспект организации общественных отношений, воздействуя на область норм права, что в дальнейшем влечет перестройку структурного аспекта общества. Это является хорошей иллюстрацией того, что право выступает в качестве структурообразующего элемента общества и играет очень важную роль в воспроизводстве общественных отношений.

Следует обратить внимание на важный момент, вне понимания которого структурное значение права может быть переоценено. Несмотря на то, что право определяет в ряде аспектов формат социальных отношений внутри конкретных общественных институтов, не следует полагать, что право первично по отношению к данным институтам. Это обусловлено тем, что само по себе существование основных общественных институтов обусловлено набором ключевых потребностей членов общества, имеющих как социальную, так и биологически обусловленную природу. Право как один из основных социальных регуляторов определяет, скорее, форму, которую принимают институциональные отношения в той или иной сфере. При этом существует два основных варианта воздействия правовых норм: регулятивная, побуждающая членов общества к определенным типам деятельности (или как минимум определяющая возможности членов общества в различных вопросах), и ограничительная, задающая пределы допустимого в социальной практике.

Наиболее строгая форма правовой регуляции связана с полаганием обязанностей членов общества и запретов, налагаемых на них. В этом плане, например, действия, входящие в область непосредственных обязательств членов общества, прописанных на уровне права, можно считать напрямую регулируемыми на правовом уровне. В то же время существует диапазон социальных проявлений, которые входят в область допустимого (это означает, что они не являются ни обязательными, ни запрещенными). В данном случае право задает диапазон допустимых форм социальной активности, внутри которого члены общества могут проявить вариативность деятельности. По этой причине не вполне корректно рассматривать право в качестве жесткого механизма, подчиняющего все сферы общественной жизни, несмотря на то, что действующие законы, несомненно, влияют на формат отношений, реализуемых в них.

Рассмотрим специфику правоохранительной системы как составляющей правового института. Прежде всего следует отметить, что право определяет структуру общества, только если члены общества придерживаются правовых установлений, в противном случае общественные отношения выходят за рамки правового поля и принимают бесконтрольный для государства

характер. По этой причине необходимо, чтобы власть не только продуцировала правовые нормы в рамках законодательной деятельности, но и обеспечивала их исполнение.

В теории государства и права возможности политической власти по регулированию общественных процессов (в том числе на правовом уровне) связываются с возможностью власти применить силу для обеспечения выполнения принятых законов. Инструментом обеспечения выполнения гражданами законов, соответственно, является институт, на уровне которого осуществляется контроль исполнения законов, в том числе принудительное приведение социальной практики в соответствие действующим нормативным установлениям. В роли такого института выступают правоохранительные органы.

Следует сделать важную ремарку, поясняющую значение правоохранительных органов в обществе. Помимо норм, регулирующих границы допустимого поведения членов общества, существуют также нормы, определяющие защищаемые государством возможности граждан – их права. Нарушение законных прав граждан представляет собой преступное деяние, которому призваны противодействовать правоохранительные органы. По этой причине концепт охраны права приобретает двойственный характер: с одной стороны, правоохранительные органы обеспечивают сохранность (и реализацию) законных прав членов общества, с другой – обеспечивают функционирование права в целом, реализуя действенность его регулятивной функции.

Изложенное непосредственно связано с важным аспектом правовой практики: нормы права влияют на область общественных отношений только при условии, если они выполняются на практике, а это определяет необходимость наличия разветвленной системы правовых институтов, обеспечивающих действие существующих норм. В то же время нормы права могут быть не реализованы не только по причине недостаточно конформного поведения членов общества, выраженного в преступной активности, но и по иным основаниям, к числу которых относится недостаточное владение членами общества нормативной базой либо наличие спорных моментов в конкретных социальных ситуациях, которые члены общества склонны трактовать в свою пользу. Это определяет значимость консультативных услуг, реализуемых

профессиональными юристами, а также судебной системы, на уровне которой осуществляется вынесение решения в сложных ситуациях с целью приведения их в соответствие действующим правовым нормам.

Проведенный первоначальный анализ права как института свидетельствует в пользу того, что правовая сфера характеризуется чрезвычайной сложностью, а момент реализации на практике действующих нормативных установлений зависит от множества разнородных факторов. Изложенное позволило аргументировать многомерность институционального аспекта права, что определяет общую композицию его дальнейшего исследования.

Продолжая анализ институционального аспекта права, следует обратить внимание на место права в системе общественных институтов. В связи с этим в первую очередь представляет интерес детализация взаимосвязи между правом и такими общественными институтами, как семья, религия, образование, политика, экономика. В рамках выявления взаимосвязи между ними мы будем ориентироваться на освещение следующих моментов:

влияние сферы права на конкретный общественный институт (что включает в себя содержание правовых норм, относящееся непосредственно к рассматриваемому институту, а также уровень реализации на практике данных норм);

зависимость сферы права от состояния и общих характеристик конкретного социального института.

Прежде чем приступить к последовательному анализу соотношения права и рассматриваемых общественных институтов, необходимо осветить важный момент, относящийся непосредственно к тематике права и являющийся общим для всех указанных социальных институтов. Речь идет о значении преступности как фактора нарушения базовой структуры отношений внутри конкретного общественного института. Следует отметить, что право как регулятор социальных процессов охватывает все сферы общественной жизни, что определяет наличие специальных норм, регулирующих семейные, образовательные отношения, политическую, экономическую деятельность и т. д.

Нарушение этих норм дестабилизирует внутренние процессы на уровне общественного института, провоцируя его локальную дисфункцию. При этом преступность может иметь локальные

деструктивные последствия, если совершаемое правонарушение влечет за собой снижение эффективности определенного локального институционального процесса, либо системные последствия, если преступная деятельность имеет систематический, организованный характер или затрагивает внутренние механизмы конкретного института, обеспечивающие его корректное функционирование. Одной из наиболее серьезных угроз в данном случае является нарушение внутренних механизмов саморегуляции, реализованных на уровне действующих общественных институтов.

Преступное посягательство на структуру отношений внутри общественного института может способствовать нарушению его функциональности, что в результате может повлечь за собой весомые деструктивные последствия. По этой причине в рамках настоящего раздела особое внимание уделено прямому и опосредованному влиянию преступности как социально-правового фактора на различные области общественной жизни.

Обратимся к вопросу о том, каким образом соотносятся институты права и политики. Следует отметить, что правовые институты включены в структуру государства, иными словами, судебная, правоохранительная, законодательная системы входят в число государственных институтов. Единственным исключением является частная юридическая практика, на уровне которой реализуется оказание различного рода юридических услуг, таких как консультирование по правовым вопросам, оформление документов, представление интересов клиента в суде и т. д.

Возвращаясь к вопросу о государственном характере правовых институтов, необходимо обратить внимание на то, что структура государства также закреплена на правовом уровне (речь идет о высшем законе, принятом на уровне конкретного государства, – конституции). Условия принятия властных решений, границы полномочий носителей власти, структура государства в целом – все это определяется на правовом уровне, что обеспечивает стабильность существования государства, в том числе определяет социальные гарантии граждан, политическую волю и интересы которых представляют правящие элиты. Кроме того, следует отдельно отметить, что от уровня правопорядка в обществе в значительной степени зависит его стабильность, что также выступает в качестве одного из значимых факторов политической деятельно-

сти. Так, развитие преступности, поражающей властные структуры, представляет собой одну из наиболее острых проблем в организации социального регулирования со стороны государства.

В свою очередь, от того, каким образом на уровне конкретного государства реализуются политические процессы (в частности, от того, какими политическими силами представлена законодательная власть), зависит то, какие именно законы будут приняты, а также то, каким образом будут модифицированы действующие правовые нормы.

Обратимся к следующему аспекту, а именно зависимости состояния института семьи от характера действующих в конкретном обществе правовых норм и в целом состояния основных социально-правовых институтов. Необходимо прежде всего отметить, что ряд ключевых аспектов семейных отношений (в том числе характер регулирования процесса вступления в брак, прав и обязанностей супругов, родительских права и т. д.) определяются действующими нормами права. Для того чтобы охарактеризовать то, насколько сильна зависимость структурных процессов на уровне института семьи от действующих правовых норм, достаточно обратить внимание на феномен полигамных браков, которые разрешены на уровне одних обществ и, напротив, носят запрещенный характер в ряде других.

Рассматривая иные аспекты организации семейных отношений, отметим, что здесь также прослеживается чрезвычайно серьезное влияние права на характер взаимодействия внутри семейной группы. В частности, такие аспекты, как допустимость или недопустимость физического насилия как воспитательной меры, возраст вступления в совершеннолетие, законодательно определенные обязанности родителей и т. д., в существенной степени детерминируют внутрисемейные социальные практики. Рассматривая влияние института права на институт семьи, следует отдельно отметить значение правопорядка как фактора выстраивания семейных отношений.

Высокий уровень развития преступности в целом представляет собой серьезный фактор дестабилизации ситуации на уровне семейных групп (в частности, по причине вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность или, например, в связи с отбыванием одним из членов семьи наказания за совер-

шение правонарушения). При этом еще одним мощным фактором воздействия правовой сферы на институт семьи являются правовые механизмы, регулирующие непосредственно внутрисемейные отношения, в том числе приводящие их в соответствие нормативно определенной практике. Так, пресечение домашнего насилия (в том числе с привлечением правоохранительных органов) представляет собой очень серьезный фактор построения отношений внутри ряда семейных групп.

Анализируя влияние института семьи на правовую сферу, следует в первую очередь обратить внимание на то, что внутри семейных групп осуществляется первичная социализация членов общества, в том числе реализуются механизмы социального контроля. Это определяет такой немаловажный момент, как взаимосвязь между состоянием института семьи и характером правовой социализации членов общества. Следует также отметить, что от степени благополучия семей во многом зависит предрасположенность молодых людей к вовлечению в преступную деятельность, в связи с чем дисфункция института семьи может быть рассмотрена как один из серьезных факторов развития преступности.

Что касается взаимосвязи институтов религии и права, следует отметить, что в большинстве монотеистических обществ наблюдается приближенный характер религиозных ценностей и действующих правовых норм. Вместе с тем в условиях политеизма и в целом светской направленности регулятивных процессов в обществе может наблюдаться серьезное расхождение между религиозным этосом конкретных конфессий и правовым порядком организации общественных отношений. В отдельных обществах это может являться причиной такого явления, как полиюридизм, когда фактически общественные отношения на локальном уровне регулируются религиозными установками преобладающего в регионе этноконфессионального объединения. Это означает существенное ограничение регулятивной роли права в локальном сегменте общества, связанное с сильной приверженностью конкретной группы людей религиозным традициям и установлениям.

Вместе с тем следует отметить, что в современных обществах преимущественным регулирующим механизмом является именно право, в связи с чем от характера действующих правовых норм во многом зависит то, насколько благоприятными являются

условия функционирования конкретных религиозных институтов. В частности, отдельные религиозные верования могут подпадать под государственный запрет, что находит отражение в нормативной базе конкретных государств. В Российской Федерации на конституционном уровне предусмотрена свобода вероисповедания, что определяет наличие у граждан свобод в вопросах выбора религиозной конфессии.

Что касается влияния института религии на область социально-правовых отношений, следует отметить, что религиозные верования определяют морально-этические установки членов общества, в связи с чем религия выступает в качестве дополнительного регулятора общественных отношений, закрепляющего ограничивающие и побуждающие к действию установки верующих. В большинстве случаев высокая приверженность религиозным установкам представляет собой фактор соблюдения членами общества норм права.

Обратимся к взаимосвязи институтов образования и права. Прежде всего следует отметить, что структура образовательной деятельности напрямую определяется нормами права, регулирующими образовательные отношения, в частности, устанавливающими официальный статус образовательных организаций, а также порядок обучения, характер экзаменационных испытаний, условия выдачи выпускных аттестатов и дипломов и т. д. Немаловажным фактором организации образовательного процесса является уровень правопорядка в обществе, при этом, как и в случае с институтом семьи, ситуация является двойственной: для образовательной сферы значение имеет как внешний фактор правопорядка в обществе, так и внутренний фактор соблюдения правовых норм, регулирующих образовательные отношения.

Применительно к первому аспекту отметим, что такие явления, как вовлечение молодых людей в преступную деятельность, их попадание в наркотическую зависимость, формирование склонности к нарушению дисциплины, вызванное принятием преступной модели социальной активности, выступают в качестве серьезного фактора нарушения эффективности образовательного процесса и в целом дестабилизации ситуации внутри образовательных организаций. Вместе с тем, нельзя не обратить отдельное внимание на то, что коррупционная деятельность,

реализуемая на уровне образовательных организаций, влечет за собой серьезное нарушение качества образовательного процесса, что может быть связано как с некорректным использованием средств, направляемых на финансирование образовательных организаций, так и с феноменом «договорных» экзаменов.

В свою очередь, рассматривая зависимость между характером образовательных процессов и состоянием правовых институтов, следует отметить, что, во-первых, подготовка кадров в основные правовые институты реализуется на уровне образовательной системы и, во-вторых, уровень правовой грамотности граждан, а также степень развития правосознания в гражданской среде во многом зависят от того, каким образом организован учебно-воспитательный процесс, в частности какое место в учебной программе занимает формирование правовой грамотности (в целом правовой культуры) учащихся.

Обратимся к соотношению экономической и правовой сфер. Прежде всего следует обратить внимание на то, что условия организации экономической деятельности напрямую регулируются на уровне действующих норм права, в связи с чем наблюдается прямая зависимость между характером нормативной правовой базы общества и тем, в каком состоянии находится его экономика, в частности какую форму приобретают экономические отношения. Одним из ключевых факторов построения бизнеса является уровень правопорядка, поэтому от правоохранительной деятельности напрямую зависят условия повышения эффективности экономических процессов в обществе.

Рассматривая взаимосвязь состояния экономики и правовой ситуации, следует отметить, что уровень материального достатка — один из важнейших факторов предрасположенности членов общества к вовлечению в преступную деятельность, в связи с чем от эффективности экономики и экономического благополучия членов общества в целом напрямую зависит уровень правопорядка в обществе.

Подводя итог проведенному анализу взаимосвязи права и основных общественных институтов, следует обратить внимание на важный момент: с одной стороны, как структура, так и состояние основных общественных институтов в значительной степени

определяются характером социально-правового регулирования, а также эффективностью реализации обеспечения правопорядка, с другой стороны, правовые отношения, в том числе уровень правопорядка в обществе, в значительной степени зависят от сторонних факторов, укорененных в состоянии основных общественных институтов и степени эффективности реализации их ключевых функций.

Обратимся к следующему аспекту рассмотрения права как института. Одним из важных вопросов, определяющих конкретное, представленное на институциональном уровне состояние права, является соотношение права и общественных интересов. Этот вопрос находится на стыке политической и правовой проблематики и в целом заключается в установлении того, интересы каких социальных групп и институтов реализуются в ходе нормативного регулирования, в том числе законодательной деятельности. Для того чтобы проиллюстрировать сложность и многомерность данного вопроса, следует проанализировать проблему противоречивости общественных интересов и связанной с этим необходимости нахождения баланса между запросами, поступающими со стороны конкретных социальных групп и институтов.

Общество стремится к реализации интересов включенных в него людей, и на первый взгляд благополучное, стабильное существование общества предполагает момент согласования этих интересов. В действительности очень многие социальные процессы построены на противоречиях, конкуренции различных сил, что неминуемо предполагает конфликтность в их отношениях. В зависимости от того, каким образом реализуется регулирование институциональной деятельности, одни действующие силы могут получать преимущества в конкурентной борьбе, в то время как возможности других могут существенно сокращаться. Право — это очень мощный фактор институциональной деятельности. Следовательно, существуют ситуации, в которых имеет место прямое выражение интересов отдельных социальных групп, направленное на модификацию правовой системы с целью создания для них более благоприятных условий.

Подобного рода выражение интересов может иметь место в самых разных областях. Так, малообеспеченные граждане могут

стремиться к расширению программы социальной поддержки населения (что может быть реализовано за счет введения соответствующих норм). В свою очередь, представители бизнеса могут выражать свои интересы, связанные с характером налоговой политики, требованиями по оформлению документации, условиями финансовой деятельности, пошлинами и т. д. Государственная политика по поддержке тех или иных социальных прослоек населения или институтов реализуется через введение специальных норм, имеющих правовой статус.

Вместе с тем проблематика соответствия или несоответствия действующих норм права актуальным социальным запросам может быть связана не только с попыткой изменения государством ситуации в конкретной социальной сфере, но и с фактической динамикой общества, влекущей существенные изменения определенной сферы социальной активности, в результате чего ее представителям начинают мешать юридические нормы, ранее на протяжении длительного времени успешно регулировавшие отношения в конкретной сфере общественной жизни. В таком случае принято говорить об устаревании конкретных норм права, выходе их из соответствия области актуальных социальных запросов. Если право перестает удовлетворять интересам общества в вопросах регулирования конкретной области отношений, действующие нормы усложняют социальную практику, выстраивая дополнительные барьеры в достижении социально значимых целей.

Описанная проблема имеет большую степень значимости ввиду того, что право выступает как фактор стабилизации и унификации общественных отношений, ограничивая вариативность социальных практик в различных сферах, что распространяется и на область эволюции общественных отношений. Вместе с тем для общества характерны естественное развитие различных институциональных сфер и возникновение в них новых принципов и практик взаимодействия. В условиях, когда эти естественные эволюционные изменения не наталкиваются на ограничения правового характера, реализуется естественный процесс трансформации действующих общественных институтов. Зачастую это определяет оптимизацию происходящих в них процессов, приве-

дение их в соответствии актуальной ситуации в обществе. В условиях, когда векторы развития общественных институтов наталкиваются на ограничения правового плана, реализуется во многом искусственное ограничение развития общества, что негативно сказывается на его состоянии. По этой причине очень важна коррекция соотношения сферы актуальных социальных запросов и той формы, которую принимает правовая система, в конкретный социально-исторический период. Момент соответствия или несоответствия действующих норм права области актуальных общественных запросов выступает в качестве одного из серьезных критериев оценки законодательства.

Обратимся к следующему аспекту функционирования института права, а именно к вопросу о культурных факторах выстраивания социально-правовых отношений. Значительного внимания при рассмотрении вопроса функционирования правовых институтов требует характер правовой культуры общества, включающей в себя степень правовой грамотности населения, а также особенности отношения граждан к ключевым аспектам права. Проиллюстрируем, каким образом уровень развития правовой культуры общества влияет на состояние основных социально-правовых институтов.

Знание действующих нормативных актов определяет осознание членами общества собственных прав и возможностей, равно как и ограничений, накладываемых действующим законодательством на различные сферы их деятельности. Понимая область правовых ограничений, действующих в обществе, члены общества могут нарушить их только сознательно, что снимает риски включения граждан в неосознанную преступную деятельность – совершение правонарушения «по незнанию». В то же время понимание собственных прав является предпосылкой для защиты гражданами своих законных прав и возможностей, в том числе через обращение в правоохранительные органы. Люди, знающие свои права, в том числе понимающие роль государственных институтов в их защите, значительно более предрасположены к сотрудничеству с социально-правовыми институтами. Речь идет как об обращении в правоохранительные органы и судебные инстанции в ситуациях, когда нарушаются права членов общества, обладающих высоким уровнем правовой грамотности,

так и о сотрудничестве с правоохранительными органами в случаях, если социальный субъект является сторонним свидетелем правонарушения или, например, обладает определенными сведениями об условиях его совершения.

Для правоохранительных органов степень предрасположенности граждан к сотрудничеству с ними (как минимум в вопросе информирования о фактах и обстоятельствах совершаемых преступлений) является одним из важнейших факторов эффективности правоохранительной деятельности. Низкий уровень ориентации граждан на сотрудничество с правоохранительными органами, напротив, выступает в качестве серьезного фактора ухудшения правопорядка в обществе.

В вопросе сотрудничества граждан с основными правовыми институтами не меньшую значимость играет степень развитости на уровне социального мировоззрения граждан правовых ценностей. Значение правовых ценностей в формировании общей правовой ситуации многогранно. Правовые ценности определяют позитивное отношение граждан к действующему законодательству, в том числе осознание ими значимости сохранения правового характера отношений в социальной среде. По этой причине наличие развитых правовых ценностей на уровне мировоззрения членов общества определяет степень не только их готовности к сотрудничеству с представителями ключевых государственных институтов, ответственных за правопорядок в обществе, но и личного неприятия противоправной модели социальной активности. Этот аспект имеет очень большое значение, поскольку речь идет о наличии внутреннего регулятора активности членов общества, ориентированного на недопущение осуществления ими противоправных действий.

Развитая правовая культура – один из важнейших факторов выстраивания конструктивных правовых отношений в обществе. В условиях нарушения правовой культуры, связанного с недостаточной правовой грамотностью населения либо распространением деструктивных ценностей, противоречащих конформному поведению (в том числе с приверженностью членов общества антиценностям, толкающим их на противоправную активность), в обществе наблюдается существенная деформация социального этоса, связанная с ростом уровня преступности.

Наиболее яркой иллюстрацией изложенного выступает деструктивное влияние криминальной субкультуры, основные установки которой фактически напрямую противостоят ключевым конструктивным установкам правовой культуры. В условиях активной приверженности криминальной субкультуре члены общества проявляют высокий уровень готовности к совершению правонарушений и, напротив, низкую степень предрасположенности к сотрудничеству с представителями социально-правовых институтов (что в рамках криминальной субкультуры является табуированной формой деятельности).

Подведем итог. Право как институт обладает разветвленной структурой, что определяется необходимостью не только формирования юридических норм, но и обеспечения их соблюдения. Будучи основным институтом, на уровне которого осуществляется регулирование общественной структуры, право воздействует на все основные общественные институты, включая государство. При этом условия правового регулирования обнаруживают опосредованную зависимость как от состояния основных общественных институтов, так и от характера социокультурной ситуации, имеющей место на уровне локального общества.

2.4. Правовая культура

Один и тот же объект исследования может изучаться в различных направлениях. Это зависит от того исходного контекста, в котором реализуется постановка вопросов о его качествах, характеристиках, структуре, динамике и т. д. Применительно к гуманитарной сфере правомерно не только изучение какого-либо социального явления самого по себе, но и рассмотрение влияния, которое оно оказывает на различные срезы общественной жизни (вплоть до аналитики способов его отражения в общественном сознании и научной мысли). В то же время постановка некоторых вопросов продиктована не столько стремлением к системному, всеобъемлющему рассмотрению характеристик конкретного объекта, сколько возникающими в социальной практике проблемами, которые связаны с ним. Одной из важных проблем является характер правовой культуры.

Последовательное раскрытие проблемы правовой культуры требует обращения внимания на трактовку данной категории, а также множественность способов осмысления правовой культуры. Указанное затруднение напрямую обусловлено отсутствием определения культуры, что усложняется тем, что право существует на уровне общества в виде условностей, поддерживаемых и реализуемых его членами, выступающими их носителями.

В рамках ряда теоретических подходов разграничивается культурное и общественное, в других – общество со всеми его институтами и отношениями рассматривается как составляющая культуры, сторонники промежуточных подходов полагают, что отдельные аспекты общественных отношений реализуются на уровне культуры, в то время как другие, хоть и являются во многом культурно обусловленными, имеют самостоятельный статус.

При рассмотрении общественных отношений и институтов в качестве составной части культуры исходной точкой является дихотомическое деление всего спектра явлений на естественные, существующие сами по себе на уровне природы, и антропогенные – созданные человеком в ходе истории развития человечества. В этом контексте все, что когда-либо было создано человеком, позиционируется как элементы культуры, которые, в свою очередь, подразделяются на сферы материальной культуры (совокупность материальных объектов, созданных человеком) и духовной культуры (совокупность идей, принципов и смыслов, созданных в ходе совместной творческой деятельности людей). На стыке материального и духовного, соответственно, пролегает деятельностный аспект культуры, активно рассматриваемый отдельными исследователями в качестве основополагающего.

Следует отметить, что существуют весомые затруднения, связанные с рассмотрением общественных отношений и социальных институтов как элемента культуры, однако данный подход предполагает подчиненность социального аспекта культурному, что, по сути, вводит весь спектр социальных явлений в область исследования культурологического знания. Это влечет за собой ряд методологических затруднений, связанных с изучением социальных институтов и процессов как элементов общей системы культуры. На наш взгляд, несмотря на справедливость суждения о том, что общественные отношения, существующие как си-

стема условностей, не могут иметь место вне культуры, смешивание социальной и культурологической проблематики не способствует адекватному теоретическому анализу как минимум в силу того, что имеется существенное различие между идеальным аспектом общественных отношений (который представлен на уровне культуры) и практикой социального взаимодействия, подчиненной собственным законам развития, не тождественным процессам культурной динамики.

Изложенное позволяет утверждать об односторонности рассмотрения общественных отношений исключительно в качестве аспекта бытия культуры. В данном случае не отрицается возможность существования приведенной теоретической позиции, однако указывается на то, что в теоретико-методологическом плане она обнаруживает существенную ограниченность по отношению к подходам, выделяющим социальные процессы в самостоятельную область исследования.

Проведение линии демаркации между культурным и общественным обусловлено теоретической установкой, рассматривающей общество в качестве динамически существующей системы отношений и связей, которые реализуются на практике. В этом контексте как идеальная составляющая культуры, так и объекты материальной культуры представляются явлениями иной природы, нежели реализуемые в обществе процессы и отношения. Данный подход не сопряжен с рядом теоретических затруднений, возникающих по причине отождествления культурного и общественного, однако на его уровне проблематично освещение вопросов, связанных с оценкой идеальных оснований протекающих в обществе процессов (в частности, мировоззренческих факторов социального взаимодействия, паттернов поведения, моделей и практик взаимодействия и т. д.), поскольку разделение культурного и общественного фактически выводит культурную проблематику из области социального дискурса, наделяя ее самостоятельным статусом.

В результате многие из протекающих в обществе процессов рассматриваются «как есть», без осмысления их культурных предпосылок, что влечет за собой значительную теоретическую редукцию в ходе применения данного подхода. Именно ограниченность социальных исследований, направленных на изучение

общественных процессов без осмысления их культурных предпосылок, обуславливает целесообразность отказа от данного подхода. Применительно к области правовых отношений указанный подход и вовсе не способствует освещению культурного аспекта как одного из определяющих их фактора.

На наш взгляд, с целью определения соотношения культурного и общественного наиболее предпочтительно использовать подход, в котором культурное и общественное разграничиваются, однако реализуется осмысление взаимосвязи между ними. Он позволяет, с одной стороны, применять специальную методологию в рамках анализа как социальных, так и культурных явлений, с другой – определять взаимосвязь общественных и культурных процессов, носителями которых являются отдельные люди и коллективные общности. Такого рода дифференциация, не отрицающая моментов целостности, в том числе взаимосвязи элементов порожденной человеком области явлений и процессов, имеет высокую степень перспективности в раскрытии ряда частных исследовательских задач.

В рамках исследования правовой культуры первый подход предполагает, по сути, включение всех основных аспектов права, начиная с законодательных институтов и заканчивая областью правоприменения, в сферу рассмотрения правовой культуры на том основании, что право имеет антропогенный характер и, следовательно, относится к культурной составляющей мира. Исследователи обращают внимание на непродуктивность данного подхода, несмотря на то что его исходная аргументация выглядит правдоподобной. В то же время следует отметить, что нецелесообразность данного подхода обусловлена прежде всего спецификой того, как именно в рамках культурологического дискурса осуществляется анализ того или иного явления культуры.

Исторически сформировавшийся набор дисциплин, направленных на исследование культуры, опирается преимущественно на дескриптивную деятельность, в то время как ряд специальных гуманитарных дисциплин, таких как социология, лингвистика, экономика, ориентирован на выявление сущностных, структурных и функциональных аспектов исследуемых объектов, что определяет их методологию и способ постановки исследовательских задач.

Полное разделение права и культуры видится нецелесообразным в силу того, что право выступает, с одной стороны, в качестве порождения существующей культурной традиции, с другой – вся правовая практика подчинена области культурных факторов, с третьей – право находит отражение в сфере социальной культуры. Все это в совокупности определяет высокую значимость исследований на стыке правовой и культурной тематик, что определяет целесообразность рассмотрения тесной взаимосвязи правового и культурного без их отождествления.

Рассмотрение правовой культуры в таком ключе близко по характеру теоретико-методологических установок к структурно-функционалистскому подходу, в рамках которого тематика правовой культуры исследуется в двух основных измерениях – проблем правосознания и правовой деятельности, детерминированной культурными установками членов общества. Данные вопросы находятся в тесной взаимосвязи в силу того, что сознание определяет деятельную активность.

Это тот момент в социальной теории, который на первый взгляд прост и понятен (и, соответственно, не требует какого-либо обоснования или пояснения), однако на практике механизмы детерминации социальной активности характером социального мировоззрения являются сложными и многогранными, что обуславливает недостаточность простого указания на взаимосвязь между сознанием и активностью членов общества. Это определяет необходимость детализации вопроса о том, что представляет собой правосознание, из каких основных элементов оно складывается и, соответственно, как эти аспекты правосознания влияют на векторы социально-правовой активности членов общества.

Прежде чем приступить к дальнейшему теоретическому анализу, следует обратить внимание на характер концептуального выражения проблем формирования и проявления правосознания в гражданской среде. Речь идет о соотношении категорий «сознание», «мировоззрение» и «культура». На отдельных этапах изложения материала мы допускаем переход от рассмотрения роли правосознания к анализу социально-правового мировоззрения, что может быть воспринято как существенная ошибка. В связи с этим целесообразно дать соответствующее разъяснение, способствующее большей концептуальной точности в рамках настоящего тематического раздела.

Категория «сознание» применяется в различных теоретических традициях, что задает разные контексты ее трактовки. Так, говоря о сознательном принятии решения, мы подразумеваем, что принятому решению соответствовала рациональная деятельность, направленная на осмысление ситуации (включая последствия того или иного действия). Это – трактовка сознания как процессуального аспекта познавательной и в целом мыслительной деятельности. В свою очередь, сознание может трактоваться в биологическом ключе (нахождение в сознании), с точки зрения феноменологии, в ракурсе классического диалектического материализма и т. д.

Анализ категории правосознания, по сути, ограничивает категорию сознания правовой сферой, что не обеспечивает определенности касательно того, какую именно трактовку сознания следует брать в качестве исходной. В связи с этим возможно возникновение противоречий в вопросе о том, как могут соотноситься между собой правосознание, социально-правовое мировоззрение и правовая культура.

В рамках настоящего исследования мы исходим из того, что сознание представляет собой процессуально реализуемую совокупность познавательной, мыслительной и творческой деятельности, в результате которой реализуется ориентирование в окружающем мире, в том числе выбор оптимального варианта деятельности активности. При такой трактовке сознание, с одной стороны, обращается к уже существующему набору знаний человека об окружающем мире (его мировоззрению), с другой – способствует его дополнению, трансформации в результате сознательной рациональной деятельности человека.

Соотношение сознания и мировоззрения в данном случае проявляется в том, что в процессе осмысления какого-либо вопроса субъект познания обращается к имеющейся совокупности опыта и знаний относительно рассматриваемого вопроса. По этой причине сознание и мировоззрение тесно взаимосвязаны, а отдельные исследователи даже рассматривают их в качестве синонимов, полагая сознание динамически существующим и проявляющимся мировоззрением.

Рассматривая соотношение сознания и мировоззрения, отметим, что их существенное отличие заключается в том, что со-

знательная деятельность процессуальна и, соответственно, сам по себе процесс осознания чего-либо, сопровождающийся обращением к отдельным аспектам мировоззрения человека, определяет их актуализацию, в то время как другие элементы мировоззрения носят неактивный, следовательно, неактуальный характер.

Изложенное позволяет утверждать, что на уровне одного и того же мировоззрения могут присутствовать противоречащие друг другу установки, если они не актуализируются в сознании субъекта одновременно. Ключевым моментом в осмыслении соотношения сознания и мировоззрения является то, что сознание опирается на картину мира человека как совокупность знаний, которой он располагает и из которой исходит. Вместе с тем сознание динамично и определяет, в том числе, решения человека, в то время как мировоззрение – это в первую очередь совокупность знаний и представлений об окружающем мире в различной степени детализации: от сведений о факте существования явлений до наличия определенного отношения к ним.

Рассматривая в данном контексте область культуры и ее отношение к указанным выше категориям, отметим, что культура является вместилищем множества мировоззренческих установок, идей, представлений, концепций и теорий, выступая в качестве основного источника представлений об окружающем мире (помимо самостоятельного получения опыта). Соответственно, приобщение к культуре является одним из важных аспектов формирования мировоззрения, а от того, каким образом осознаются и осмысляются конкретные аспекты культуры, зависит то, каким образом они повлияют на конечное мировоззрение субъекта.

В связи с этим в отдельных ситуациях, рассматривая значение сознания как фактора социальной активности, мы обращаемся, частности, к тому, на какую картину мира ориентируется социальный субъект, вырабатывая то или иное решение. Точно так же может иметь значение влияние конкретных культурных факторов на деятельный выбор субъекта, реализуемый в рамках его сознательной деятельности. В данном случае наблюдаются, с одной стороны, формирование предрасположенности субъекта к принятию определенных идей и смыслов ввиду его включенности в конкретную культурную ситуацию, с другой – коммуникативная актуализация конкретных аспектов мировоззрения, с третьей –

собственно воздействие культуры на мировоззрение, что в дальнейшем влияет на сознательную деятельность человека.

Подводя итог, необходимо отметить, что в условиях, когда осуществляется последовательное обращение к анализу предпосылок деятельности человека, связанных с областью его мыслительной активности, наблюдается тесная взаимосвязь между характеристиками сознания, мировоззрения и культурной обусловленности субъекта. При рассмотрении данных аспектов в совокупности становится возможным более глубокое и дифференцированное исследование основных движущих факторов, влияющих на социальную активность субъекта. Данный принцип справедлив, в частности, применительно к сфере правовой активности субъекта.

Примечательно, что концепция правосознания, широко используемая на уровне исследовательской традиции, предполагает включение в феномен правосознания таких аспектов, как правовая грамотность и правовые ценности, что отражает момент прямой связи между сознанием и мировоззрением и, соответственно, определяет невозможность исключения мировоззренческого аспекта из сознательной деятельности применительно к анализу правовой тематики.

Всякое действие в социальной сфере определяется сознательным выбором субъекта, опирающимся на его картину мира, ценности, цели и т. д., иными словами – на его мировоззрение. Правовая сфера не является исключением, напротив, следование правовым нормам представляет собой сознательное действие, реализация которого предполагает, с одной стороны, владение фактом наличия определенной нормы, регулирующей отношения в конкретной ситуации, с другой – понимание необходимости следования данной норме. И первое, и второе представляет собой важные аспекты правосознания, в связи с чем можно постулировать подчиненный характер области правовой практики по отношению к области правосознания членов общества.

Рассмотрим подробнее, каково значение отдельных аспектов правосознания как, с одной стороны, элементов правовой культуры, с другой – факторов правовой активности членов общества.

Для многих членов общества характерна парадоксальная установка сознания, связанная с тем, что они считают необходимым следовать действующим законам, однако по факту совершенно не владеют нормативной правовой базой, иными словами, не знают самых законов, которым, по их мнению, они стараются следовать. В результате члены общества склонны понимать законы «интуитивно», опираясь на собственные представления о допустимом и социально опасном. В основном члены общества, не располагающие знанием о содержании действующих норм права, осведомлены о наличии определенных законодательных запретов, полагая запрещенными формы деятельности, которые квалифицируются как уголовные преступления (убийство, изнасилование, разбойное нападение, воровство и т. д.). Подобного рода ситуация чревата двумя видами негативных последствий. С одной стороны, члены общества могут в силу незнания совершить преступное действие, полагая, что они действуют в рамках правового поля, с другой – незнание действующих законов влечет за собой непонимание собственных прав и законодательно определенных возможностей, что может привести уже к допущению различного рода злоупотреблений и нарушений в их адрес.

Помимо двух основных негативных последствий незнания законов, следует отдельно отметить нарушение условий формирования позитивного отношения к праву, связанное с незнанием членами общества своих прав и возможностей, которые представляет им соответствие социальной практики действующим правовым установлениям. Примечательно, что в ряде западных обществ основу развитого правосознания составляют именно осознание членами общества значимости собственных прав и их встроенный в общую систему права характер.

Итак, знание законов, или правовая грамотность, – это базовый аспект правосознания, определяющий понимание людьми границ допустимой с точки зрения действующей системы права деятельности, что распространяется как на них самих, так и на окружающих их людей. Очевидно, что правовая грамотность может присутствовать в различной степени, что определяет разный уровень детализации в знании действующих законов. Показательно, что многие члены общества склонны развивать свою правовую грамотность для того, чтобы расширять свои возможности,

поскольку знание нюансов действующего законодательства позволяет членам общества более точно определять границы дозволенного, понимать специфику правовых процедур, в том числе требовать в отдельных ситуациях их корректного соблюдения. Это особенно актуально для ситуаций, когда носители властных функций осуществляют определенные процедуры по упрощенным схемам, рассчитывая на незнание обывателями тонкостей законов и порядка выполнения конкретных процедур.

В настоящее время существует широкий спектр информационных каналов, описывающих тонкости права в конкретных областях активности именно с точки зрения предоставления аудитории возможностей, основанных на знании права. Данные информационные источники обладают широкой востребованностью, что свидетельствует об осознании членами общества важности правовой грамотности как фактора обеспечения собственных прав и интересов.

Выше отмечалось, что правовая грамотность как социальный фактор оказывает комплексное воздействие на область социально-правового взаимодействия. Приведем классификацию основных форм зависимости социально-правовой практики от уровня правовой грамотности членов общества:

- прямая зависимость между знанием законов и следованием им;
- знание собственных прав как основание недопущения их нарушения со стороны других членов общества;

- знание своих прав как основание для позитивного отношения к правовой сфере в целом, которая ориентирована на обеспечение их реализации;

- понимание социально-правового аспекта как основание для обращения в правоохранительные органы в ситуациях, когда член общества становится свидетелем или жертвой преступных посягательств.

Приведенное рассуждение характеризует высокую значимость правовой грамотности как социального фактора. Вместе с тем следует отметить, что процесс осмысления правовой реальности как того, что предшествует правовой деятельности, включает в себя не только осмысление факта наличия того или иного закона, но и проявление определенного отношения к нему. В связи

с этим необходимо обратить внимание на такой значимый аспект правосознания, как отношение к праву в целом и отдельным законодательным нормам в частности. Одним из ключевых факторов формирования отношения к праву является система ценностей, которой придерживаются члены общества, в частности степень развитости или неразвитости правовых ценностей.

Ценности играют ключевую роль в выстраивании отношения к различным элементам окружающей действительности. Они определяют значимость для членов общества тех или иных аспектов социальной действительности, способствуют делению их на значимые и незначительные, определяют формирование системы приоритетов личности.

Именно на основании сложившейся системы ценностей формируется отношение к окружающей действительности, вырабатывается вектор социальной активности. По сути, человек склонен ставить цели исходя из того, что он считает важным, и, напротив, стремится избегать определенных действий или состояний, если они оцениваются им в качестве неблагоприятных. Основные аспекты принятия решения, таким образом, тесно связаны с системой ценностей, к которой обращается социальный субъект в рамках рассмотрения окружающей его действительности.

В выборе социально-правовой стратегии поведения влияние системы ценностей весьма высоко. Можно выделить следующие варианты соотнесенности ценностных установок социального субъекта и области права:

- наличие ценностного восприятия права как такового;
- обоснование действующих норм права через ценности, носителем которых является социальный субъект;
- нейтральное отношение к правовой сфере;
- наличие противоречий между отдельными ценностными установками личности и действующими законами;
- выборочное отношение к праву, в условиях которого могут сочетаться элементы представленных выше позиций (например, признание значимости одних законов и неприятие других, связанные с особенностями мировоззрения социального субъекта).

Очевидно, что модус социальной активности субъекта в значительной степени зависит от того, носителем каких правовых

ценностей он является. Рассмотрим подробнее указанные разновидности ценностного восприятия права, основанные на нем модели отношения к нему и влияние, которое они оказывают на его социально-правовую активность.

Для начала обратимся к ценностному восприятию права как такового. Речь идет об установке мировоззрения, возвеличивающей принцип законности как фактор выстраивания социальной активности. Подобного рода социальная установка формируется прежде всего на основании осознания значимости собственных прав, однако она может иметь и самостоятельный характер. В данном случае одним из ключевых моментов является то, что указанная форма ценностной ориентации определяет неприемлемость правонарушения, вне зависимости от того, какую форму оно принимает и какими внешними факторами мотивировано.

Что касается обоснования отдельных действующих норм права через ценности, носителем которых является социальный субъект, следует отметить, что речь идет о ситуации, когда понимание того, каким должно быть правильное течение социальных отношений, и их установленный на правовом уровне формат совпадают, что определяет легкость в принятии членами общества «правил игры», закрепленных на уровне действующего законодательства. Подобные ситуации достаточно широко распространены на уровне обществ с однородной культурой, в которой действующие законы являются формой закрепления традиций и общественной морали.

Достижение правопорядка в условиях, когда для большинства членов общества законы обладают ценностной подкрепленностью, является сравнительно простой задачей в силу того, что члены общества сами стремятся к приведению социальной практики в соответствие действующим нормам права.

В случае нейтрального отношения к праву (речь идет о ситуации, когда действующие нормативные установления не затрагивают область социальных ценностей субъекта) формирование собственного правового поведения выстраивается прежде всего на основании личных прагматических интересов субъекта, включая стремление избежать штрафных санкций со стороны государства за совершение того или иного правонарушения. В ряде слу-

чаев этого основания достаточно для сохранения конформного поведения субъекта, однако следует обратить внимание на один очень важный момент. Данный принцип действует лишь в условиях, когда социальный субъект полагает в качестве возможного сценария получение наказания за совершаемые им действия. Если он считает, что может избежать наказания, данный принцип утрачивает свою действенность (в отличие от подкрепляющих нормативное поведение моральных установок, которые действуют в любых условиях, независимо от того, есть ли риск быть уличенным в совершении преступления или нет). Соответственно, в отдельных ситуациях носители нейтрального отношения к праву могут совершить правонарушение, если это соответствует их интересам.

Большой интерес представляет ситуация, когда имеются противоречия между ценностными ориентациями субъекта и действующими нормами права. В подобной ситуации можно выделить два принципиально отличающихся варианта ценностных ориентаций, влияющих на модус правового поведения субъекта:

- наличие ценностных установок, противоречащих идее права как таковой;

- наличие ценностных установок, противоречащих отдельным законам и, соответственно, определяющих их восприятие в качестве неправильных, «неправовых», несправедливых и т. д.

Наличие исходной идеологической установки, предполагающей неприятие права, может быть связано как с неприятием какого-либо социального порядка (анархистское мировоззрение), так и с приверженностью культурным установкам, напрямую противоречащим правовой сфере (криминальная субкультура). Речь идет о деструктивной форме мировоззрения, на уровне которой существуют прямые стимулы к нарушению закона ради нарушения закона. Подобного рода мировоззрение зачастую толкает человека на противоправную деятельность без какой-либо прагматики и внятной аргументации совершаемых поступков, поскольку человек реализует своеобразное самоутверждение через преступление, которое выступает для него актом деятельного отрицания всего того, чему он стремится противостоять.

В случае восприятия отдельных законов в качестве некорректных члены общества реализуют соотнесение действующих

норм права с собственными нормами общественной морали и представлениями о социальной целесообразности, что влечет за собой позитивное восприятие одних законов и негативное отношение к другим.

Отдельного внимания заслуживает феномен смешанного мировоззрения, когда социальный субъект по факту является носителем противоречащих друг другу в плане детерминации отношения к праву ценностных ориентаций. Наличие подобного рода мировоззренческих установок связано по большей части с эклектичностью и внутренней противоречивостью мировоззрения членов общества.

Анализируя проблематику правовой культуры, нельзя обойти стороной проблемы формирования индивидуальных и групповых стратегий социально-правовой активности. Речь идет о широко транслируемом на уровне культурно-коммуникативной среды общества отношении к правовым институтам, а также о влиянии менталитета на способ восприятия правовой проблематики.

Институт права включает в себя не только область нормативных установлений, но и сферы правоохранительной, судебной, законодательной деятельности. Функционирование данных институтов находит отражение в общественном сознании, порождая специфические, транслируемые в культурной сфере, модели их восприятия. Это становится важным фактором, влияющим как на конечное отношение к правовой сфере, так и на область правовой активности членов общества.

Следует отметить реализацию классического механизма переноса отношения к государству на его отдельные институты. В связи с этим социальное восприятие законодательной власти может сказываться на отношении к праву как позитивно (высокий уровень доверия действующей власти), так и негативно (недоверие действующим носителям власти). В то же время зачастую имеет место обратный процесс: отношение к отдельным вводимым законодателем нормам права формирует восприятие носителей законодательной власти.

Социальное восприятие системы правосудия является важнейшим фактором приведения социальной практики в соответствие действующим нормам права, поскольку функциональность судебной системы в значительной степени зависит от того,

насколько члены общества склонны отстаивать собственные права в суде. Ключевые основания отношения к судам локализованы именно в культурной сфере, поскольку речь идет о совокупности представлений об эффективности судов и проблемах, связанных с участием в судебных исках, которые активно репрезентируются членами общества, многие из которых не имеют никакого личного опыта участия в судебных процессах. При этом люди активно заимствуют данные представления из культурно-коммуникационной среды, беря их за основу собственных представлений о судебной деятельности, в том числе принимая на их основании решения об участии в судебном процессе либо, напротив, отказе от него.

Особого внимания заслуживает социальное восприятие правоохранительной сферы, поскольку от этого в значительной степени зависит, насколько они склонны взаимодействовать с правоохранительными органами для обеспечения сохранности собственных прав либо содействия установлению правопорядка в обществе. От характера отношения к правоохранительным органам во многом зависят представления граждан о неотвратимости наказания за правонарушение (либо, напротив, о возможности избежать наказания), что является прямым фактором воздействия на область правового поведения членов общества.

Проведенный анализ свидетельствует в пользу того, что восприятие правовых институтов является одним из важнейших аспектов правовой культуры. Вместе с тем нельзя обойти вниманием такой аспект, как способ отношения к сфере права в целом. В данном случае важны характер трактовки природы права и его взаимосвязь с особенностями менталитета членов общества.

В академической традиции исследования права на протяжении длительного времени ведется дискуссия между сторонниками естественно-правового и позитивно-правового подходов. В целом апелляция к данным позициям в рамках анализа правовой проблематики является естественной и во многом закономерной. В то же время исследователи обратили внимание на то, что в правовой культуре также присутствуют элементы естественно-правовой и позитивно-правовой установок, что определяет принципиально различные подходы к восприятию правовой тематики.

Особенность позитивно-правового подхода состоит в том, что в его рамках область права рассматривается в целом в качестве сферы должного, довлеющей над областью социальных отношений. Соответственно, позитивно-правовой подход предполагает конформную модель отношения к праву и в целом принятие всех действующих законов в качестве необходимых к исполнению. В свою очередь, выбор противоправной деятельности в позитивно-правовой парадигме мышления – это формирование социальной позиции в отношении всей совокупности действующих законов, что влечет за собой примечательную особенность социального выбора членов общества (при условии, если они являются носителями позитивно-правовой установки): они либо признают необходимость следования всем без исключения нормам права, либо, напротив, не считают необходимым следование каким-либо законам.

В отличие от позитивно-правового подхода, естественно-правовая парадигма предполагает соотнесение каждого отдельного закона с «естественным правом», как его понимает социальный субъект, что определяет по большей части рассмотрение действующих законов через призму этики. При этом естественно-правовой подход допускает возможность неприятия отдельных законов, их отрицания на основании того, что они являются «неадекватными», «несправедливыми» и т. д. Естественно-правовой подход допускает выборочное следование действующим законам, в результате которого члены общества не столько выбирают противоправную модель поведения, сколько отрицают регулирующую роль отдельных законов, выполняя их предписание только в случае наличия внешней необходимости (в роли которой может выступать сила принуждения, реализуемая правоохранительными органами). Такое выборочное следование законам может сочетаться с представлением о собственной законопослушности.

Менталитет членов общества в значительной степени определяет то, как люди склонны воспринимать правовую сферу, в частности какую модель деятельной активности (применительно к правовой сфере) они склонны выбирать.

Для западной культуры характерен рационалистический подход, во многом близкий к позитивно-правовой парадигме, что создает предпосылки для развития форм правосознания, ориен-

тированных на полное подчинение действующим законам в силу их официального характера. Это определяет особенности правового регулирования в ряде западных стран, в том числе задает условия формирования правопорядка в обществе.

В свою очередь, для российского общества характерным является приоритет моральных регуляторов социальной активности, равно как и применение ценностно-ориентированных критериев оценки социальной действительности, что определяет повышенную склонность членов российского общества к принятию естественно-правовых установок восприятия правовой проблематики.

Подведем итоги. Правовая культура представляет собой сложную сферу, составными частями которой являются активное правосознание граждан, отражение на уровне их мировоззрения основных аспектов правовой реальности, а также представленность на уровне культурно-информационной среды основных аспектов правовой проблематики. При этом правовая культура, наряду с основными действующими правовыми институтами, выступает в качестве одного из ключевых факторов реализации правовых отношений в обществе, а от характеристик правовой культуры во многом зависят условия регулирования правового поведения членов общества.

3. Чистая метафизика права

Одним из важнейших направлений философского осмысления права является метафизика права, в рамках которой производится постановка вопроса о природе права с дальнейшей детализацией, связанной с ее осмыслением. В рамках настоящей главы дается последовательное осмысление основного спектра проблем метафизики права. Ставится вопрос о методологических основаниях метафизического рассмотрения права, анализируются основные теоретико-методологические подходы в данной сфере. Осуществляются постановка и дальнейшая детализация вопроса о гносеологических основаниях исследования права. Рассматриваются основные философские подходы к соотнесению правовой и аксиологической проблематики.

3.1. Методология метафизики права

Методология метафизики права – это область знаний, объектом которой выступает метафизика права, рассмотренная с методологических оснований.

Методологическое рассмотрение метафизики права означает теоретическую рефлексия относительно метафизики права с целью выявления ее методологических оснований, методологической структуры, а также методологического потенциала для юридических наук, испытывающих на себе влияние метафизики права.

Методология метафизики права существует в качестве специфической области знаний, сформированной благодаря обобщению и систематизации методологического исследования метафизики права.

Методологическое исследование метафизики права сопровождает всю историю ее формирования и развития. Как форма рефлексии над методологическими принципами метафизики права, подобное исследование может существовать в двух основных формах. Во-первых, оно может существовать в качестве методологической саморефлексии метафизики права, когда метафизиче-

ское по своему существу учение о праве обнаруживает необходимость раскрытия собственной методологии. Как правило, это связано или с возникновением и осознанием внутренних методологических проблем, нуждающихся в преодолении, или с дополнительной потребностью в обосновании своих базовых положений. Так, методология в ее развернутой форме выступает одним из средств обоснования достоверности учения. Во-вторых, методология метафизики права может существовать в форме методологического анализа метафизики права с внешней по отношению к ней позиции. Такая внешняя позиция может означать либо критическую позицию, выработанную оппонентами метафизики права, т. е. с противоположных оснований, как элемент полемики, либо с позиции иной формы теоретико-познавательного отношения к самой философии права и ее проблемам (в данном случае это означает методологический анализ метафизики права с научных оснований). Различие между указанными формами методологического анализа касается прежде всего его целей и предпосылок, тогда как в действительности они нередко дополняют друг друга.

Основной, идеальной и предельной целью методологии метафизики права является полное осмысление методологических принципов метафизико-правового познания. Реализация данной цели способна приблизить метафизику права к нормам и принципам научного познания, поскольку полное раскрытие методологической структуры данной области знаний означает воспроизводимость ее теоретических результатов при использовании унифицированного методологического арсенала. Единство метода должно приводить к единству результата, что, в свою очередь, отвечает одному из важнейших критериев научного познания. Частными задачами методологии метафизики права являются прояснение и раскрытие содержания основных методологических проблем, возникающих на пути метафизико-правового познания.

Реализация указанных целей и задач в действительности приводит к двум важнейшим следствиям для метафизико-правового познания. Во-первых, повышается качество философско-правового дискурса за счет достижения большей строгости теоретических построений и их методологической осознанности.

Это, действительно, означает приближение метафизики права к нормам и принципам научного познания. Во-вторых, сближение метафизики права с социально-гуманитарным научным знанием позволяет лучше понять их принципиальное различие. В первую очередь отчетливо проявляется априоризм, характерный для всех метафизических построений, в том числе для теоретико-правовых.

Активный исследовательский интерес к методологическим принципам метафизики права возник во второй половине XX в. в качестве компонента философско-правовой дискуссии, сформировавшейся между философией естественного и позитивного права¹. Осознание того факта, что каждая из этих теорий представляет собой развитую философско-правовую парадигму, породило взаимный интерес к исследованию методологических предпосылок, методологической структуры и методологических принципов, лежащих в основании каждой из теорий. Это позволило выявить важнейшие методологические принципы как философии естественного права, так и философии позитивного права. Кроме того, это послужило предпосылкой для исследования истории философии права с позиции выявления истории ее методологии.

Данный исследовательский подход позволяет лучше увидеть тот факт, что теоретическая рефлексия над методологическими принципами правового познания имеет свою основательную историю, которую можно отсчитывать уже от классики антично-греческого социально-гуманитарного познания.

При всей очевидной ясности целей и задач методологического исследования важнейших теоретических подходов в философии права (в данном случае метафизики права) данная тематика не является простой и характеризуется рядом особенностей. Методологическое исследование в той или иной области знаний предполагает акцент на динамику познавательного процесса, а также выявление его закономерного характера, где метод с необходимостью определяет полученный результат. Таким образом, раскрытие методологии становится одной из форм обоснования

¹ Оглезнев В.В. Переосмысление и новая интерпретация дискуссий между Г.Л.А. Хартом и Л.Л. Фуллером и их значение для аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 55–59.

полученного результата. Подобные эпистемологические процедуры в системе научного познания прекрасно дополняют эмпирическую верификацию и обоснование через практическое применение.

В философии права, в отличие от системы социального научного познания, мы имеем дело не только с методологией внутри определенной сформировавшейся области знания, но и с методологией, которая ей предшествует и определяет основные векторы ее развития. В отношении метафизики права это означает, что само понятие о сущности метафизико-правового исследования, его границах, предназначении, онтологических основаниях с необходимостью будет меняться и конкретизироваться по мере развития ее методологии. В то же время и методология метафизики права развивается в направлении раскрытия метафизической сущности права. Таким образом, результат применения методологии метафизики права к исследованию правовой реальности в некотором смысле предопределен. Методологическое исследование метафизики права подводит к пониманию, что сама сущность метафизики права не является должным образом раскрытой и проясненной. Существующие определения, безусловно, дают общее представление о метафизике права, но они в первую очередь указывают на нее как на предмет теоретического рассмотрения, но еще не раскрывают ее сущность.

Итак, на уровне философско-правовой рефлексии дискурс о специфике метафизики права и о ее сущности как отражение особенного и всеобщего, а также теоретико-методологический дискурс оказываются непосредственным образом взаимосвязанными. Невозможно основательно продвинуться в вопросе раскрытия сущности метафизики права, минуя вопрос о способе ее существования, а также о методологии формирования и развития в качестве учения.

Следует обозначить наиболее существенные теоретико-методологические вопросы, раскрытие которых способствует пониманию специфики методологии метафизики права. Первый вопрос состоит в том, в чем именно заключается метафизический метод и как он работает в отношении предметной сферы теоретико-правового познания. Данный вопрос включает в себя ряд

вторичных. В частности, важно определить, как соотносится методология конструирования самого метафизико-правового учения с методологическими принципами правовых наук; возможно ли исследовать первое через второе; можно ли редуцировать метафизику права к метафизике вообще, и если да, то в каком именно они отношении: как родовое и видовое понятие или как целое и его часть; в чем именно заключается набор специфических методологических принципов метафизики права, дающих основание выделять ее из общего массива метафизического познания.

Сущность метафизики права состоит в интерпретации правовой реальности посредством обращения к метафизическим основаниям¹. Методологический аспект метафизики права проявляется двояким образом: во-первых, со стороны форм и способов возникновения самого метафизико-правового познания, во-вторых, с позиции реализации методологической функции метафизикой права в отношении частных форм теоретико-правового исследования.

Различие между указанными методологическими аспектами является принципиальным. В первом случае вопрос о методологии метафизики права сближается с вопросом о генезисе метафизики права, где понятие метода берется в своем изначальном значении, метод как способ, путь в данном случае – это способ и путь построения метафизики права как теории о существенных и неизменных основаниях права. Во втором случае вопрос о методологии метафизики права фактически означает, что сформированная парадигма метафизики права является методологическим основанием для теории права, конкретизируемой в системе частных наук.

В соответствии с данным разграничением можно обозначить два различных основания, в силу которых каждый из видов методологического анализа метафизики права актуален для социально-гуманитарного познания. Методологическое исследование в системе науки ставит два важнейших вопроса: 1) о воспроизводимости полученного результата (в науке, зная метод, мы имеем

¹ Миллер В.И. Метафизическое осмысление становления концепции естественного права // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 100–104.

возможность прийти к известному результату) – о степени научности метафизики права; 2) о потенциальных границах теоретического и практического исследования, поскольку методологическая структура, методологические принципы не только направляют исследование, способствуя расширению знаний, но и ограничивают процесс познания. Первое актуально для метафизики, где логика развертывания метафизико-правовых идей выступает в качестве предмета самостоятельного исследования. Раскрытие методологических принципов построения метафизико-правовой теории позволяет лучше понять ее содержание, а также место в системе социально-гуманитарного познания. Второй аспект важен с позиции прояснения оснований актуально существующих теорий права. Рефлексия над методологическими принципами метафизики права позволяет лучше понять, где и как до сих пор применяются частные формы метафизического способа интерпретации права.

Наряду с обозначенными основаниями актуальности методологического анализа метафизики права, следует добавить, что сущность метафизики права далеко не всегда отражается одинаковым образом даже известными авторами. Это свидетельствует о существовании не только исторически накопленных аргументов и контраргументов в отношении метафизико-правового познания, но и об известной доле разночтений в его понимании. Связано это, в том числе, с отсутствием единых представлений о методологии метафизико-правового познания. Соответственно, раскрытие универсальных методологических принципов метафизики права призвано хотя бы частично преодолеть известный плюрализм в понимании ее сущности.

Одним из первых методологических принципов метафизики права является рассмотрение правовых понятий в идеалистическом измерении¹. Метафизика права в принципе формируется в русле идеалистической философии. Это позволяет совершить прямой переход от права как абстрактной категории к праву как метафизической категории.

¹ Честнов И.Л. Философия права в эпоху постметафизики // Известия вузов. Правоведение. 2017. № 1(330). С. 8–27.

Такие понятия, как «право», «справедливость», «закон», «норма», с точки зрения формальной логики являются абстрактными, поскольку не обозначают налично существующие предметы, доступные восприятию в материальном опыте. Более того, эти понятия не обозначают даже реальных отношений между предметами материального опыта (при этом лица, участвующие в правоотношениях, существуют материально).

Изложенное обуславливает возникновение ряда вопросов: В какой мере правовые принципы зависят от человека? Являются ли они чистой социальной условностью, или же в их основе всегда есть референция к необходимым и независимым от человеческого произвола основаниям? Метафизико-правовые подходы объединяет то, что все они так или иначе ориентированы на необходимые и безусловные основания правовой действительности¹.

Преодоление дистанции между реальной правовой сферой жизни общества и нематериальными абсолютными основаниями права является главной задачей методологии метафизики права. В этом отношении встает вопрос относительно единства методологии и онтологии права, поскольку право при таком подходе обнаруживает себя в качестве базовой формы общественного бытия. Онтологическое единство предмета и метода немыслимо в сфере частных наук, развивающихся в рамках субъект-объектной модели познания, но является методологической нормой для метафизики, поскольку она имеет дело с началами бытия и познания.

Изложенное позволяет утверждать, что онтология права как первое методологическое основание метафизики права основывается на идеалистической концепции мироустройства, в противном случае невозможно определить сущность права в качестве необходимого и общезначимого основания правовой реальности. Здесь же берет начало следующий важнейший онтолого-методологический принцип метафизики права – принцип тождества бытия и мышления. В отношении социокультурного феномена это означает, что право существует в качестве идеи права,

¹ Миллер В.И. Метафизическое осмысление становления концепции естественного права // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 100–104.

т. е. на уровне предельных (онтологических) оснований смысл и значение права совпадают¹.

Подобный принцип, безусловно, переводит метафизику права в систему рационалистической парадигмы. Это, в частности, дает основание ряду представителей метафизики права рассматривать принцип «практической разумности» как один из основополагающих в праве². В связи с этим в отношении метафизики права также добавляется задача по согласованию онтологических принципов права с системой позитивного права, основанной на прагматике общественного развития.

Таким образом, метафизика права может быть рассмотрена как часть идеалистической рационалистической парадигмы миропонимания; особенным предметом метафизики права становятся нормы и правила социальных взаимоотношений как частная форма реализации всеобщих принципов блага и справедливости.

В то же время наблюдается методологическое различие между метафизикой права и чистой умозрительной метафизикой. Исторические корни разграничения умозрительной метафизики и метафизики права можно наблюдать в античной философии, в интерпретации сущности социального познания в системе философских взглядов Платона и Аристотеля. Каждый из них является крупной фигурой в области социального познания, разрабатывал общие проблемы государства и права с позиции норм и принципов философского познания. Таким образом, и Платона, и Аристотеля, в обобщенном виде можно отнести к исторической традиции метафизики права. Основанием для этого является тот факт, что каждый из них, пусть не в равной степени, внес существенный вклад в развитие идеалистической парадигмы, противопоставил физическому измерению реальности метафизическое, а также включил социальное познание (вместе с этикой и правом) в общий контекст философии³.

¹ Честнов И.Л. Философия права в эпоху постметафизики // Известия вузов. Правоведение. 2017. № 1(330). С. 8–27.

² Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Scholae, СХОЛЭ. 2014. № 2. С. 418–424.

³ Лихтер П.Л. Предпосылки принципов конституционного права в философии древнегреческих мыслителей // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 201–204.

У Платона его общая теория государства и права главным образом представлена в диалогах «Государство» и «Законы», а также находит отражение в ряде других диалогов, где так или иначе затрагивается тема добродетели и справедливости. Для платоновской философии характерен определенный синкретизм, не позволяющий с самого начала дать однозначную дифференциацию отраслей научного и философского познания. Тем не менее общий контекст его творчества позволяет заметить, что фундаментальные проблемы государства и права рассматриваются в общем контексте идеалистической парадигмы.

Учение об идеях выступает универсальной методологической платформой для всех остальных вопросов, которые рассматривает философ. Таким образом, учение об идеях детерминирует платоновскую теорию государства и права¹. Это нередко выступало объектом критики у более поздних социальных и политических философов, именно на том основании, что односторонняя зависимость социального бытия от идеального бытия (представленного системой идей у Платона) приводит к игнорированию специфических социальных процессов и механизмов, которые нельзя прогнозировать и объяснить посредством указанной теории идей. Этот же аргумент употребим и в отношении платоновской методологии социального конструирования, в полной мере реализованной в проекте идеального государства. Сущность идеального государства, по Платону, состоит именно в том, что оно является материальным воплощением идеи справедливости. Сама же идея справедливости является вечным и совершенным нематериальным объектом, а также предметом нематериального опыта в человеческом познании. Справедливость выступает формой блага, реализуемой в социальном пространстве.

Таким образом, в философии права Платона можно наблюдать строго вертикальную метафизико-правовую систему с односторонним детерминизмом между социально-правовой сферой и онтологическими основаниями реальности, раскрываемыми в его учении об идеях. По этой причине метафизика права является частью общего метафизического познания (теоретического пости-

¹ Лихтер П.Л. Предпосылки принципов конституционного права в философии древнегреческих мыслителей // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 201–204.

жения идей), сам Платон еще не проводит разграничение между созерцательной и практической философией, как это делает Аристотель. Отсутствие подобного разграничения предопределяет утопизм платоновского социального и политического проекта «Идеальное государство».

В отличие от Платона Аристотель предлагает дифференциацию отраслей философского познания, основанную на типе предмета познания, методах исследования, отношении к принципам и ориентирам человеческого существования. Мыслитель вводит понятие «практическая философия», к которой относятся этика и политическое знание¹. Отношение практической философии к метафизике (как типу философского познания) у Аристотеля несколько запутывает тот факт, что «метафизика» – это не собственное название фундаментального произведения, соответственно, этот термин не использовался философом и для обозначения типов философского познания, вместо этого применялся термин «первая философия». Первая философия, по замыслу автора, должна была исследовать первопричины сущего, тогда как предметом практической философии являются добродетели, направляющие деятельность человека, формирующие из него достойного гражданина своего общества, способствующие самореализации и процветанию.

Для Аристотеля основной формой приобщения к добродетелям является практика, а не познание². Платон в этом смысле очень близок к сократической позиции, отождествляющей знание и благо и фактически делающей философию права частью умозрительной (отвлеченной) философии. Для Аристотеля же очевидно, что между знанием блага и справедливости и реализацией блага и справедливости в социальном пространстве лежит не принцип прямого линейного детерминизма, а отношение иного рода. Специфика и характер этого отношения определяют сущность теоретико-методологического подхода Аристотеля к важнейшим философским проблемам этики, права и политики.

¹ Лихтер П.Л. Предпосылки принципов конституционного права в философии древнегреческих мыслителей // Социально-политические науки. 2016. № 4. С. 201–204.

² Там же.

Необходимо рассмотреть, как соотносятся методологические принципы аристотелевской практической философии с основными теоретическими проблемами современной философии права, а также выяснить, можно ли назвать практическую философию, изучающую нормы и принципы права, метафизикой права.

Существует два основания актуальности аристотелевского теоретико-правового исследования для современного философско-правового дискурса. Во-первых, это зрелость и основательность разработки общих принципов этики и права, которая определяет то, почему аристотелевская практическая философия не утрачивает своего актуального значения. Во-вторых, это значимость фигуры Аристотеля и исторический след, который оставили его идеи не только в истории философии, но и в истории развития мировой культуры и цивилизации в целом.

Многие философско-правовые взгляды Аристотеля легли в основу методологии философии естественного права. Развернутые концепции естественного права хорошо представлены уже в эпохе средневековой схоластики. В частности, речь идет о разработке концепта долженствования, который выступил в качестве базовой идеи для разграничения того, что актуально существует, относится к бытию, и того, что полагается в качестве нравственного и правового ориентира¹. Это задает интенцию понимания правовых принципов в качестве объекта долженствования. Такой подход к морали и праву означает, что правовые принципы уже на онтологическом уровне радикально отличаются от законов и принципов, применимых к явлениям природы. Необходимость права основывается не на естественных законах природного детерминизма, а на высших ценностных ориентирах индивидуального и совместного существования, подкрепляется силой свободного целесообразного выбора и социального принуждения, а также систематической практикой социально приемлемого поведения.

Теоретическая рефлексия над принципом долженствования в правовой сфере жизни общества означает преодоление архаического взгляда на законы как на нормы, установленные властной

¹ Батиев Л.В. Закон и право в философии Фомы Аквинского // Философия права. 2012. № 1(50). С. 116–121.

инстанцией исключительно на основании силы. По сути, подобный методологический подход означает возможность оценки актуально существующего права – права позитивного – на предмет соответствия тому, что в действительности является правом.

Аристотелевский подход к праву дал основательный теоретико-методологический толчок для разработки метафизики права, хотя нормы и принципы философско-правового исследования Аристотеля и его поздних последователей значительно отличаются от норм и принципов чистого теоретического метафизического познания. Это означает, что утверждать, что Аристотель, Фома Аквинский, Джон Финнис принадлежат к традиции метафизики права можно через допущение, при котором метафизика рассматривается в широком смысле, позволяющем метафизически истолковывать концепт долженствования и сущности свободы человеческого выбора.

В эпоху Возрождения и Нового времени во многом под влиянием натуралистических тенденций в формировании общей картины мира коренным образом меняются теоретико-методологические установки в философии права. Именно в этот период берет начало натуралистическая трактовка концепции естественного права. Различие между естественным правом в контексте социально-политической мысли Фомы Аквинского как представителя еще классической метафизики и трудов мыслителей-гуманистов является весьма существенным.

Фома Аквинский в духе средневековой картины мира, сформировавшейся под влиянием аристотелизма, рассматривает теорию общества и права согласно общему образцу и методологическим установкам практической философии. Это значит, что естественное право восходит не к материальной природе, а к трансцендентной природе Бога, сущности человека и его предназначению¹. Отсюда средневековый концепт естественного права приобретает динамический характер, право соотносится с ответственностью и онтологическим принципом долженствования. Неслучайно возрожденная теория естественного права Джона Финниса широко использует теоретические построения и методологические принципы философии права Фомы Аквинского.

¹ Батиев Л.В. Закон и право в философии Фомы Аквинского // Философия права. 2012. № 1(50). С. 116–121.

В Новое время, напротив, окончательно закрепляется концепция естественного права, основанная на материалистическом понимании природы¹. Это означает, что естественное право соотнесено уже не с трансцендентными основаниями природы и общества, а с вполне конкретным натуралистическим порядком вещей и процессов. Таким образом, самодостаточное понимание природы в духе физикализма, не предполагающее ее соотнесение с какими-либо иными метафизическими основаниями, приводит к тому, что фундаментальный для этики и права концепт долженствования переносится в область позитивного права как сферы исключительно человеческих решений и установлений. Теперь человек решает, должно ли общество ориентироваться на естественные права, в какой мере, что для этого предпринимать и в каких исключительных случаях можно поступиться правами малой группы ради общественных интересов. Естественное право понимается как данность – набор фундаментальных прав, предоставленных человеку самой природой, но формы и способы реализации этих прав оказываются в компетенции позитивного права.

Такое понимание естественного права в Новое время успешно справлялось с основной задачей – быть мерой и критерием для позитивного права. Действительно, правотворческая и правоприменительная практика, получившая концептуальное закрепление в понятии «позитивное право», во все времена нуждается в ограничении власти, не позволяющей правовой системе перерасти в произвол власти. Философия естественного была ориентирована именно на защиту фундаментальных прав и свобод человека. В Новое время обращение к принципам и законам природы служило чуть ли не самым сильным аргументом в обосновании точки зрения. Этому способствовали новые онтологические тенденции в культуре, а также общий рост авторитета естествознания. Тем не менее новоевропейская версия философии естественного права отходила от метафизики права, в связи с чем философия естественного права утрачивала свое влияние в культуре.

¹ Жданов П.С. Правовые концепции раннего позитивизма в контексте мировоззренческих оснований философии права Нового времени // Право и политика. 2018. № 10. С. 38–47.

По мере окончательного установления теории естественного права в ее натуралистическом варианте стало понятно, что она имеет весьма ограниченный теоретико-методологический потенциал. Во-первых, оказалось, что идея естественных прав и свобод человека является в первую очередь девизом и ценностным ориентиром. Рассмотрение естественных прав в качестве онтологических структур основывалось на мировоззренческих предпосылках данной эпохи, но с методологической точки зрения было проблематично, поскольку не имело под собой достаточных оснований. Налицо было различие между естественными законами (законами природы) и правовыми законами (законами в обществе). Становилось все более понятно, что правовые законы не основываются на принципах естественного детерминизма. В связи с этим их нельзя было в полной мере называть общественными законами (по аналогии с законами природы), поскольку они определяют не фактические социальные процессы и их каузальные связи, а необходимый нормируемый правопорядок. Отсюда онтологическая неопределенность правовой необходимости становится предпосылкой для формирования альтернативного направления в философии права – теории позитивного права. Теория позитивного права была призвана объяснить правопорядок и развитие правовых институтов в обществе через свободную и целесообразную деятельность самих людей как участников правоотношений¹.

Подводя итоги, необходимо отметить, что философия естественного права прошла основательный путь развития, который подготовил почву для возникновения противоположного течения в философии права. Важно понимать, что теоретико-методологические основания философии позитивного права также восходят к гуманистическим мировоззренческим установкам культуры и к концепции естественных прав и свобод человека. Различие между философией естественного и позитивного права коренится в более глубоких методологических установках, в силу которых естественные права и свободы могут быть проинтерпретированы как с позиции метафизической парадигмы,

¹ Жданов П.С. Правовые концепции раннего позитивизма в контексте мировоззренческих оснований философии права Нового времени // Право и политика. 2018. № 10. С. 38–47.

так и вне ее¹. Не менее важным и даже решающим фактором было то, что «практическая разумность» как социальная ценность и характеристика общественного сознания была интерпретирована с индивидуалистических оснований – в качестве формы самореализации человека в гражданском обществе². Подобная идея хорошо сочеталась с мировоззренческими установками гуманизма и антропоцентризма, а также закрепила свои позиции в утилитаризме.

Оборотной стороной этого процесса явилось то, что правовая сфера жизни общества стала утрачивать устойчивые и неизменные ориентиры, позволяющие ограничивать позитивное право от произвола. Основной методологической проблемой натуралистической модели объяснения изначальных и неотъемлемых прав и свобод человека было то, что они постулировались двойственным образом: и как нормы, описывающие идеальный порядок, и как побуждающий принцип. Очень скоро стало понятно, что между обеими формами существования правовых норм пролегает непреодолимая дистанция, а также что позитивное право функционирует по собственным правилам. Раскрыть набор этих правил была призвана философия позитивного права. Фактически философия позитивного права претендовала на определение самостоятельного предметного содержания права и юридических наук. Наиболее последовательно эта идея была раскрыта в «Чистом учении о праве» Г. Кельзена³. Кроме того, огромная роль в обосновании специфики права с теоретико-методологических оснований аналитической философии принадлежит Г. Харту⁴. Таким образом, философия позитивного права стала вытеснять философию естественного права. Ее успехи были связаны, в том числе, с восприятием теоретико-методологических установок позитивизма, который дал мощный импульс для развития аналитической философии.

¹ Сивопляс А.В. Антропологический дефицит классического понимания права // Известия ТПУ. 2010. № 6. С. 93–96.

² Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Scholae, СХОЛЭ. 2014. № 2. С. 418–424.

³ Антонов М.В. Об Основных элементах чистого учения г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 169–196.

⁴ Оглезнев В.В. Онтоэпистемологические основания философии права Герберта Харта // Scholae, СХОЛЭ. 2010. № 1.

Возрождение философии естественного права, а также метафизики права включало в себя две основные стратегии. Во-первых, это обоснование морально-этического аргумента в системе права. Практически все известные теоретики естественного права предлагают развернутый анализ правовой реальности в контексте принципов, ценностей и норм морали. Ярчайшим примером служит оригинальная концепция разграничения «морали долга» и «морали стремления» Л.А. Фуллера, в рамках которой раскрывается ценностная структура права¹. Философ и правовед обосновывает тезис имманентного присутствия морали в праве. Согласно Л.А. Фуллеру, именно мораль делает возможным право, вне морали право утрачивает свою силу. Указанный тезис означает, что позитивное право вновь обретает контролируемую инстанцию в лице морали. Нарушение морали в праве приведет к негативным функциональным последствиям для всей правовой системы. У Л.А. Фуллера это описывается как один из способов потерпеть неудачу при составлении законов. В то же время мораль у Л.А. Фуллера понимается шире, чем форма общественного сознания, и это существенно отличает его идеи от идей поздних теоретиков позитивного права и представителей нормативизма, которые по большому счету не оспаривают моральный аргумент в праве, но вводят мораль в сферу человеческих, т. е. позитивно-правовых, решений.

Концепция морали стремления определяет фундаментальный метафизический аспект философии права, поскольку мораль стремления обращена к высшим и не всегда определимым идеалам человеческого и общественного благополучия². Концепция морали стремления, таким образом, задает вполне определенную метафизическую трактовку морали. Основная функция и методологическая установка метафизики права при таком прочтении морали состоит в том, чтобы задать ориентиры для наиболее полного воплощения общественных идеалов посредством правовой системы.

¹ Фуллер Л.А. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой, под ред. А. Куряева. М.: ИРИС ЭН, 2007. С. 15.

² Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Scholae, СХОЛЭ. 2014. № 2. С. 418–424.

У Дж. Финниса мы наблюдаем несколько иной методологический подход к морали, заключающийся в обосновании метафизико-правовой парадигмы. Во-первых, в отличие от Л.А. Фуллера он находит основание философии морали и права в фундаментальных ценностях человеческого существования. Философ раскрывает полный (на его взгляд) перечень таких ценностей. К ним относятся жизнь, знание, игра, эстетический опыт, общительность, практическая разумность, религия¹. Во-вторых, Дж. Финнис дает интерпретацию «практической разумности» с естественно-правовых оснований. Это фактически возвращает философию естественного права на почву метафизико-правового исследования. Метафизический характер естественного права подчеркивается тем, что, по мнению философа, само естественное право не имеет истории, оно просто существует как онтологическая структура и никак не зависит от того, в каком состоянии находится философско-правовая мысль, есть ли приверженцы философии естественного права или нет².

Подводя итоги, необходимо отметить, что важнейшая теоретико-методологическая дискуссия в метафизике права разворачивается вокруг таких концептуальных вопросов, как соотношение естественной (природной) и социальной необходимости, сущего и должного в праве, отношение права к высшим ценностям человеческого и социального благополучия, онтологический статус «практической разумности». Указанные концепты в общем поле философско-правового дискурса представляют собой те переменные, от способа интерпретации которых зависит, является ли теория права метафизической по своему содержанию или нет.

¹ Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. С. 118–121.

² Там же. С. 44.

3.2. Гносеология метафизики права

Гносеология как раздел философии разрабатывает комплекс теоретических вопросов, связанных с познавательной деятельностью человека. Гносеология определенной предметной сферы предполагает корреляцию проблемы познания, нацеленной на выявление существенных принципов познавательной деятельности, с той реальностью, которая составляет содержание данной предметной сферы¹. В отношении философии права это означает определение гносеологического статуса базовых правовых концепций. Актуализируются такие вопросы, как соотношение правового реализма и номинализма, субъект-объектная природа теоретико-правового познания, ставится проблема выбора концепции истины, применимой к правовой реальности.

Гносеология права, наряду с онтологией права, занимает центральное положение в структуре философско-правового дискурса. Именно гносеологическое измерение философско-правового дискурса является высшей инстанцией теоретической рефлексии, с позиции которой возможно судить о достоверности философско-правового познания. Гносеология права рассматривает философско-правовую проблематику с задействованием категорий «субъект правового познания», «объект правового познания», «правовая достоверность», «правовая истина», «правовое заблуждение»². В гносеологическом измерении к оценке правовых теорий применяются такие характеристики, как скептицизм, гностицизм, агностицизм, эмпиризм, рационализм, априоризм и интуитивизм. Методологической нормой является определение гносеологического статуса философско-правовой теории в контексте одной из концепций истины.

Для метафизики права характерна собственная специфическая гносеологическая парадигма, определяющая сущность теоретико-правового познания, а также задающая нормы и принципы правового познания в обществе. Гносеологическое рассмотрение метафизики права означает, что главным предметом исследования

¹ Порус В.Н. Гносеология в ретроспективе и перспективе // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2004. № 2. С. 70–75.

² Скурко Е.В. Основания современной гносеологии права (теоретический и практический аспекты). Статья 1 // *Ленинградский юридический журнал*. 2010. № 1. С. 7–24.

выступает гносеологическая парадигма метафизико-правового познания. Ее раскрытие становится возможным благодаря обращению к метафизико-правовым учениям, рассматриваемым в контексте прироста знаний, идей, т. е. со стороны реального познавательного процесса. Таким образом, предметом теоретической рефлексии становятся генезис метафизики права как формы знания и диалектика субъект-объектного познавательного отношения в общем контексте метафизико-правового познания.

Гносеология метафизики права существует в качестве важнейшего компонента философско-правового дискурса. Это та научная область, в которой возможна постановка вопроса достоверности правового познания не только с формально-логических оснований, но и в содержательном аспекте. Таким образом, гносеология права обнаруживает содержательное единство с онтологией и предполагает аксиологию права. Подобное единство хорошо читается в структуре метафизики права, аспектами которой являются онтология, гносеология, аксиология и методология права. В методологическом измерении метафизика права детерминирует юридические науки, в аксиологическом – определяет правосознание в обществе, в гносеологическом – влияет на концептуальное содержание философско-правового дискурса.

В то же время указанное единство не означает, что гносеология права – это всегда гносеология метафизики права. Прикладная сфера гносеологии права – философско-правовой дискурс. Всякая основательная парадигма правопонимания опирается на соответствующую модель гносеологии права. Таким образом, подготавливается почва для формирования гносеологического дискурса в философии права, что означает выход на более высокий уровень теоретической рефлексии над правовыми принципами.

Рассмотрим, как формируется и в чем состоит гносеологическое исследование в философии права. Базовой проблемой всякого философско-правового познания является факт отсутствия окончательного и исчерпывающего определения сущности права. Точное определение понятия права, способное раскрыть его сущность, – это задача на стыке онтологии права и гносеологии права. Онтология права отвечает на вопрос «Что есть право?», гносеология права – «Как мы познаем право?». Поскольку между кон-

цепцией правового бытия и концепцией правового познания существует прямая зависимость, известный плюрализм в определении сущности самого права означает и отсутствие общепринятой точки зрения относительно правового познания. В этом отношении всякое основательное философско-правовое учение, затрагивающее проблему определения права, входит в компетенцию гносеологии права.

Фундаментальная гносеологическая предпосылка в отношении философии права состоит в том, что в основе всякого учения о праве, постулирующего те или иные правовые принципы в качестве справедливых и необходимых, в первую очередь лежит правовое познание¹. Из этого на первый взгляд очевидного положения следует не совсем очевидный вывод. Если это действительно так, то право существует, прежде чем оно приобретает форму и структуру правового учения. Речь не идет о том, что теоретической рефлексии над правовыми нормами и принципами предшествует социокультурный феномен права – это и так ясно, а о том, что даже самые ранние архаические модели правоотношений утверждались по принципу правового учения, пусть догматичного, смешанного с религиозно-мифологическими моделями сознания, в чем-то смутного и неразличенного, противоречивого, но тем не менее правового учения. Каждому из таких правовых учений предшествует правовое познание. Указанный вывод безоговорочно разделяется представителями метафизики права, поскольку это не только не противоречит тезису, что право – это метафизический объект, но и частично подкрепляет его. Вспомним тезис Дж. Финниса, согласно которому у естественного права нет истории, поскольку естественное право укоренено в самом бытии². В рамках традиции философии позитивного права данная предпосылка гносеологии права побуждает искать неметафизические модели онтологии права, для того чтобы, с одной стороны, удовлетворить гносеологическому условию, с другой – остаться на позициях позитивизма.

¹ Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2(40). С. 14–22.

² Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. С. 44.

Рассмотрим, как выстраивается структура метафизического типа гносеологии права. Основная гносеологическая проблема метафизики права в предельно обобщенном виде может быть сформулирована следующим образом: «Каким образом метафизические основания права переходят в содержание философско-правовой теории?». Подобная постановка вопроса предполагает в качестве своей предпосылки существование метафизических оснований права. Это еще раз возвращает нас к основному тезису Дж. Финниса о существовании естественного права вне зависимости от того, понимает ли человечество принципы естественного права или нет¹. Несмотря на это, гносеология права не может удовлетвориться подобной онтологической констатацией факта бытия права как метафизического объекта. Напротив, задача гносеологии права состоит в том, чтобы преодолеть познавательную дистанцию, т. е. сделать право объектом знания. Гносеологическая логика исследования предполагает обратное движение: от сознания к реальности, а не от реальности к сознанию, как в онтологии. Поскольку предметом гносеологического анализа метафизики права является то, каким образом право может быть представлено в сознании, именно сознание, способное к пониманию и осмыслению права, становится исходной точкой исследования. Речь идет не о сознании вообще, а о сознании в отношении права. В связи с этим возникают вопросы, касающиеся формы и уровня сознания, способного к правосознанию.

Право в гносеологическом измерении предстает в качестве «осознаваемой предметности». Отсюда возникает вопрос о том, в качестве чего именно существует право в сознании, а также в качестве чего существует сознание, мыслящее право? Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что право существует как абстрактный принцип, регулирующий взаимоотношения людей в обществе, в основу у которого положена идея (цель) справедливого сосуществования. Право не является физическим объектом, к которому применимы нормы и методы эмпирического познания². Таким образом, право в нашем сознании существует идеально (или по крайней мере условно).

¹ Финнис Дж. Указ. соч. С. 44.

² Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2(40). С. 14–22.

В гносеологическом измерении это приводит к двум важнейшим следствиям. Во-первых, как идеальный объект право по определению доступно нашему сознанию: сознание как раз и имеет дело с идеальными и идеализированными предметностями. Право, таким образом, не является трансцендентным объектом действительности, опосредованным чувственным восприятием. В то же время изложенное полностью не снимает проблему трансцендентных оснований права, подходы к решению которой определяют концептуальные отличия философии естественного и позитивного права.

При этом классическая гносеологическая проблема соотношения знания и действительности, достигшая апогея в кантианской концепции непознаваемости «вещи-в-себе» не имеет прямой связи с гносеологией права. Напротив, открывается перспектива для построения феноменологической гносеологии права, эпистемологии права, основанной на логическом и лингвистическом анализе правовой реальности, метафизической гносеологии права, ориентированной на познание идеального бытия правовой действительности, а также для построения гносеологии права реализующей теоретико-методологические принципы априоризма. Указанный перечень подходов позволяет понять, что идеальность права порождает проблему определения его онтологического статуса. Возникает почва для теоретико-методологического плюрализма в отношении понимания сущности права¹.

Вторым гносеологическим следствием идеальной природы права является то, что право имеет набор интерсубъективных характеристик. Интерсубъективность права исходит из того, что само право существует как феномен общественного сознания². Изолированный индивид, взятый отдельно от общества, не может быть субъектом права, поскольку право предполагает упорядоченную систему отношений. В то же время, несмотря на то, что правовые решения, предписания, как правило, имеют вполне

¹ Оль П.А. Плюрализм правопонимания и необходимость выработки единого понятия права: некоторые вопросы юридической гносеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 1. С. 26.

² Честнов И.Л. Интерсубъективность права // Вестник Академии права и управления. 2015. № 2(39). С. 38.

конкретные материальные последствия для субъектов правоотношений, право регулирует материальную сферу жизни общества, само право продолжает оставаться абстрактной категорией правосознания. В связи с этим возникает вопрос, как соотносится индивидуальное и коллективное сознание в праве.

Данный вопрос несколько расширяет сферу применения гносеологии. Классическая модель гносеологического познания является субъектно-ориентированной, формирование и развитие знания исследуется в фокусе индивидуального сознания – субъекта познавательного отношения. Признание, наряду с индивидуальным познавательным процессом, коллективных форм правового познания радикальным образом меняет гносеолого-правовую установку, поскольку это означает существование проблемы первичности.

В случае решения проблемы первичности индивидуального и общественного правового сознания в пользу индивидуального актуализируется проблема интерсубъективности в праве. Дж. Фуллер приводит очень хороший пример: принятие законов, не понятных для граждан (явное нарушение принципа интерсубъективности в праве), приводит к невозможности их соблюдения¹.

Проблема интерсубъективности в позитивно-правовых учениях нивелирована стандартизацией речевых конструктов и логической структурой юридического знания. В метафизике права, напротив, этот вопрос становится острым и актуальным. Изложенное связано с тем, что предмет метафизики права восходит к трансцендентным началам социальной реальности². Преодоление субъективизма и релятивизма на данном уровне философско-правового познания предполагает основательную проработку всего логико-категориального аппарата метафизики права как единой теоретической системы. Этим, в частности, объясняется известная сложность метафизико-правового познания. Другим аспектом подобного решения проблемы первичности будет то, что оно не может быть универсальным и общезначимым.

¹ Фуллер Л.А. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой; под ред. А. Куряева. М.: ИРИС ЭН, 2007. С. 50.

² Миллер В.И. Метафизическое осмысление становления концепции естественного права // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 100.

Первичность индивидуального правосознания по отношению к общественному приводит к тому, что общественное сознание превращается в поле столкновения различных, индивидуальных в своей основе, правовых взглядов. Унификация правовых взглядов в метафизике права осуществляется за счет принципа сущностного единства права. С метафизических оснований право превращается в фундаментальный принцип организации социальной реальности, доступный человеку в мышлении¹. Тем не менее это не решает главные теоретико-правовые проблемы. В частности, краеугольной проблемой метафизики права является дистанция между идеальной основой права и актуальными культурно-историческими формами правового познания, которые находят продолжение в реальной юридической практике. Классический для теории естественного права способ преодоления подобной дистанции состоит в указании на мораль как среднее звено между идеальной первоосновой и конкретной правовой реальностью².

В случае решения проблемы первичности в пользу общественного сознания мы получаем совершенно иную картину. Во-первых, это означает смещение акцента с гносеологии права в сторону онтологии права, поскольку правосознание общества предстает как одна из характеристик социального бытия. Во-вторых, это существенно ограничивает роль философии права в системе управления социальной реальностью. Определяется это тем, что правосознание на уровне конкретного общества относится к сфере фактического бытия и, как правило, детерминировано материальными (социально-экономическими) процессами. Кроме того, перемены в общественном сознании происходят значительно медленнее, чем в индивидуальном. В связи с этим философия права остается лишь в форме отвлеченной теоретической рефлексии над высшими правовыми основаниями. Функциональную роль гносеологии права будет играть правовая герменевтика, ориентированная на экспликацию принципов права из сферы общественного сознания.

¹ Щипачев Е.А. А.С. Хомяков о познании права // Философия права. 2015. № 6(73). С. 38–43.

² Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Scholē, СХОЛЭ. 2014. № 2. С. 418.

В правовой системе существуют релевантные отношения между обоснованием действительности правовых решений и действительности самой системы правовых норм и принципов. Иными словами, если задать вопрос, почему в случае нарушения закона виновная сторона должна нести ответственность, и пойти немного дальше стандартных юридических ответов «этого требует закон», «таков порядок в обществе», «это необходимо для наведения остальным», то мы переходим к вопросу о сущности правонарушения, что косвенно означает вопрос о сущности права.

Платон в диалоге «Критон» показывает, как государство и законы могут быть основными субъектами права. Рассмотрим отрывок из диалога, где затрагивается вопрос, правильно или неправильно согласиться человеку, несправедливо обвиненному большинством, на побег: «Тогда посмотри вот как: если бы, чуть только собрались бы мы отсюда удрать – или как бы это там ни называлось, – вдруг пришли бы Законы и Государство, стали бы и спросили: «Скажи-ка, Сократ, что это ты задумал делать? Не замыслил ли ты этим своим поступком, который собираешься совершить, погубить нас, Законы и все Государство, насколько это от тебя зависит? Или, по-твоему, еще может стоять целым и невредимым то государство, в котором судебные приговоры не имеют никакой силы, но по воле частных лиц становятся недействительными и отменяются?» Что скажем мы на эти и на подобные вопросы, Критон?»¹.

Указанный отрывок из творчества Платона хорошо иллюстрирует объективно-идеалистический подход к правовым ценностям, утверждающий приоритет всеобщего над единичным. Это хорошо согласуется с тем, что метафизика права претендует на обоснование правовой реальности через всеобщие и универсальные принципы бытия, а характерной особенностью метафизики является онтологизация высших ценностей. В этом смысле онтология и аксиология права на метафизических основаниях обнаруживают содержательное единство. Онтология права предполагает аксиологию права, и, наоборот, аксиология права предполагает онтологию права.

¹ Платон. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 97.

Гносеология права также имеет дело с проблемой социального познания правовой реальности в условиях ее трансформации¹. Конкретной формой выражения права является закон, тогда как правовые решения завершают конкретизацию права в системе социальной реальности. Именно на этой форме бытия права наиболее отчетливо проявляется его динамический характер. Законы и правовые решения принимаются в конкретной социально-политической и культурно-исторической ситуации, они пересматриваются, корректируются, порой меняются самым радикальным образом. Многое зависит от ценностного сознания общества, состояния экономики, уровня преступности, внутреннего политического состояния страны и внешнеполитической обстановки. Более того, с усложнением общества и формированием специфических типов общественных отношений, с неуклонным увеличением форм социальной активности среднестатистического гражданина в современном мире неуклонно растет количество законов.

Гносеологическая парадигма метафизики права является одной из самых влиятельных в истории философии права. Это связано с тем, что она представлена сразу в двух измерениях – и в системе философско-правовой рефлексии, и в системе общественного сознания. Несмотря на это, в последние несколько столетий ее позиции существенно пошатнулись. Антиметафизические тенденции в культуре, рост популярности позитивизма, либеральные тенденции в обществе оказали влияние не только на правосознание в современной культуре, но и на общее состояние философско-правового познания².

В этом контексте следует назвать три классических теоретико-правовых подхода, которые дополняют метафизическую модель гносеологии права. Во-первых, это аналитическая школа философии права. В ней можно найти глубокую проработку языкового аспекта правовой реальности. Во-вторых, это феноменология права, позволяющая дать систематическое рассмотрение

¹ Скурко Е.В. Основания современной гносеологии права (теоретический и практический аспекты). Статья 1 // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1. С. 7.

² Родионова О.В. Современные концепции права в контексте динамики научных парадигм // Правоведение. 2016. № 2(325). С. 94–109.

смыслового аспекта права, в той мере как оно становится предметом для осознания. В-третьих, группа теоретических подходов, объединенных концептуальными принципами априоризма как теоретико-познавательного подхода.

Аналитическое направление философии права традиционно уделяет особое внимание гносеологии права. Важную роль в данном случае играет рефлексия над базовыми правовыми понятиями с целью прояснения понятия самого права¹.

Аналитическая философия представляет собой масштабное явление в традиции западной философии. Она восходит, с одной стороны, к эмпиризму и позитивизму, а с другой – к накопленному опыту критического исследования в истории философии. Традиционно считается, что собственный предмет и метод аналитическая философия обретает на третьей стадии развития позитивизма. Таким образом, когда идет речь об аналитической философии, мы всегда имеем в виду неопозитивизм, или логический позитивизм.

В соответствии с подобным пониманием аналитической философии она по определению является частью позитивистской парадигмы, а значит, выступает с противоположных позиций по отношению к метафизико-правовому познанию. Подобная точка зрения является ошибочной, о чем свидетельствует наличие философско-правовой дискуссии между представителями теории естественного и позитивного права в рамках общего концептуального поля аналитической философии права. Аналитическая философия формируется и развивается прежде всего как методологическое учение: антиметафизичность аналитической философии нужно понимать в первую очередь как требование «методологической чистоты», а не как произвольный отказ от традиционного предметного поля философского познания. Аналитическая философия рассматривает язык в качестве базовой структуры, определяющей нашу способность познавать мир. Таким образом, первое методологическое требование адекватного познания объективной реальности состоит в необходимости прояснения языка.

¹ Оглезнев В.В. Аналитическая философия права: новый подход к решению старых проблем // Философия права. 2010. № 5. С. 7–10.

Применение методологии аналитической философии к исследованию структуры правовой теории, а также функциональной структуры правовых институтов привело к ряду положительных результатов. В целом возрос уровень теоретико-правового исследования, философия права стала претендовать на научный статус обоснованности своих положений. Это хорошо согласовывалось с тем фактом, что аналитическая философия нередко выступала в роли эпистемологической надстройки для различных областей научного познания. Представителями аналитической философии права была проделана основательная работа по выявлению языковой структуры правовой реальности. Была реализована проработка способа бытия права в системе дескриптивных и аскриптивных суждений, что несколько изменило представления о соотношении формальной логики и юриспруденции. Стало понятно, что функционирование правовой системы нельзя свести к дедуктивному выводу частных правовых положений из более общих положений. Невыводимость аскриптивных суждений из дескриптивных в системе функциональных связей права означала, что традиционное формально-логическое исследование правовой реальности встретилось со своим внутренним ограничением¹. Гносеология и эпистемология права нуждались в более общей и универсальной теоретико-методологической системе. Этому требованию отвечала аналитическая философия права, предлагавшая методологические программы как логического, так и лингвистического анализа правовой реальности.

Следует также отметить, что многие выдающиеся представители аналитической философии права были практикующими юристами, а развитие аналитической философии в англо-американском мире носит институциональный характер, поскольку именно эту теоретическую парадигму принято изучать в контексте необходимого философского компонента получения высшего образования.

В то же время в аналитической философии права в большей степени представлена эпистемология права, нежели чистая гносеология права. Гносеология права, если и существует здесь, то

¹ Оглезнев В.В., Тарасов И.П. Аскриптивность как онтологическое свойство юридических понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 4(12). С. 101.

как метауровень теоретической рефлексии над фундаментальными проблемами эпистемологии права. Подобное положение дел связано с тем, что аналитическая философия права, как и аналитическая философия вообще, видит цель философии прежде всего в прояснении языка, применяемого к основным предметным сферам научного познания. Таким образом, аналитическая философия права непосредственно связана с аналитической юриспруденцией.

Другой немаловажный момент состоит в том, что аналитическая философия права берет начало в философии позитивизма. Это не означает, что все представители аналитической философии права придерживаются позитивно-правовых взглядов и отрицают метафизику права. Напротив, существуют основательно разработанные теории естественного права, формирование и обоснование которых происходило в общем контексте аналитической парадигмы. Тем не менее в традиции аналитической философии права превалируют позитивистские принципы отношения к правовой реальности.

Другая ветвь гносеологии права основывается на концепции априоризма. Априоризм представляет собой исследовательскую позицию, согласно которой всякий объект исследования, будучи фактом сознания человека, формируется под влиянием априорных способностей познания, его сущностные и общезначимые характеристики восходят не к случайному эмпирическому содержанию объекта, а как раз к системе априорных форм познания, детерминирующих объект в его субъективном существовании. Априоризм в философии права означает, что право – это априорный принцип человеческого сознания. Следовательно, право само по себе не является объектом эмпирического познания, нельзя из внешнего опыта узнать, что такое право, если в сознании нет априорной идеи права.

Концепция априоризма в философии права хорошо представлена в «чистом учении о праве» Ганса Кельзена¹. Несмотря на то что его учение относится к философии позитивного права, на чем настаивает и сам автор, глубина проработки философско-

¹ Антонов М.В. Об Основных элементах чистого учения г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 169–196.

правовой проблематики, а также ряд теоретико-методологических затруднений, к которым приходит данное учение, дают почву для метафизико-правовой интерпретации некоторых базовых принципов «чистого учения о праве».

Одним из таких концептов выступает понятие Основной правовой нормы, к которой должно восходить все здание юридических наук. Утверждение философом принципа основной правовой нормы при первом знакомстве с данным концептом указывает на метафизический аспект учения. Это связано с тем, что основная норма права как бы венчает всю правовую систему, выступая в роли неопределимого первопринципа правового порядка. Подобные выводы являются поспешными и нуждаются в более основательной аргументации, чем усмотрение по принципу аналогии. Для начала рассмотрим, как устроена правовая система с точки зрения «чистого учения о праве». Первая и исходная методологическая установка учения состоит в том, что юридические науки и правовая сфера жизни общества имеют собственный автономный предмет. Правовые институты нельзя экстраполировать на какие-либо иные институты (политические, религиозные), право должно быть свободно от любой идеологии. Только так, по мнению философа, можно достичь правового порядка в обществе.

Третий важнейший гносеологический подход в философии права – феноменологический. Феноменология права существует в качестве отдельной ветви феноменологического исследования, предметом которого является право как феномен индивидуального или общественного сознания. Основателем феноменологии является Э. Гуссерль, немецкий философ, логик и математик. Более поздние представители феноменологического движения нередко указывают на то, что как отдельные феноменологические методы исследования, так и сам подход, взятый в предельно общем смысле, имеют гораздо более длительную историю, восходящую к классической философии античного мира. Следовательно, корни феноменологической гносеологии права следует искать и в метафизике права.

Феноменология права на идеалистических основаниях объединяет онтологию и гносеологию права¹.

¹ Скурко Е.В. Основания современной гносеологии права (теоретический и практический аспекты). Статья 1 // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1. С. 8.

Метафизика права, как и метафизика вообще, сталкивается с набором гносеологических проблем. Расцвет метафизики права приходится на Средневековье – эпоху зрелой схоластики. Философско-правовые взгляды Фомы Аквинского прочно вошли в классику метафизико-правовой мысли. Именно в этот период происходит концептуальное разграничение естественного и позитивного права, правда в качестве иерархически сосуществующих видов права, а не альтернативных правовых теорий¹. Неслучайно видный представитель возрожденного естественного права Дж. Финнис уделяет особое внимание исследованию философско-правовых взглядов Фомы Аквинского.

В эпоху Нового времени и Просвещения вслед за гносеологическим расколом, в результате которого возникают направления-антагонисты – эмпиризм и рационализм – намечается раскол и в философии права. На почве эмпиризма формируется концептуальная база философии позитивного права, тогда как на рационалистических основаниях продолжает оставаться метафизика естественного права. Новую страницу в гносеологии метафизики права открывает кантианство. С одной стороны, Кант отказывает метафизике в претензии на научный статус, с другой – критическая философия Канта есть не что иное, как гносеология трансцендентальной метафизики, и поскольку выводы о самой метафизике, сделанные в «Критике чистого разума», претендуют на всеобщность, они претендуют на научный статус. Следовательно, метафизика как наука не может существовать, а критический анализ метафизического типа познания (гносеология метафизики) может существовать в качестве науки. Кроме того, ограничив претензии чистого разума на познание метафизического аспекта бытия, Кант открывает дорогу практическому разуму. В связи с этим возникает специфическая предметность, заслуживающая отдельного исследования: гносеология практического разума как фундаментальной основы права и правосознания.

В немецкой классической философии метафизика права претерпевает еще одно существенное преобразование: происходит снятие конечности метафизического подхода в контексте

¹ Скурко Е.В. Основания современной гносеологии права (теоретический и практический аспекты). Статья 1 // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 1. С. 14.

диалектической парадигмы. Диалектика не отрицает метафизику права, но придает ей более широкий контекст, приводит в движение, привносит принцип развития. Гносеология метафизики права осуществляется посредством определения ее места в системе саморазвития абсолютной идеи.

Гносеология права позволяет по-новому взглянуть на проблему соотношения философии естественного права и философии позитивного права¹. В частности, традиционная проблема соотношения знания и реальности на уровне гносеологии права может быть выражена в вопросе о том, тождественно ли право знанию о праве или нет. Очевидно, что для теории естественного права подобное отождествление недопустимо. Более того, естественно-правовые теории подчеркивают ограниченность общечеловеческих познаний в отношении сущности права. Как остроумно заметил Дж. Финнис, несовершенство теорий естественного права, а также отсутствие согласия между ними следует понимать как аргумент в пользу философии естественного права, а не наоборот².

Изложенное объясняется тем, что высшие правовые принципы исторически неизменны, они сами по себе ни от чего не зависят, в том числе и от того, как они отражаются в сознании людей. И если есть многообразие в понимании права, то тем более актуально исследовать всеобщее в праве, присутствующее в данном многообразии.

Наличие подобных принципов позволяет развивать гносеологию права в контексте корреспондентной концепции истины. Это возможно на основании существования абсолютных правовых истин. В то же время это инициирует серьезную практическую проблему – перенесение абсолютных правовых истин из идеальной сферы в систему социального познания, а также их применение в системе социальных взаимодействий. Осложняется это еще и тем, что подобным образом понятое право фактически означает идею трансцендентного права. Напротив, присутствующие в современной культуре теории позитивного права стоят на

¹ Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 2(40). С. 14.

² Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. С. 51.

шаг ближе к возможности отождествлять право и знание о праве. Действительно, если признать, что не существует никакого трансцендентного правового принципа, который способен определять право в качестве права, тогда сущность права будет заключена в его существовании в системе общественных отношений. Признавая за правом известную рациональность и допуская такой уровень развития общества, при котором оно способно рационально ориентироваться в целях и способах своего существования, мы приходим к признанию простого факта: общество способно к созданию разумных правовых принципов. В этом случае право будет существовать в форме, близкой к знанию о праве.

Данные выводы справедливы не только в ситуации высокой оценки уровня сознательности и рациональности общества в отношении формирования правовых принципов. Так, всякая конкретно-историческая форма понимания того, что есть право, будет играть роль права для своей эпохи. На локальном уровне это может быть проиллюстрировано на следующем примере: понимание сущности права конкретным должностным лицом, например судьей, порождает правовую необходимость в отношении тех, кого так или иначе затрагивают сформулированные им правовые предписания. Подобные элементы правового нормативизма естественны и составляют неотъемлемый компонент всякой иерархически устроенной системы. В философско-правовом аспекте этот принцип раскрывается в нормативизме Кельзена через способ отношения локальных и общих норм права¹.

Тем не менее философия права стремится к тому, чтобы на всех этапах правоприменительной практики при желании можно было бы найти ясную и отчетливую правовую идею, необходимым образом сопутствующую функциональным основаниям правовых институтов. Такая ситуация означала бы, что правовые решения действительно являются правовыми не только в узком позитивно-правовом смысле, но и в широком, универсальном теоретико-правовом контексте. Гносеология права как высшая форма саморефлексии философии права является одним из компонентов в решении данной задачи.

¹ Антонов М.В. Об Основных элементах чистого учения г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 169–196.

3.3. Аксиология метафизики права

Предварительное знакомство с метафизикой права позволяет увидеть, что центральная проблематика философии права развивается вокруг ценностей в структуре правовой реальности¹. Право – это важнейшая социальная ценность. Функциональное определение ценности состоит в том, что это феномен значимости. Феномен значимости, как и сознание ценности права, является предпосылкой для формирования ряда теорий, претендующих на раскрытие сущности правовых ценностей с различных оснований: от метафизики права до прагматизма и правового утилитаризма. Это, в свою очередь, обосновывает актуальность аксиологического исследования правовой реальности.

Аксиология метафизики права представляет собой область знаний, в которой объектом исследования выступает метафизика права, рассмотренная в общем контексте аксиологического исследования. Аксиологический подход к метафизике права означает, что предметом исследования являются метафизические основания высших правовых ценностей, рассматриваемые в качестве метафизических основания права. Кроме того, в предметную сферу аксиологии метафизики права входят определение аксиологического потенциала метафизики права как социокультурного феномена, установление аксиологических детерминант метафизики права в отношении правотворческой и правоприменительной практики, выявление ценностной структуры метафизико-правового познания.

Аксиология метафизики права может быть раскрыта с точки зрения двух основных подходов. Во-первых, как специальное аксиологическое исследование метафизики права – аксиологический анализ метафизики права. Здесь аксиология выступает в качестве теоретико-методологического основания, в то время как метафизика права является объектом исследования. Это базовое и устоявшееся понимание словосочетания «аксиология метафизики права», его буквальное прочтение. Во-вторых, под аксиологией метафизики права нередко понимается не сам процесс познания,

¹ Морозов А.А. Онтология и аксиология права: 20 лет научных поисков и открытий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. № 4(83). С. 365.

а то предметное содержание, которое определяет и направляет аксиологическое исследование. В этом смысле в содержании каждой конкретной философской теории права присутствует специфическая аксиология – набор ценностных установок и принципов, образующих некоторую аксиологическую целостность. Таким образом, аксиология метафизики права открывается в качестве предмета исследования. Различие между предметом исследования и теоретико-методологическими основаниями снимается, когда мы имеем дело с аксиологической саморефлексией в области метафизики права. Подобное явление характерно для зрелого периода развития философско-правового дискурса, что можно наблюдать в системе соотношения теории естественного и позитивного права во второй половине XX в. (аксиология права Л.А. Фуллера и Дж. Финниса).

Итак, аксиология права применительно к метафизико-правовым учениям означает специальное исследование ценностной составляющей правовой реальности в той мере, в которой она получила концептуальное определение в метафизико-правовых теориях. Следовательно, аксиологическое понимание метафизики права – это рассмотрение метафизики права в качестве специфического учения о высших правовых ценностях. Тематика ценностного аспекта правовой реальности так или иначе затрагивается всеми представителями философии права, имеющими отношение к метафизическому способу интерпретации права.

Следует отметить, что аксиология права представляет собой более широкий подход к праву, чем метафизика права. Можно допустить аксиологию права вне метафизической парадигмы (например, аксиологию позитивного права), но допустить метафизику права вне аксиологии права невозможно, поскольку правовое отношение к социальной реальности является ценностным. Именно поэтому аксиология права в ряде случаев уверенно занимает место онтологии права.

Метафизический поход к аксиологии права будет означать формирование такого теоретического контекста, при котором правовые ценности будут интерпретированы с объективно-идеалистических оснований. Это хорошо читается в следующем определении метафизики права, которое мы признаем адекват-

ным и раскрывающим ее предмет: «Область научного исследования, в которой право интерпретировано через призму трансцендентных первооснов сущего и трансцендентальных априорных единиц нематериального опыта, получила название метафизики права»¹. Таким образом, метафизика права будет ориентирована на выявление всеобщего и универсального в праве, т. е. того, что является инвариантной основой правовой реальности. Аксиологический подход к метафизике права, в свою очередь, предполагает актуализацию ценностного измерения правовой реальности, раскрываемой в свете всеобщих и универсальных принципов социального бытия.

Как отмечалось, аксиологию метафизики права необходимо выделить из общей аксиологии права, поскольку не всякое аксиологическое исследование права нацелено на выявление его метафизических оснований. В предметное поле аксиологии права входит определение сущности правовых ценностей, а также ценностной структуры правовой реальности. Поскольку всякое правовое учение не только описывает некую реальность, но еще и предписывает должный порядок в системе общественных отношений (на всеобщем, категориальном, уровне или на локальном, практическом), аксиология права имманентно входит в содержание философии права. Нет такого философско-правового учения, которое не несло бы определенную аксиологическую нагрузку. В связи с этим когда речь идет об аксиологии права, имеется в виду не раздел философии права, который исследует какую-то отдельную часть предметного поля философии права, а, скорее, актуализация одного из универсальных признаков правовой реальности на фоне ее других признаков, менее актуальных на конкретном уровне философско-правового исследования.

Аксиологическая составляющая, таким образом, является неотъемлемым компонентом метафизики права. Вопрос в том, что специальное выделение аксиологической предметности из философско-правовых учений, характеризующихся в качестве метафизико-правовых, как правило, продиктовано специфическими теоретико-методологическими основаниями. Одним из таких

¹ Миллер В.И. Метафизическое осмысление становления концепции естественного права // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 100.

оснований является наличие аксиологического дискурса в философии права, разворачивающегося с привлечением наиболее влиятельных теоретико-правовых концепций, поэтому необходимо отметить, что аксиолого-правовой дискурс свидетельствует о кризисе правовых ценностей в системе общественного сознания. Изложенное позволяет сделать вывод, что аксиология права детерминирована не только логикой развития теоретико-правового познания, но и глобальными социокультурными процессами, которые задают ценностные ориентиры цивилизации. Ярким примером в данном случае служит открытая в марксизме корреляция между экономическим благосостоянием, а также темпами экономического развития, с одной стороны, и конкретными социальными запросами на обоснование прав и свобод граждан – с другой. Таким образом, с точки зрения марксизма каждая общественно-экономическая формация приемлет ценность определенного типа правоотношений, предпочитая его всем остальным. Избирательный характер аксиологии права определяется тем, что правовые ценности являются частью системы ценностного сознания общества.

Предмет и проблемное поле аксиологии права, а также особая тематика, аксиология метафизики права, как правило, не представляют сложности для их внешнего определения в системе социально-гуманитарного познания. В то же время более подробное рассмотрение данных вопросов приводит к обнаружению комплекса теоретических и практических проблем, нуждающихся в специальном рассмотрении. Аксиология метафизики права может быть рассмотрена в качестве ценностной онтологии правовой реальности.

В свете аксиолого-правового исследования следует различать социокультурные основания становления и развития метафизики права и ценностной системы, которую она раскрывает, с одной стороны, и «внутренние» теоретико-методологические факторы развития философско-правовой теории – с другой. Это особенно актуально в отношении практической философии, которая занимает промежуточное положение между самосознанием практики общественного развития и высокой философской рефлексией. Тем не менее нельзя не учитывать, что аксиологическая составляющая метафизики права в разные периоды развития

институтов права отвечала определенным социально значимым целям. Так, естественное право было призвано ограничить произвол самоуправления в системе общества, тем самым придать больший порядок процессу правотворчества и правоприменения, сделать правовую сферу жизни общества более предсказуемой и устойчивой.

Это означало, что источником права не является только лишь фактическая власть по принципу права силы. Как известно, установление норм и правил, закрепление их в законах, принудительные принципы следования законам – все это мощный инструмент власти. Соответственно, выведение правовой сферы из компетенции фактической власти означает ограничение ее полномочий. Такой шаг должен иметь под собой достаточно сильную аргументацию и социокультурную поддержку.

Таким аргументом со стороны философии естественного права было признание естественного порядка вещей в мире и естественного порядка процессов в обществе. Этот естественный порядок происходит из сущности вещей, мира в целом и человеческой природы. Нарушение естественного порядка фактически можно сравнить с болезнью, отклонением, которое, как известно, нежизнеспособно. Таким образом, философия естественного права взывала к ценности здоровья и самосохранения социальной системы как основной единицы правовой реальности. Приведенное обоснование права давало четкое понимание сущности преступления, а также его предпосылок – все это объяснялось через отклонение от изначальной природы.

Подобный «природный» взгляд на сущность преступления хорошо описан у М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы». Ранние формы идеологии естественного права еще не предполагали концепта личной вменяемости вины за совершенное преступление. По этой причине самыми распространенными формами решения судьбы преступника были исправление (обычно посредством телесного наказания) с обязанностью возместить ущерб, изоляция от общества, сопряженная с использованием в качестве трудового ресурса (каторга), или полное искоренение, очищение общества от его существования.

Необходимо отметить, что в естественном объяснении социального порядка существует свое слабое место, которое было

известно во все времена, и каждая эпоха пробовала его преодолеть своими методами. Даже если признать существование естественного порядка в социальной действительности, в системе взаимоотношения людей, естественные законы существования общества отнюдь не то же самое, что и естественные законы в самой природе. Законы природы невозможно нарушить, тогда как законы в обществе необходимо охранять, затрачивая на это колоссальные усилия правоохранительных органов, в противном случае они просто утратят свою силу и общество погрузится в хаос. Противоречие между определением естественного права и признанием того, что существование правовых отношений нуждается в институте власти, является одной из узловых проблем философии права.

Если признать существование естественных законов, то причину того, что они могут быть нарушены, следует искать в человеческой свободе. Средневековая схоластическая традиция долгое время рассматривала данную философско-правовую проблему в контексте идеи изначальной греховности человеческого существа, что сформировало двойственное представление о природе человека как предпосылке и источнике права. С одной стороны выступает изначальная природа человека, соответствующая божественному замыслу, так называемая чистая природа человека, она же является основанием для совершенных человеческих отношений, где мораль и право не конфликтуют друг с другом и не противоречат свободе воли. С другой стороны выступает человеческий опыт грехопадения – первого преступления через богоустановленный запрет¹. Грехопадение становится причиной изменения изначальной благой природы человека, появления порока и вместе с тем важнейшей предпосылкой для возникновения правовых институтов. Право, таким образом, имеет дело со свободой воли человека, утратившего изначальную благую природу и не всегда способного на осознание данного факта. Таким образом, право имеет дело с человеком, представляющим потенциальную опасность как для самого себя, так и для других.

¹ Чернявский А.Г. Теория права в связи с аксиологией ценностей // Образование и право. 2020. № 7. С. 52.

Тем не менее право в той мере, в которой оно согласуется с моралью, ориентировано на естественный порядок вещей в его идеальном понимании. Некоторые исследователи полагают, что идея совершенного (здорового/божественного) естественного порядка вещей (и событий), пронизывающая средневековые модели правопонимания, генетически связана с архаическими формами восстановительного правосудия. Классическим сюжетом древних правовых историй являлось преступление (злодеяние), интерпретируемое в качестве акта выведения мира из состояния первоначального равновесия¹.

На космологическом уровне нарушение мирового баланса приводит к одному из двух возможных результатов: к неминуемому возмездию по всеобщим законам космической справедливости или к разрушению мира. Таким образом, в архаический период правосудие, а также сопряженное с ним возмездие получали метафизическое обоснование в качестве формы возврата к мировому равновесию и сохранению мирового порядка. К подобной парадигме сущности права можно отнести закон талиона. В то же время данная модель правосудия была лишена объективной меры воздаяния, что в ряде случаев приводило к прогрессирующим конфликтам на почве кровной мести.

В эпоху Возрождения концепция естественного мирового порядка, к которому должны восходить первые принципы права, претерпевала существенные изменения в контексте идей гуманизма и антропоцентризма.

Метафизика права долгое время удерживала позиции основной теоретико-правовой системы, связывающей правовое пространство общества с ценностными основаниями реальности. Аксиологический потенциал метафизики права трудно переоценить. Неслучайно возрождение метафизики права в пространстве современного теоретико-правового дискурса происходит на фоне кризиса ценностных ориентиров современной цивилизации. Важно отметить, что удержание метафизикой на протяжении долгих лет главенствующих позиций в системе общественного сознания, затем утрата данных позиций, а после – попытки

¹ Ильина Ю.А. Аксиология права как социального явления // Вестник ВятГУ. 2019. № 3. С. 31.

восстановления метафизики только отчасти обусловлены теоретико-методологическими основаниями. Аксиологические основания в данных процессах сыграли не меньшую, если не решающую роль.

Тем не менее сильная связь философии естественного права с метафизической традицией, а также метафизической традиции с аксиологией социокультурного развития привела к вполне ожидаемым результатам. Утрата основных позиций метафизики на всех уровнях культуры как явление, берущее начало уже во времена критики схоластики в Новое время и достигшее кульминации в культуре XX в., означала и потерю ключевых позиций философии естественного права как ведущей формы метафизики права.

В данной ситуации задача философии права состоит в формировании правильных критериев, определяющих аксиологический статус метафизики права. При реализации этой задачи социокультурный подход к аксиологии права отходит на второй план и актуализируется исследование концептуальной структуры самих философско-правовых учений вне отношения к фактору их признания на данном историческом этапе.

Подобный взгляд на метафизику права представляет Дж. Финнис, являющийся теоретиком естественного права. Его правовые взгляды формируются в общем русле метафизики права. Философ не просто причастен к концепции естественного права как рядовой представитель, но предлагает развернутый анализ естественного права, определение сущности естественного права, а также рассмотрение типичных возражений и форм непонимания естественного права. В этом смысле Дж. Финниса по праву можно назвать апологетом теории естественного права.

Прежде всего следует указать на метафизический аспект естественного права, который подчеркивает сам философ: «Первое существенное различие – различие между теорией, доктриной или описанием и предметом этой теории, доктрины или описания. Может существовать история теорий, доктрин и описаний предметов, у которых нет истории. И у принципов естественного

права... истории нет»¹. Принципы естественного права, по мнению Дж. Финниса, «если они существуют, будут оставаться в силе в качестве принципов независимо от того, в какой степени они остаются незамеченными, применяются неправильно, игнорируются в практическом мышлении, а также от того, сколь мало они признаются теми, кто занимается теоретической рефлексией относительно человеческого мышления»².

Сверхисторический характер предмета теории естественного права фактически выводит ее на уровень метафизического учения. Посмотрим, что Дж. Финнис говорил о предмете естественного права чуть раньше: «Существует некое множество фундаментальных практических принципов, указывающих на основные формы человеческого процветания как на виды блага, к которым нужно стремиться, чтобы претворить их в жизнь, и так или иначе применяемых каждым, кто обдумывает, что делать, сколь бы ошибочными ни оказались его выводы; и некое множество фундаментальных методологических требований практической разумности (сама она – тоже одна из форм человеческого процветания), которые отличают логичное практическое мышление от несостоятельного и которые в совокупности предоставляют критерии различения между действиями, являющимися (всегда или в каких-то конкретных обстоятельствах) разумными-с-учетом-всех-релевантных-соображений (а не только применительно-к-конкретной-цели), и действиями, таковыми не являющимися, т. е. между морально правильными или морально ошибочными способами поведения, – и, таким образом, позволяют сформулировать некое множество общих моральных стандартов»³.

Будучи причастным к аналитической философии права, Дж. Финнис раскрывает один из важнейших языковых аспектов права. Спецификой правового знания является то, что оно не может быть редуцировано к дескриптивным суждениям, но существенную роль в нем играют аскриптивные суждения. Факт корреляции между данными суждениями и такими фундаментальными онтологическими категориями, как «сущее» и «должное»,

¹ Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. С. 44.

² Финнис Дж. Указ. соч. С. 44.

³ Там же. С. 43.

является очевидным и признается ведущими исследователями в области философии права¹.

При проработке перечня теоретико-методологических вопросов, характерных для аксиологии метафизики права, на первый план выходит проблема по определению способа бытия правовых ценностей с учетом разграничения категорий сущего и должного. Вещная форма онтолого-правового субстанциализма определяет эту ситуацию так, как будто бы сначала существовали высшие предпосылки и основания для правовых (и нравственных) ценностей, тогда как признание необходимости их реализации в обществе, наделение их статусом долженствования – это то, что прибавляется к ним извне, т. е. из сферы человеческой воли и целей социальной действительности². Дж. Финнис усматривает в подобной системе взглядов недоработку, сущность которой в том, что здесь еще не учитывается самостоятельная ценность практической разумности. Без этого дистанция между высшими основаниями правовых ценностей (понятых в аспекте вечного и неизменного бытия) и правовой действительностью, непосредственно связанной с реализацией правовых принципов на всех этапах правового взаимодействия, оказывается непреодолимой. У Дж. Финниса, напротив, практическая разумность выступает как один из важнейших аспектов человеческого благополучия и как фундаментальный естественно-правовой принцип³.

Критический анализ метафизики права предполагает рассмотрение специфики метафизико-правовых ценностей. С позиции самой метафизики права, равно как и метафизики вообще, метафизическое познание имеет дело с всеобщим в предельном понимании данной категории, а не с каким-либо частным аспектом бытия⁴. Это означает, что не существует частных, особенных метафизико-правовых ценностей, изолированных, например, от морально-нравственной или политической сферы. Таким обра-

¹ Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Schole, СХОЛЭ. 2014. № 2. С. 418–424.

² Честнов И.Л. Философия права в эпоху постметафизики // Известия вузов. Правоведение. 2017. № 1(330). С. 8–27.

³ Дидикин А.Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Schole, СХОЛЭ. 2014. № 2. С. 422.

⁴ Чернявский А.Г. Теория права в связи с аксиологией ценностей // Образование и право. 2020. № 7. С. 51.

зом, с позиции метафизики права корректно говорить о специфике самих ценностей, лежащих в основе правовой сферы жизни общества, но не о специфике метафизико-правовых ценностей. Данное словосочетание, скорее, запутывает суть вопроса, поскольку «метафизико-правовые ценности» являются всеобщими, более того, их существование не зависит от того, в каком состоянии пребывает метафизика права, и вообще, существует она в качестве формы знания или нет. Это то, что Дж. Финнис назвал предметом, у которого нет истории, при том что есть учение об этом предмете, а у учения есть своя история.

Тезис о всеобщности метафизико-правовых ценностей, а также связь метафизики права с этикой приводят к вопросу о том, являются метафизико-правовые ценности тем же самым, что и моральные ценности, или нет. Ответ на этот вопрос должен основываться на понимании сущности морали. Как известно, в истории этической мысли можно встретить различные объяснения феномена морали (от биологической до религиозной трактовки). В первом случае мораль является культурной видоизмененной формой инстинкта самосохранения вида и служит прежде всего этой цели, порой в ущерб индивидуальному существованию. Религиозная трактовка рассматривает мораль в качестве высокой духовной способности, свойственной человеку, позволяющей различать высшие ценности и действовать в соответствии с ними. Существуют концепции, объясняющие возникновение морали как исторически подготовленное явление, которое сформировалось на почве накопленного опыта совместного существования. Помимо этого, основательно разработаны парадигма автономности морали от всех аспектов эмпирической реальности и актуализирующие априорные основания морали. Наконец, мораль можно рассматривать в сущностном функциональном измерении. Сущностный аспект проблемы морали характерен для философского исследования, тогда как функциональный аспект в большей степени свойственен для социально-гуманитарного научного исследования.

Очевидно, что при такой обобщенной форме постановки вопроса было бы не корректно отождествлять моральные и метафизико-правовые ценности. В связи с этим адекватной формой рассмотрения данного вопроса будет сопоставление метафизико-

правовых ценностей не с содержанием морали вообще (хотя подобное обобщение тоже небезынтересно), а прежде всего с ценностным содержанием этических учений, так или иначе релевантных метафизическому способу познания.

Метафизико-правовые теории при всем их многообразии можно объединить тем, что они постулируют принципы блага и практической разумности в качестве высших ценностей. Аксиологическое различие между ними будет связано с формами конкретизации блага и практической разумности, а также с тем, как именно в них соотносятся основные виды блага (как между собой, так и с человеком и обществом). Правовая сфера, в отличие от моральной, дополняется принципом принуждения. Принуждение с точки зрения того, на кого оно направлено, в любом случае воспринимается и переживается как отрицательное действие, противоречащее представлениям о благе. Индивидуальные представления о благе как о форме самореализации личности относятся к высшим мотивирующим основаниям поведения человека. Принуждение в контексте философии права Л.А. Фуллера не только выступает в форме обязывающего принципа по отношению к морали долга, но и ограничивает мораль стремления некоторой части общества¹. Соответственно, аксиология права сталкивается с проблемой согласования форм блага между собой, вплоть до постановки и развития проблемы приоритетов в отношении различных форм блага.

Проблема индивидуального ценностного сознания является одной из ключевых в аксиологии права. В юридическом измерении она за долгую историю своего развития трансформировалась в проблему определения субъекта правоотношений. Утверждение прав и свобод отдельно взятой личности как норма и идеал современного мира – это результат долгого прогрессивного развития общества. По мнению Гегеля, это можно определить как «прогресс в сознании свободы»². При всей значимости достигнутого по ряду критериев можно судить о том, что указанные цели еще не реализованы в полной мере. Чем более сложным является

¹ Фуллер Л.А. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой, под ред. А. Куряева. М.: ИРИС ЭН, 2007. С. 15.

² Архипов С.И. Представления о правовом прогрессе И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 1. С. 7–18.

общество, чем больше в нем разнообразия в представлениях о формах самореализации человека, тем более сложные проблемы встают перед аксиологией права.

Тем не менее на уровне философско-правовой рефлексии следует различать аксиологию и онтологию права как две формы исследования, каждая из которых предполагает выявление специфического аспекта правовой реальности. Так, если онтология права ставит общий вопрос о способе бытия права, то аксиология права конкретизирует этот вопрос и переходит к вопросу о способе бытия правовых ценностей. Отсюда намечается переход к содержательному исследованию правовых ценностей.

В философии права Г. Кельзена мы находим аксиологическую альтернативу метафизике права¹. Рассмотрим, в чем именно заключается фундаментальное аксиологическое расхождение. Во-первых, традиционно, и в большинстве случаев это так, аксиология метафизики права может быть сведена к аксиологии естественного права. Г. Кельзен, как известно, в своем программном произведении «Чистое учение о праве» объявляет себя представителем теории позитивного права, соответственно, его собственное учение – позитивно-правовое, и оно противостоит метафизике права с ее методологическими и аксиологическими принципами. Одного этого уже должно быть достаточно, чтобы понимать, что речь идет о фундаментальном различии не только в понимании того, какими должны быть подлинные правовые ценности как виды блага, но и в трактовке самой сущности правовых ценностей.

Генезис антагонизма теории права Г. Кельзена и метафизики права следует искать в кантианской парадигме. Г. Кельзен, будучи теоретико-правовым мыслителем, испытал на себе существенное влияние неокантианства, многие принципы которого сформировали методологические, гносеологические и аксиологические принципы интерпретации сущности правовой действительности².

Во-первых, метафизика права рассматривает высшие принципы права в качестве ценностей, которые обладают как минимум

¹ Антонов М.В. Об Основных элементах чистого учения Г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 169–196.

² Там же.

конкретным содержанием, т. е. на высшем метафизическом уровне организации реальности можно найти сущность основных правовых ценностей. Она может быть трудно определимой и трудно выразимой как идеальный объект. Ее метафизическая природа может выступать основой для существования огромной дистанции между сущностью права и способами понимания права в обществе. Тем не менее метафизика права всегда настаивала на существовании универсальной ценностной структуры, не зависящей от субъективной воли человека и определяющей нормы социальных взаимоотношений¹.

Во-вторых, давая ценностную интерпретацию основного содержания права, метафизика права сближается с этикой. Этика и право рассматриваются не как альтернативные ценностные и практические подходы к организации и оценке социальных взаимоотношений, а как части единой иерархически выстроенной системы. Фактически содержание этических норм и правил переходит в правовые формы регулирования социальных взаимоотношений и закрепляется в них.

Именно такая трактовка соотношения морали и права приводит к формированию проблемы самостоятельного предмета права и существования собственно правовых принципов социального регулирования. Дело в том, что в идеальной модели, до тех пор пока в содержательном аспекте мораль и право не противоречат друг другу, еще нет никакой теоретической и практической проблемы, но в реальной ситуации конфликта между моралью и правом такие трудности возникают. Противоречия между моралью и правом в системе социальной реальности обусловлены минимум двумя факторами. С одной стороны, моральные ценности отражаются в уме человека в качестве абстрактных понятий и категорий, что приводит к тому, что каждый индивид в той или иной степени наполняет их своим содержанием и в итоге представляет по-своему, в меру личного опыта и уровня духовного развития.

Изложенное порождает известный плюрализм в области этики и морали, что не позволяет говорить ни о едином для всего

¹ Чернявский А.Г. Теория права в связи с аксиологией ценностей // Образование и право. 2020. № 7. С. 51.

человечества перечне моральных ценностей, ни о едином для всего человечества перечне моральных запретов. В то же время правовая сфера жизни общества имеет свою непосредственную цель в правоприменительной практике. Таким образом, она имеет дело с потенциально бесконечным эмпирическим материалом. Существует бесчисленное множество случаев правовых взаимоотношений и правонарушений, которые необходимо уметь подводить под конечное множество правовых норм и предписаний. Этический плюрализм и эмпирическое многообразие в правоприменительной практике делают неизбежным существование локальных конфликтов между моралью и правом. Подобные конфликты приводят к проблеме самостоятельного существования правовых ценностей. Сущностью данной проблемы является то, что, с одной стороны, право нельзя рассматривать совершенно отдельно от морали – корреляция между ними необходима, с другой стороны, полная редукция права к морали в аспекте ценностного содержания порождает ряд дополнительных теоретических и практических проблем.

Подводя итог, необходимо отметить, что аксиология метафизики права, при всей первоначальной понятности предметной сферы, представляет собой сложную и многоаспектную область знаний. В частности, анализируя содержание аксиологии метафизики права, следует различать наивную аксиологию метафизики права, которую можно рассматривать в качестве некоторого абстрактного и чрезвычайно упрощенного примера, и действительную аксиологию метафизико-правового учения. Задача по определению первого типа в его радикальной форме видится достаточно простой, чего нельзя сказать относительно определения подлинной аксиологии метафизики права, а также точного разграничения между ними.

В основе первого (достаточно упрощенного) взгляда лежит идея, что метафизика права представляет собой философскую теорию, а значит, и высшую теорию права, которая занимается дедукцией правовых принципов из предельно общих принципов устройства сущего, т. е. метафизических оснований реальности. Отсюда берет начало тенденция помещать в основание философии права метафизического периода развития общечеловеческого познания теологические рассуждения и выдержки из священных

текстов. Это и есть наиболее часто подвергаемый критике образ метафизики права. Основные претензии, обращенные к подобному взгляду на природу права, состоят в том, что метафизика не только не достигла научного статуса, но и благодаря Канту, а позже и позитивистской школе была лишена самой возможности претендовать на научный статус¹. При этом в пространстве современного научного познания все еще живет картезианская топология науки, сравнивающая метафизику с корнями дерева, физику – с его стволом, а все прочие науки – с его кроной. Подобный образ мысли заставляет нас искать метафизические начала правовой реальности в метафизических принципах мироустройства вообще. Таким образом, происходит первое опосредование – высшие правовые принципы определяются в качестве выведенных из метафизики бытия.

Рассмотрим, что не так в данной схеме. Во-первых, метафизические принципы, к чему бы они ни относились, не могут быть выведены из принципов более высокого порядка, поскольку сущность метафизических принципов именно в том, что они есть первые принципы. Отсюда необходимо допустить или то, что нет никаких особых метафизико-правовых принципов, но есть общие теоретические правовые принципы, дедуцируемые из метафизики бытия, или факт, что, наряду с метафизикой бытия, есть еще одна метафизика, которая и выступает средоточием специфических метафизико-правовых принципов, или то, что на высшем уровне метафизика бытия и метафизика права совпадают. Первое из указанных допущений как раз и характеризует наивную метафизику права.

В действительности авторитетные и современные формы существования метафизики права никогда не апеллируют к готовой метафизической концепции, но актуализируют метафизическое измерение правовой реальности, т. е. метафизика права формируется в процессе раскрытия сущности права и содержания правовых ценностей, а не посредством внешнего приписывания общей теории права к одной из известных метафизических концепций.

¹ Хьюэлл У. Конт и позитивизм // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2017. № 4. С. 209–224.

Метафизический подход к исследованию права в полной мере раскрывает свою сущность при определении онтологического статуса концепта долженствования, а также содержания должного в праве. Изложенное затрагивает высшие основания правовых ценностей. И именно здесь наблюдается главный раскол в аксиологическом понимании сущности права¹. Правовые ценности относятся к категории должного, а не актуально существующего. Это, конечно, не отменяет их высшей актуальности для носителя правосознания, поскольку субъективной мерой ценности является ее значимость. В то же время феномен долженствования правовых ценностей означает, что они не являются предметом исключительно спекулятивной метафизики. Они переходят в предметную сферу «практической философии», и вопрос метафизического статуса высших правовых ценностей, задающих принципы долженствования, переходит в вопрос определения онтологического статуса предметной сферы этической и правовой философии вообще.

В свою очередь, важно понимать, что ценностный подход к философии права имеет свою специфику. Тонкая грань отделяет аксиологию метафизики права от прагматического подхода к интерпретации феномена правовых ценностей. Если мы рассматриваем метафизику в ценностном измерении, то традиционные критерии, определяющие действительность или недействительность теории, существенным образом меняются: теперь речь идет не об обосновании теории (учения), а о придании ему того или иного значения. Иными словами, в ценностном измерении теория и ее положения могут быть значимыми или незначимыми, а не истинными или ложными. Подобный аргумент является классическим для философии прагматизма и утилитаризма. Развитие этих теорий не могло не повлиять и на философию права, что, в свою очередь, привело к укреплению позиций философии позитивного права, а также философии правового нормативизма. Тем не менее в настоящий момент наиболее влиятельным апологетом метафизической аксиологии права остается Дж. Финис. Оригинальность его позиции состоит в том, что ему удалось дать комплексное

¹ Оглезнев В.В. Переосмысление и новая интерпретация дискуссий между Г.Л.А. Хартом и Л.Л. Фуллером и их значение для аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 55–59.

рассмотрение принципа практической разумности с метафизических оснований. Именно благодаря этому ему получается подвести практику позитивного права под концептуальную базу философии естественного права. Таким образом, мы можем наблюдать возрождение онтологического подхода к интерпретации правовых ценностей.

4. Эпистемологические принципы философии права

В рамках исследования правовой проблематики большую роль играет анализ условий реализации права на практике, что предполагает значимость соотношения исходного замысла, стоящего за конкретными законами, и связанного с ним целеполагания, а также реального выражения правовых норм посредством языковых средств. Практический аспект права требует осмысления механизмов законотворчества и правоприменения, в связи с чем актуализируется значимость правовой эпистемологии, в рамках которой анализируется специфика права как области знания и детализируется проблема соотношения идеального аспекта правового знания и тех сфер действительности, которые оно охватывает.

4.1. Логика и право

Между философией и общественной жизнью на различных этапах исследовательской деятельности складывались различные отношения: от методологического и конструирующего влияния философии до почти параллельного социальной практике изучения тех или иных проблем, не соприкасающегося с областью практических отношений. Применительно к правовой проблематике имеет место сходный принцип: существует ряд философско-правовых проблем, имеющих главным образом теоретическое значение, в свою очередь, присутствует круг вопросов, входящих в область философско-правового исследования и одновременно относящихся к числу практико-ориентированных правовых проблем. В этой системе координат особое место приобретает круг вопросов, касающихся корреляции логики и права, поскольку они, с одной стороны, имеют непосредственное отношение к тематике законотворчества и правоприменения, с другой – обнаруживают тесную связь с отдельными вопросами, поднимаемыми на уровне правовой онтологии.

Для начала следует дать общую характеристику соотношения правовой и логической проблематики. В настоящее время представлены два основных теоретических ракурса, в которых вообще возможна постановка вопроса:

исследование логики права как общих структурно-процессуальных аспектов развития правовой сферы и реализации правовых отношений;

исследование значения формальной логики в формировании и реализации на практике законов и в целом определение значения логического аспекта правовой реальности.

Следует отметить, что постановка вопроса о логике права как о внутренних законах и принципах, определяющих динамику развития правовых институтов, и в целом выстраивании правовых отношений в обществе базируется на двух важнейших предпосылках. Во-первых, для подобного рода подхода целесообразно признание в каком-либо виде довлеющего значения идеального аспекта права для общей практики правовых отношений, во-вторых, необходимо полагать наличие определенных инвариантов в реализации этого идеального аспекта на практике. Применительно к первому следует отметить, что использование категории «логика» по отношению к чему-либо, по сути, означает обращение к наличию определенной идеи, принципа, механизма, закона природы и т. д., определяющих способ существования и динамику рассматриваемого объекта.

В некоторой степени можно судить о том, что все классическое естествознание представляет собой попытку определения логики развития природных процессов, как и попытки исследователей в гуманитарной сфере выявить закономерности развития общества представляют собой частный случай установки на определение «логики процесса» в области социальной практики. В таком теоретическом ракурсе логика права – это, по сути, законы и принципы, на которых базируется существование правовой сферы (в частности, которые определяют ее динамику). Наиболее последовательная реализация данного идеалистического подхода к рассмотрению права представлена в философии Гегеля, встроившего право в свою общую систему логики, имеющей в его философии онтологический статус.

Вместе с тем попытки осмысления «логики права» имели место неоднократно, в основном в более мягкой форме, не предполагающей утверждение глубоких онтологических оснований, на которых выстроена правовая система. Основной теоретический ракурс, в котором производится осмысление логики права, –

это аналитика структурного аспекта права как совокупности норм, правовых институтов и правовых отношений.

Современные исследователи обращают внимание на то, что всякий подход к раскрытию логики права так или иначе содержит в себе отражение такого аспекта права, как соотношение должного и сущего. Право задает необходимость определенных явлений и состояний, оно изначально имеет приоритетное значение по отношению к социальной действительности, поскольку регулирует ее. При этом нормативность права, его способность регулировать отношения членов общества, определяется наличием специальных социальных механизмов, направленных на приведение социальной практики в соответствие действующему законодательству. К числу таких механизмов относятся юридические организации, предоставляющие консультативные услуги в правовой сфере и услуги по оформлению различного рода документов, судебная система, осуществляющая вынесение решений о подконтрольности определенных ситуаций конкретным нормам права, а также правоохранительные органы, силовым способом пресекающие формы социальной активности, нарушающие существующие правовые нормы.

Таким образом, в рамках структурного рассмотрения проблематики логики права можно выделить три основных уровня, на которых реализуются условия для осуществления его нормативной функции:

- уровень правовых установлений (норм права, законов), характеризующий концептуальную сферу права;

- уровень правовых институтов, относящийся к структурной, институциональной сфере права;

- уровень социально-правовых отношений, предполагающий обращение к процессуальной, практической сфере права.

Прежде чем приступить к подробному исследованию данных аспектов права, целесообразно рассмотреть соотношение логического знания и правовой сферы. Необходимость обращения к данному вопросу напрямую обусловлена тем, что проблемы «логики права» и проблемы логического аспекта права тесно взаимосвязаны, соответственно, затрагивая один из аспектов, мы неизбежно касаемся и другого. По этой причине даже в рамках анализа логики права как его структурно-процессуальной специфики

актуализируется ряд вопросов, имеющих прямое отношение к взаимосвязи формальной логики и правовой сферы.

Прежде всего следует отметить, что существуют области деятельности, основанные на определенной сфере знания и, соответственно, восходящие к конкретной науке или совокупности наук. Подобно тому как медицина восходит к биологическому и химическому знанию и во многом опирается на них, инженерная сфера – к физике и математике, правовая сфера – к логике.

Нормы права существуют в концептуальной форме. Законы выражаются в виде суждений, определяющих порядок действий в определенных ситуациях, права отдельных субъектов правоотношений, их обязанности, а также ограничения, накладываемые на их деятельность правовыми нормами. И здесь существует несколько важных моментов, напрямую определяющих значимость логики как научной дисциплины. Основопологающим моментом в праве является формулировка понятий, отражающих отдельные типы явлений, действий и отношений. У правовой нормы всегда есть объект регулирования (те элементы социальной действительности, на которые распространяется конкретная норма права) и способ регулирования (то, каким именно способом действующая норма права влияет на конкретные элементы социальной действительности).

Разделение социальной действительности на четко определенные элементы, на которые распространяются отдельные нормативные установления, является базовым аспектом существования правовой системы. Для того чтобы правовая сфера функционировала корректно, необходима определенность относительно объектов правового регулирования, а также способа их регулирования. И в первом, и во втором случае первостепенное значение приобретает концептуальная точность, поскольку от правильного установления того, к какому именно закону относится явление, во многом зависит конечное решение, определяющее характер воздействия на него. В данном случае проявляется значимость базового аспекта логики, связанного с определением понятий и соотношением их с классами обозначаемых данным понятием явлений. Вместе с тем, в рамках правовой практики актуализируется значимость другого аспекта логики – формирования суждений и осуществления логических выводов.

Всякий закон представляет собой общее суждение, закрепляющее необходимость определенной формы социальной активности в рамках конкретного, установленного в рамках объекта нормативного регулирования круга явлений. Процесс применения закона на практике предполагает квалификацию конкретного явления в качестве подпадающего под нормативное регулирование и далее – следование законодательной норме. В данном случае реализуется простейший силлогизм, основанный на определении принадлежности конкретного явления к области общеутвердительного или общеотрицательного суждения.

Приведем пример. Зная, что хищение имущества является уголовным преступлением, и понимая, что взять без спроса чужую вещь – значит совершить хищение имущества, субъект общественных отношений делает вывод о том, что это действие запрещено и карается на уровне уголовного права. В данном случае квалификация конкретного действия как подпадающего под общую норму права представляет собой простой силлогизм, основанный на общеутвердительном или общеотрицательном нормативном суждении.

Право стремится к регулированию общественных отношений, выстраиванию социального механизма, на уровне которого основные сферы взаимодействия реализуются в рамках установленных законов и правил. В данном отношении логика выступает в качестве одного из ключевых оснований существования права и в то же время в роли важного инструмента реализации права на практике.

На данном этапе следует обратить внимание на вопрос о том, почему в условиях многообразия форм логики именно формальная логика рассматривается в качестве одного из ключевых оснований права и одновременно значимого инструмента его реализации. Для того чтобы ответить на данный вопрос, целесообразно проанализировать, чем отличается формальная логика от других логических систем.

Особенность формальной логики состоит в ее простоте и категоричности: она способствует осмыслению качеств и состояний изучаемого объекта в конкретный момент времени, позволяет формировать классификации и осуществлять выводы. При этом кажущаяся динамика формальной логики, связанная с реализаци-

ей силлогистики, позволяет выдвинуть ошибочное суждение о том, что формальная логика может способствовать исчерпывающему изучению как статических объектов, так и динамических систем, качества которых со временем меняются. По факту, особенность формальной логики состоит в том, что она раскрывает качества и отношения, которые имеют постоянный либо статический характер.

Рассмотрим это на примере простого категорического силлогизма. Имея пару утверждений «у всех птиц есть крылья» и «ворона – птица», мы можем заключить, что ворона обладает крыльями, однако движение мысли, которое реализовано в данном случае, осуществляется на фоне двух неизменных фактов: наличия крыльев у птиц и причастности ворон к классу «птицы». Выводы в формальной логике не предполагают изменение рассматриваемого объекта, они лишь указывают на его определенные качества, которые ранее были скрыты от мысли исследователя. Если рассмотреть вопрос о регулировании правовыми нормами общественных отношений, несложно заключить, что правовой статус того или иного действия (до момента отмены закона или его изменения) не меняется. Совершение действий, запрещенных законом, делает человека преступником, и в данном случае имеет значение соотношение «норма права – действие», взятое в момент преступления.

Формальная логика по сути своей бинарна и категорична, что определяет ее удобство как инструмента определения правового статуса тех или иных явлений. В данном случае ключевым моментом является, с одной стороны, то, что формально-логический подход способствует квалификации отдельных действий применительно к актуальному законодательству, с другой – что сама по себе правовая система стремится к механистической детерминации общественных процессов, их обезличенному регулированию в соответствии с уже существующими нормами.

Вернемся к основным аспектам права (нормативному, институциональному, практическому) и проследим, каково значение логики для данных областей. Для начала целесообразно рассмотреть такой вопрос, как значение логики в формировании системы юридических норм. В связи с этим следует обратить вни-

мание на важность соблюдения двух ключевых характеристик права: всеобщности и системности.

Всеобщность права предполагает, что существующие законодательные нормы распространяются на всю совокупность общественных процессов и отношений, регулируя права, обязанности членов общества и ограничения, накладываемые на них действующим законодательством. В данном случае одним из вопросов, которые актуализируются, становится степень корректности определения общих правовых категорий, выступающих в качестве понятий, обозначающих регулируемые классы явлений. В правовой практике существуют прецеденты, когда некорректная формулировка закона определила отсутствие запрета на отдельные формы деятельности, близкие по своему характеру к запрещенным и, соответственно, представляющие общественную опасность. В данном случае отсутствие тотальности права в его объектной составляющей приводит к тому, что остается область социальной практики, которая фактически не регулируется на правовом уровне, что влечет за собой многочисленные злоупотребления и нарушения.

Следует обратить внимание на то, что подобные проблемы, связанные с правовой сферой, имеют отношение не только к логической составляющей законодательного определения конкретных правил и норм, но и к динамике развития общества, в результате которой возникают принципиально новые явления, в том числе риски для общества, которые должна учитывать действующая правовая система. Вместе с тем недостаточная всеобщность права в вопросах регулирования общественных отношений выступает в качестве одного из аспектов дисфункции правовых институтов, что определяет значимость поиска адекватных способов определения базовых правовых категорий, на уровне которых социальные явления группируются в регулируемые классы.

Вторым не менее важным аспектом обеспечения адекватности и эффективности нормативной сферы является ее внутренняя непротиворечивость. Право представляет собой развивающуюся сферу, в которую постоянно вносятся различные дополнения, регулирующие тот или иной аспект общественных отношений. Одной из серьезных проблем является момент взаимосвязи социальных явлений: регулируя какое-либо социальное явление, норма

права одновременно косвенно воздействует на связанные с ним явления общественной жизни, а в отдельных случаях может иметь место наличие нескольких законов, в которых содержатся нормы, определяющие по-разному один и тот же объект.

Поскольку правовые установления определяют сферу должного в социальной практике, очевидно, что одни нормы права не должны противоречить другим, в противном случае возникает ситуация, когда, по сути, члены общества оказываются в безвыходном положении, не имея возможности совершить выбор, который не нарушал бы какой-либо закон (либо, напротив, полагают возможным выбирать в конкретных ситуациях, какой именно норме, в зависимости от ее совпадения с областью личных интересов действующего субъекта, следовать).

Рассмотрение истории права в различных государствах позволяет обнаружить общую закономерность: выстраивание нормативной системы через произвольное дополнение старых установлений новыми в конечном счете приводит к существованию ряда противоречащих друг другу законов, что влечет серьезное нарушение эффективности права как общественного регулятора. В данном случае налицо нарушение одного из законов логики – закона непротиворечия на уровне нормативных суждений, имеющих законную силу.

В настоящее время требование к созданию непротиворечивой правовой системы является одним из ключевых в рамках законотворчества. Для того чтобы соблюсти указанное требование, введение одних норм сопровождается модификацией, пересмотром и отменой других. Ключевым моментом в данном случае является то, что формальная логика выступает для правовой сферы в качестве одного из методологических ориентиров, способствующих выстраиванию корректной законодательной системы.

Отдельно следует отметить, что законодательные нормы характеризуются различной степенью приоритетности, в связи с чем в ряде случаев, когда все же имеет место противоречие двух правовых норм, сохраняется действие нормы, которая характеризуется более высоким приоритетом. В качестве примера можно привести соотношение конституционного, федерального и регионального права: конституционное право обладает высшим приоритетом. В свою очередь, федеральное право обладает приори-

тетным характером по отношению к региональным нормативным установлениям. В данном случае важно, что, с одной стороны, логика выступает в качестве методологического принципа, определяющего моменты противоречия, в том числе приоритетности, с другой – сами процессы формирования правовых установлений на более низком уровне осуществляются с учетом содержания правовых норм более высокого порядка (федеральное право, конституционное право), что способствует общей единообразности и согласованности принципов правовой регуляции в обществе.

Рассматривая взаимосвязь логики и права, отдельное внимание следует уделить специфике функционирования правовых институтов. Ключевым моментом в данном случае является то, что правовые институты ориентированы на создание условий для того, чтобы законодательно утвержденные нормы взаимодействия исполнялись на практике. Существует несколько ключевых направлений деятельности на уровне правовых институтов, связанных с реализацией данной задачи:

- пресечение преступности;

- прояснение ситуаций с неопределенным правовым статусом;

- обеспечение реализации законных прав членов общества.

Общим для всех трех направлений является то, что на уровне деятельности ведущих правовых институтов реализуется задача по соотнесению между собой правил, представленных на уровне действующего законодательства, и социальной практики, определению соответствия между законами и социальной практикой. Если рассматривать деятельность по пресечению преступности, реализуемую сотрудниками правоохранительных органов, ключевым моментом является квалификация конкретного действия в качестве преступления (после чего следует осуществление действий по пресечению преступной деятельности). В области судебной практики ключевым действием является определение того, под какую регулирующую норму подпадает конкретная ситуация, выступающая объектом судебного рассмотрения.

Это определяет, в частности, особенность ремесла профессиональных юристов, которые осуществляют целенаправленную трактовку существующих норм права с целью максимальной реализации интересов подопечного. Применительно к области реализации прав членов общества также наблюдается тенденция ма-

нипуляции определениями, присутствующими на уровне действующих правовых документов, с целью максимизации прав и возможностей членов общества, инициирующих конкретные судебные процессы.

В данном случае важно, что логическая операция, лежащая в основе институциональной деятельности правоохранительной и судебной систем, – это распространение юридических норм на область реальных отношений (что означает, по сути, признание включенности отдельного объекта в класс, обобщаемый на уровне конкретного общего понятия). Реализация этой логической операции зачастую сопряжена с существенными затруднениями в силу того, что на момент создания конкретной редакции закона с конкретными формулировками еще не были учтены отдельные аспекты регулируемой сферы, что повлекло за собой возникновение методологических сложностей и противоречий.

В настоящее время профессиональные исследователи-юристы зачастую обращают внимание на концептуальные неточности, присутствующие на уровне отдельных законов, способствующие чрезмерно узкой или чрезмерно широкой трактовке отдельных понятий, лежащих в основе конкретных законов и, соответственно, определяющих область их распространения. Подобного рода ошибки делают возможной юридическую практику целенаправленной трактовки законов в пользу людей, обладающих определенными прагматическими интересами по их обходу. Это характеризует высокую степень значимости подхода к институциональной деятельности в правовой сфере, основанного на понимании принципов логики и недопущении противоречивости или неопределенности в формулировании конкретных норм права.

Последним из рассматриваемых аспектов бытия права, имеющих отношение к логике, является практика социально-правовых отношений. Здесь, как и в рассмотренных выше случаях, большое значение имеет то, насколько емкими, четкими и однозначными являются действующие законы (что определяет степень вариативности в их исполнении или, напротив, универсальности воздействия права на общество), а также то, насколько корректной является их трактовка, осуществляемая членами общества. Это позволяет утверждать, что владение основными принципами формальной логики, позволяющее осуществлять

корректные умозаключения, в том числе квалифицировать соответствие определенных явлений правовым нормам, может быть рассмотрено в качестве одного из важных условий формирования правовой грамотности.

Подведем итог. Взаимосвязь логики и права многогранна, что связано с участием логических процедур во всех аспектах динамики права: от разработки законов до их применения на практике. При этом логика выступает в качестве одного из методологических оснований развития права и в то же время в роли одного из определяющих факторов правоприменения.

4.2. Понятие правового дискурса

Современным исследованиям языковой проблематики предшествовала актуализация вопросов коммуникации, выражения смысла и его толкования на уровне нескольких развитых областей деятельности, к числу которых относятся научное знание, религия и правовые отношения. В каждой из этих областей наметился ряд серьезных проблем, определивших возникновение специфических требований к языку и, соответственно, попытки выработать методологию взаимодействия с текстами: как в плане толкования уже существующих, так и в плане формирования новых (с учетом требований и задач, относящихся к конкретной области дискурса). Это обусловило повышенное внимание к языковой проблематике и в конечном счете привело к формированию специальной отрасли знания, направленной на изучение языка. В то же время оформление лингвистики как специальной отрасли знания, равно как и развитие философии языка, не решило всей совокупности проблем и задач, проявившихся на уровне тех исходных областей языковых практик, в рамках которых проблема дискурса впервые прошла через стадию актуализации и осмысления. Это обуславливает периодическое возвращение к узкой постановке вопроса о специфике дискурса в конкретной сфере деятельности.

Область права обладает очень специфическим статусом, отличающим коммуникацию в правовой сфере от всех иных форм коммуникативного взаимодействия. Это связано с тем, что вер-

бальные формулы в правовой реальности обладают первичным характером по отношению к социальной практике. В обыденной практике социальной активности для человека первичными являются понимание определенных отношений, осознание собственных целей и задач, которые предшествуют действию и определяют его.

Если присмотреться внимательнее к природе источника деятельной активности, присутствующего на уровне сознания человека, можно прийти к выводу о том, что он имеет не столько словесную, сколько эмоционально-смысловую форму. Применительно к области неосознанных реакций вообще проблематично определить характер побуждения к действию, однако в тех случаях, когда имеет место осознанное действие, в его основе лежит определенный смысл, который далеко не всегда подлежит вербализации. Первичность мысли над действием в данном случае сочетается с возможностью ее выражения в вербальной форме, однако далеко не всегда люди вербализуют те смысловые конструкции, которые побуждают их действовать. Изложенное обуславливает значимость таких моментов, как цель, желание, намерение в действии человека.

Если рассмотреть область правовых отношений, налицо приоритет фактора интересубъективности в определении действий, совершаемых людьми по взаимной договоренности (мы полагаем в данном случае, что люди, помещенные в общество с определенной правовой системой, принимают заложенные в социальный порядок условности, что представляет собой своеобразное «приобщение к общественному договору»). В основе права лежит попытка выработки некоего общего способа действия, единого для всех участников общественных отношений, и это, в свою очередь, делает указанную совокупность конвенциональных установок внешней по отношению к единичному субъекту и при этом довлеющей над областью его активности в силу своего нормативного характера. Именно поэтому слово в праве уже не является инструментом простого высказывания, манифестации определенного мнения или намерения. Слово в праве подкрепляется властью, определяющей необходимость исполнения тех норм и отношений, которые были определены между людьми. По этой причине, если в обыденной практике речь зачастую является

средством выражения единичного мировоззрения или фиксации внешних фактов, то в области права языковые формы первичны по отношению к реальности и выступают в качестве образца, на основании которого уже осуществляется практическое действие.

Данное обстоятельство определяет высокую меру ответственности в формировании норм права, которые в дальнейшем выступают для участников правовых отношений в качестве образца, на который они опираются в рамках выбора форм и способов социальной активности. В связи с этим вступает в силу принцип интерсубъективности: если единичному субъекту достаточно владеть определенной смысловой установкой, побуждающей его к конкретному действию, то в рамках определения одним субъектом того, что будет делать другой, важнейшим моментом является передача смысла, конституирующего конкретную форму деятельности, а затем – адекватное восприятие данного смысла.

Необходимо обратить внимание на то, что описанная проблема обладает чрезвычайной широтой и охватывает не только область правовых отношений, но и в целом затрагивает сферу властных отношений, в рамках которых реализуется навязывание своей воли одним субъектом другому, далее – выполнение последним поступивших предписаний.

Резюмируя приведенное рассуждение, отметим, что применительно к тематике правовых отношений языковой аспект относится к числу ключевых, поскольку нормы права, обязательства сторон договоренности, документы, удостоверяющие наличие определенных прав и возможностей у конкретных участников общественного взаимодействия – все это реализуется в языковой форме и, соответственно, подчиняется общим принципам организации коммуникативно-речевого действия. В то же время немаловажно, что правовая деятельность не просто реализуется в языковой форме и детерминирована языком: правовая активность сопряжена с проблемами, обусловленными языковым характером выражения правовых норм и конвенций, при этом отдельные аспекты языковых затруднений, связанных с правом, имеют уникальный характер в силу институциональных особенностей применения языка в правовой деятельности. В совокупности это определяет высокую степень актуальности исследований,

направленных на раскрытие специфики и сущности правового дискурса.

Для начала целесообразно определиться с вопросом о том, что такое правовой дискурс и каковы его основные формы. Прежде всего следует отметить, что существуют различные подходы к определению правового дискурса. С одной стороны, в качестве правового дискурса может быть рассмотрена любая языковая активность, имеющая отношение к юридической сфере. В такой трактовке, чрезвычайно общей по своей сути, под определение правового дискурса подпадают все нормы права, тексты юридических документов, а также вербальное взаимодействие носителей социально-правовых функций. Иными словами, функциональное применение языка в правовой сфере позиционируется как правовой дискурс. Такая позиция, очерчивая область рассматриваемых явлений, тем не менее не дает ключа к пониманию того, в чем состоит специфика правового дискурса, какова его структура, чем он отличается, например, от бытовой коммуникации или иных форм речевого взаимодействия. Основным направлением исследования в данном случае является анализ специфических требований, предъявляемых к языку, и тех форм, которые принимает языковое взаимодействие с учетом данных требований.

В лингвистике существует направление исследования языка, связанное с рассмотрением зависимости речевых форм от целей и задач, которые преследуют участники коммуникации. Данное направление получило наименование социально-прагматического подхода к рассмотрению языка¹. В его основе лежит анализ изменения структуры языковой деятельности в зависимости от того, каковы цели и задачи субъектов коммуникации. Одним из значимых концептов в социально-прагматическом подходе к языку является выделение институционального дискурса как специфической формы языковой деятельности, подчиненной особенностям той сферы социальной активности, в которой осуществляется применение языка. В данном случае большое значение приобретает то, что рассмотрение институциональных аспектов дискурса проливает свет на требования к языку, формируе-

¹ Хурматуллин А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 6. С. 31–37.

мые в различных областях деятельности. Для того чтобы проиллюстрировать данный принцип, следует обратить внимание на то, что условия языкового взаимодействия, равно как и критерии его успешности, в различных сферах деятельности могут существенным образом отличаться. Так, в рамках медицинской деятельности могут иметь место ситуации, в которых необходимо максимально оперативное взаимодействие между носителями медицинской деятельности, что предполагает значимость темпорального аспекта языкового взаимодействия, а именно скорости и емкости передачи смысла в рамках осуществления указаний в процессе медицинской операции.

В свою очередь, в научном дискурсе одной из важных задач становится максимально полная и однозначная передача смысла, поскольку исследователи далеко не всегда располагают возможностью к налаживанию обратной связи и прояснению сложных моментов в выражаемых концепциях. В результате в научном дискурсе встречаются достаточно громоздкие языковые конструкции, назначение которых состоит в точной передаче конкретной идеи, не допускающей различных толкований.

Социально-прагматический подход в лингвистике предполагает выделение особенностей языковой личности, а также формирование характеристики основных типовых ситуаций, в рамках которых осуществляется коммуникативное взаимодействие. Данный подход позволяет детализировать ряд аспектов правового дискурса, что является весомым преимуществом. Вместе с тем в рамках общего анализа правового дискурса нельзя ограничиться исключительно лингвистическим прочтением проблемы в силу того, что речь идет, в том числе, о проблемах социального и культурного характера, связанных с осуществлением юридической деятельности. По этой причине социально-прагматический подход будет применяться нами как один из инструментов осмысления правового дискурса, однако мы не будем ограничиваться исключительно им.

Обратимся к характеристике субъекта высказывания в юридическом дискурсе. В данном случае важным моментом является то, что в большинстве речевых практик, которые реализуются в юридической сфере, имеет место стремление к исключению субъективных факторов из высказывания, формированию обезличенно-

го текста. Основные формы высказывания в правовом дискурсе — это дескрипция, описание фактического состояния того или иного аспекта действительности и предписание, указание к действию. В то же время в зависимости от ситуации могут использоваться и иные формы высказывания, направленные, например, на формирование определенного эмоционального отклика у участников юридических отношений (последнее наиболее распространено как прием в деятельности адвокатов и прокуроров, воздействующих на позицию судьи и присяжных заседателей в ходе судебного слушания). Рассмотрим, в чем состоит специфика дескрипции и предписания как основных типов высказывания в правовом дискурсе.

Дескриптивная деятельность в правовой сфере необходима для того, чтобы зафиксировать на юридическом уровне определенные факты с целью дальнейшего оперирования ими. Так, встречаются стенографирование какого-либо собрания, фиксация обстоятельств преступления, протоколирование показаний свидетелей и т. д. В данном случае ключевым моментом становится то, что конкретный аспект действительности фиксируется юристами на уровне документа с целью дальнейшего оперирования фактами, которые представлены в этом документе как официально установленные и подтвержденные.

Основные требования к дескриптивным высказываниям, реализуемым в правовой деятельности, состоят в том, что они должны быть обезличенными, не содержать элементы оценочных суждений и иных форм интерпретации фиксируемого явления. Изложенное в совокупности близко по характеру к требованиям исключения субъективного фактора в научной деятельности, поскольку имеет место стремление к максимальной объективности в обращении с фактами.

Предписывающая функция правового дискурса заключается в том, что речевые конструкции, имеющие данную функцию, отражают момент долженствования в социальной практике. Иными словами, они характеризуют необходимость совершения участниками юридических отношений, на которых они распространяются, определенных действий или, напротив, отказа от осуществления конкретных форм деятельности. Таким образом, реализуется принцип, согласно которому юридический текст первичен по отношению к социальной реальности, выступая в качестве то-

го определяющего фактора, который задает форму и направленность общественных процессов.

Несмотря на то, что в рамках рассмотрения правового дискурса мы преимущественно говорим о юридическом тексте, правовой дискурс реализуется не только в печатной, но и в речевой форме, что определяется в фиксации на уровне юридического языка ряда специальных терминов, отражающих отдельные аспекты процессуальной деятельности. Кроме того, отдельного внимания заслуживает такой аспект реализации дискурсивных практик в правовой сфере, как применение элементов обыденной речи, в том числе выход за рамки делового стиля в процессе коммуникации, осуществляемой в правовой сфере. В связи с этим необходимо обратиться к вопросу специфики автора и адресата сообщения, что является фактором модификации высказывания в рамках осуществляемых речевых практик.

Одной из основных задач в коммуникации является достижение понимания между участниками речевого взаимодействия. В данном случае закономерно, что формализация языка, связанная с отражением конкретных типовых явлений на уровне соответствующих терминов, служит упрощению взаимодействия между носителями функциональной деятельности. Именно поэтому, например, лингвисты сформировали концепцию профессионального жаргона и в целом уделяют серьезное внимание специальной терминологии, применяемой в различных сферах деятельности. Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что далеко не всегда институциональная коммуникация осуществляется между двумя профессионалами, обладающими всей полнотой знания терминологии, относящейся к непосредственной области их деятельности. В таком случае возникает необходимость передачи смысла участникам институциональных отношений без применения большого количества специальных терминов. Это определяет моменты модификации институционального дискурса, что является общей практикой в ряде областей, включая область юридических отношений.

Типичный пример институционально обусловленной модификации правового дискурса – это осуществление сбора информации у свидетелей и подозреваемого в процессе судебного слушания. Поскольку в их роли могут выступать обыватели, не облада-

ющие навыком применения юридической терминологии, налицо невозможность дачи показаний в той специфической стилистической форме, которая характерна для юридического языка. Более того, носители юридических функций (судья, прокурор, адвокат) во взаимодействии с человеком, дающим показания, в основном не применяют специфическую юридическую терминологию.

Другим примером ситуации, когда достижение задач в правовом институте предполагает использование расширенной лексики, включающей в себя, в том числе, элементы быденной речи, цитаты из разнообразных литературных произведений и даже воззвание к конкретным морально-этическим установкам, является реализация состязательного судебного процесса с участием присяжных заседателей, которые выступают в роли субъекта принятия решения по поводу обстоятельств совершения определенного преступления, личности преступника и меры ответственности за свершенное им правонарушение. В данном случае одним из определяющих моментов выступает то, что в рамках правового дискурса ставится задача по воздействию на область мировоззрения людей, не являющихся специалистами в юридической сфере и, соответственно, не обладающих развернутым знанием юридической терминологии, равно как и особенностей действующего законодательства.

Подобного рода формат предполагает, с одной стороны, доведение до сведения присяжных отдельных норм, допускающих смягчение или ужесточение меры пресечения (в зависимости от того, какая из сторон осуществляет информирование присяжных), с другой – формирование эмоционального отношения к освещаемому делу и личности подсудимого, что определяет склонность присяжных заседателей к принятию того или иного решения. В юридической практике существует множество примеров того, как выдающиеся ораторские способности адвоката или прокурора оказывали не менее мощное воздействие на принятие конечного решения, чем представленные им факты.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что анализ правового дискурса как языковой практики, обусловленной функциональными особенностями института права, открывает широкие перспективы для осмысления его специфики в плане как жанрово-

стилистических характеристик правового дискурса, так и особенностей применяемого в нем лексического аппарата.

Проблема правового дискурса имеет не только теоретическое, но и важное практическое измерение, поскольку от того, насколько корректно и эффективно осуществляется формулирование отдельных положений заключаемых договоренностей или, например, норм права, зависит степень эффективности их применения на практике. В данном случае целесообразно обратить внимание на такой аспект изучаемого вопроса, как эвристические предпосылки правового дискурса.

Несмотря на то, что между наукой и юридической сферой как областями применения языка присутствуют серьезные различия, существует область применения языковых практик, в которой наблюдается значительная степень сходства между правовой и научной сферой. Речь идет о формулировании общих правил, распространяемых на определенную область явлений. И наука, и юриспруденция стремятся к всеобщности формируемых правил, иными словами, к тому, чтобы правило распространялось на весь класс описываемых на его уровне явлений. Ситуация, когда определенное явление не подпадает под определение, которое сформировано на уровне правила, – это, по сути, пример того, в каких условиях конкретное правило не работает.

В эпистемологии существует спектр рациональных процедур, осуществляемых с целью определения степени всеобщности правила и, соответственно, возможности его распространения на весь класс отраженных в нем явлений. В то же время на уровне правового дискурса также существует настоятельная необходимость в анализе степени применимости конкретного правила на практике (в том числе связанной с таким его аспектом, как формулировка). Изложенное находит отражение в рамках анализа специфики правоприменения, осуществляемого в отношении конкретной нормы.

Обращаясь к тематике правового дискурса, нельзя не обратить внимание на в целом уникальный для лингвистики и герменевтики аспект как областей знания, направленных на изучение проблем языка и коммуникации. Если в большинстве существующих форм коммуникации целью автора сообщения и адресата является достижение понимания, то в правовой практике наблюдаются ситуации, когда участники правовых отношений не стремятся прийти к еди-

ному пониманию существующих договоренностей или правовых норм, в зависимости от того, как это соотносится с их личными интересами. Рассмотрим данный принцип более подробно.

Как отмечалось, право представляет собой уникальную сферу, в которой слово первично по отношению к социальной реальности, поскольку определяет обязательства членов общества, их статус и возможности. В условиях, когда запечатленный на уровне документа текст обладает столь весомой силой, одним из важнейших аспектов реализации договоренностей и исполнения законодательных установлений является трактовка текста, в котором данные законы и договоренности находят выражение. В связи с этим присутствует принципиальный момент: то, что подразумевалось сторонами при достижении договоренности, может отличаться от того, что стороны в действительности будут предпринимать, при условии, если текст договора допускает разночтения. Этот момент целенаправленной трактовки юридического документа в соответствии с личными интересами представляет собой пример ситуации, когда один из участников правовых отношений намеренно не понимает юридический документ таким образом, который определял составлявший его автор.

Именно это, например, реализуют опытные юристы, трактуя действующие законы в пользу своего клиента и обеспечивая реализацию его интересов. В подобных ситуациях реализуется классическое разделение «духа закона» и «буквы закона», в котором первое определяется как исходный смысл, стоящий за конкретной нормой, в то время как второе представляет собой ее конкретную формулировку. В данном случае постановка вопроса заключается не в том, как достичь понимания в рамках коммуникативного акта между двумя людьми, стремящимися корректно донести друг до друга смысл своих высказываний, но в том, как сформировать такие речевые конструкции, которые воспринимающий их субъект правовых отношений при всем желании не мог бы истолковать превратно (исходя из своих личных интересов).

Проблема языковой неточности как основания разночтений в правовом дискурсе относится к числу наиболее серьезных вопросов современного права, при этом высокую степень значимости приобретают, с одной стороны, точность, емкость и недвусмысленность формулировок в правовом дискурсе, с другой – си-

стематичность в соотношении смыслов, реализованных на уровне действующей нормативной системы. Зачастую моменты нечеткости формулировок и возможности двойных толкований раскрываются уже на практике, спустя длительное время после введения конкретной правовой нормы в конкретной формулировке.

Подобно тому как на протяжении длительного времени исследователи ставили вопрос о языке науки, который мог бы соответствовать основным требованиям осуществления коммуникации в научно-исследовательской среде, многие авторы задаются вопросом о перспективах построения юридического языка, отвечающего основным требованиям организации коммуникации (в том числе управления общественными отношениями) в нормативной правовой сфере. В данном отношении следует отметить, что в настоящее время юридический дискурс эволюционирует и многие из задач, связанных с разработкой логики высказывания в юридической сфере, созданием недвусмысленных формулировок, выстраиванием четкой и непротиворечивой системы норм, находят свою реализацию и в дальнейшем апробируются на уровне юридической практики. Вместе с тем проблема языкового выражения правовых норм может быть решена разве что на методологическом уровне, поскольку на практике правовая сфера непрерывно развивается и модифицируется, что определяет необходимость осуществления корректного языкового выражения новых юридических норм.

Подведем итоги. Правовой дискурс представляет собой разновидность институционального дискурса, особенности которого обусловлены функциональными характеристиками права как общественного института, в частности внутренней противоречивостью социально-правовых отношений, в которых отдельные участники могут иметь диаметрально противоположные целевые установки. В силу интерсубъективного характера права и приоритета конкретной формулировки закона над смыслом, которым руководствовались законодатели, именно способ выражения конкретных обязательств, предписаний, законодательных норм имеет определяющее значение в том, какие практические отношения будут реализованы на основании правового документа. По этой причине современное юридическое знание уделяет особое внимание вопросам языка, в частности поиску точного, не допускающего двусмысленности в трактовках выражения смысла.

Заключение

Представленное учебно-методическое пособие ориентировано на осмысление ключевых проблем права. В рамках пособия определен основной круг вопросов, которые поднимаются в ходе исследования правовой проблематики, а также выявлены смысловые связи между различными аспектами права. Структура пособия выстроена с целью аналитического разделения основных тематических сфер, затрагиваемых в рамках изучения философско-правовой проблематики, вместе с тем содержание основных разделов ориентировано не только на определение предметно-дисциплинарных характеристик отдельных философско-правовых вопросов, но и на выявление системных аспектов бытия права, что предполагает сопоставление результатов научной работы различных исследователей, представленных в рамках настоящего пособия.

Анализ дисциплинарной принадлежности правовой проблематики показал, что проблемы и вопросы, в той или иной степени связанные с правовой сферой, относятся к области исследования социологии, социальной психологии, политологии, конфликтологии, культурологии, юриспруденции, теории государства и права, социальной философии, онтологии и теории познания, аксиологии, антропологии, этики, философии языка, логики, эпистемологии и т. д. Столь обширный перечень дисциплин, в той или иной степени запрашивающих отдельные аспекты бытия права, обусловлен тем, что право является одним из основополагающих аспектов бытия общества, а правовые отношения тесно вплетены в жизнь людей, в связи с чем право, с одной стороны, выступает в роли мощного фактора выстраивания общественных отношений, с другой – обнаруживает взаимосвязь с рядом факторов социального и культурного плана. С учетом многообразия вопросов, связанных с правовой проблематикой, в рамках пособия обосновывается необходимость их философского осмысления, поскольку именно на уровне философского знания становится возможной систематизация разрозненных знаний, относящихся к предметной области различных научно-исследовательских дисциплин. При этом в пособии представлен последовательный анализ взаимосвязи

различных философских аспектов исследования права. В работе существенное внимание уделено вопросам метафизики права (онтологический аспект права, идеальные основания права и т. д.), гносеологии права (проблема познания правового идеала, проблема критериев оценки правовой действительности и т. д.), этическим аспектам права (соотношение права и морали, этические основания права), антропологическим аспектам права (соотношение природы человека, в частности областей его потребностей и содержания базовых правовых норм), социально-философским проблемам права (назначение права, социальные функции права, социокультурные факторы права и т. д.), проблемам права, имеющим отношение к области исследований герменевтического знания и философии языка (проблемы толкования права, однозначности законов, корректного выражения законодательных норм и т. д.).

В рамках пособия раскрывается несколько различных уровней рассмотрения права, что связано с наличием в исследовательской среде различных теоретических акцентов в изучении правовой проблематики: начиная с попыток определения природы права и принципов его возникновения и заканчивая проблемами правоприменения в конкретно взятой социальной среде.

В зависимости от отношения к правовой сфере выделяется несколько типов исследований:

теоретические, направленные на выяснение отдельных аспектов природы права;

методологические, направленные на определение принципов изучения права и формирование правовых норм;

практико-ориентированные, отражающие специфику правовой реальности в конкретных социально-исторических условиях.

В пособии рассмотрена взаимосвязь теоретических, методологических и практических аспектов права, а также отражены скрытые связи между различными аспектами правовой сферы, оказывающие влияние на ее конечное состояние.

Материалы, представленные в настоящем пособии, могут быть использованы как в научно-исследовательских, так и в образовательных целях.

Литература

1. Антонов М.В. Об Основных элементах чистого учения Г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 169–196.
2. Батиев Л.В. Закон и право в философии Фомы Аквинского // Философия права. 2012. № 1(50). С. 116–121.
3. Бацунов А.Н. Феномен правосознания в социально-философской перспективе // Вестник ТГУ. 2010. № 7. С. 161–167.
4. Бикс Б. О философии в американском праве: аналитическая философия права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 2(22). С. 211–218.
5. Болдырев О.Н. Психологическая теория права Л.И. Петражицкого: методологические основания // ЮП. 2014. № 2(63). С. 119–123.
6. Бугарчева Е.А. Социальный смысл катарсиса // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2007. № 5. С. 186–192.
7. Букейханов Н.Р., Гвоздкова С.И., Никищечкин А.П. Иерархия потребностей А. Маслоу и потребность в управлении // Российские регионы: взгляд в будущее. 2017. № 4. С. 15–28.
8. Буланенко М.Е. Истина как откровение: у истоков понятия истины в ранней греческой философии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2009. № 4. С. 7–17.
9. Варламова Н.В. Юридический позитивизм и права человека // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 156–166.
10. Воеводина Л.Н. Сакральное и профанное в традиционной культуре // Вестник МГУКИ. 2016. № 6(74). С. 39–44.
11. Воеводина Л.Н. Функционал и сюжетная организация мифов архаических обществ // Вестник МГУКИ. 2015. № 6(68). С. 66–73.
12. Гасанов Н.Н., Гасанов М.Г., Магаррамов М.Д. Межэтнические отношения в орбите власти бывшего СССР: к истории вопроса // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2017. № 3.

13. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012: сб. науч. тр. / под ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН РАН, 2013. С. 97–167.

14. Гулевич О.А. Психологические аспекты юриспруденции: учеб. пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 512 с.

15. Гура В.А., Пазухина О.Р. Лютер и Кальвин о человеке и его свободе: религиозное обоснование новоевропейского типа личности // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. 2015. № 2(220). С. 139–145.

16. Гусарова М.А. Проблема правосознания как социокультурного феномена // Манускрипт. 2017. № 9(83). С. 73–75.

17. Демченко Т.И. Научная и философская мысль о понятии и понимании правосознания // Lex Russica. 2017. № 12(133). С. 9–37.

18. Дидикин А.Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск: Томский университет, 2016.

19. Епифанова Т.В., Буреев А.А. Божественный закон в *De civitate Dei* Августина Блаженного (354–430) // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 6. С. 231–236.

20. Земцова Е.Е. Становление концепции эллинизма и утверждение эллинской идентичности в эпоху архаики и классики // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. № 1(54). С. 55–63.

21. Золотарева Л.С. Механизмы правореализации с точки зрения психологической теории права Л.И. Петражицкого // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. С. 69–72.

22. Исаев И.А. Теневая сторона закона. Иррациональное в праве: монография. М.: Проспект, 2015. 368 с.

23. Касаткин С.Н. Основной труд Герберта Л.А. Харта (на публикацию русского издания книги «Понятие права») // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. 2007. № 2. С. 5–15.

24. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лезова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015.

25. Коваленко А.В. Основные философско-правовые идеи труда Рональда Дворкина «О правах всерьез» // Проблемы законности. 2013. № 123. С. 365–374.

26. Кожевников В.В. К проблеме соотношения философии права и общей теории права // Вестник ОмГУ. Сер.: Право. 2015. № 2(43). С. 104–115.

27. Козырьков В.П. Социокультурный подход к определению границ объектов социального познания // Вестник ННГУ. 2011. № 5–1. С. 338–345.

28. Костина Н.П. Протестантизм и формирование принципов правового государства // ОНВ. 2001. № 15. С. 49–51.

29. Костишина С.А. Институциональный подход в современной юридической науке // ЮП. 2012. № 5(54). С. 80–82.

30. Кун Т. Структура научных революций / пер. И.З. Налётова. М., 1975.

31. Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы / пер. И.Н. Веселовского. М.: Наука, 1967.

32. Лапаева В.В. Перспективы постсоциалистического развития России: правовой анализ // Известия вузов. Правоведение. 2014. № 3(314). С. 62–81.

33. Лукьянов Д.В. О пользе «Коммуникатологического» понимания концепции научных революций Томаса Куна // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 3(9). С. 65–73.

34. Мартысюк П.Г. Генезис философских оснований творчества: от мифа к логосу // Человек. Культура. Образование. 2015. № 3(17). С. 7–17.

35. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 299–313.

36. Мороз Е.В. Модернизация российского правопонимания как элемент социокультурной трансформации // Вестник КемГУ. 2013. № 2(54). С. 106–110.

37. Нерсесянц В.С. Постсоциалистическая Россия: цивилизм как национальная идея // Общественные науки и современность. 2008. № 5. С. 91–99.

38. Нерсесянц В.С. Право и закон. М., 1983.

39. Нечаев А.Н. Легистский тип понимания права в призме либертарно-юридической концепции правопонимания академика В.С. Нерсисянца // Вестник ТГУ. 2011. № 11. С. 360–364.

40. Оглезнев В.В. Аналитическая философия права: новый подход к решению старых проблем // Философия права. 2010. № 5. С. 7–10.

41. Оглезнев В.В. Переосмысление и новая интерпретация дискуссий между Г.Л.А. Хартом и Л.Л. Фуллером и их значение для аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 55–59.

42. Онтоэпистемологические основания философии права Герберта Харта // Schole, СХОЛЭ. 2010. № 1.

43. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. 880 с.

44. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. СПб.: Екатеринбургское печатное дело, 1909. Т. 1. 327 с.

45. Платон. Диалоги. М.: ЭКСМО, 2015. 768 с.

46. Погодин А.В. Взаимодействие политики и права и проблемы правореализации в политической сфере // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 25–33.

47. Погребная Ю.К. Методы научного познания категории «Правосознание» // Юриспруденция. 2011. № 3. С. 10–17.

48. Пржиленский В.И. Особый путь русской философии права // Наука. Инновации. Технологии. 2002. № 29. С. 55–60.

49. Пристенский В.Н., Балахонский В.В. Онтология права как его антропология // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 4. С. 443–447.

50. Савюк Л.К. Портреты ученых-юристов: Иеремия Бентам // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. С. 19–38.

51. Суслов М.Г., Жукова Т.М. Сила права и право силы в истории и современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 4(26). С. 21–27.

52. Тохтуев И.А. Право и политика как ценностные регуляторы общества // Вестник КГУ. 2011. № 1. С. 253–256.

53. Тулмин С. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 327 с.

54. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012.

55. Харт Г.Л.А. Понятие права: пер. с англ. / под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 21.

56. Хьюэлл У. Конт и позитивизм // Epistemology & Philosophy of Science. 2017. № 4. С. 209–224.

57. Пири Ф. Мирская мораль, деревенское право и буддизм в тибетских обществах // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 2007. № 1. С. 212–217.

58. Шестеркина Н.В. Миф как когнитивная парадигма // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2. С. 40–49.

59. Юрьев Р.А. Понятие «Действия» в аналитической философии Г.Л.А. Харта: генезис и значение // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2013. № 4(24). С. 175–182.

Оглавление

Введение.....	3
1. Понятие систематической философии права.....	7
1.1. Право как объект философии.....	7
1.2. Право как элемент системы общества и системы философии: идеальный и реальный аспект.....	21
2. Гуманистические принципы философии права...	33
2.1. Этика и право.....	33
2.2. Социальная философия права.....	53
2.3. Институциональный аспект права.....	67
2.4. Правовая культура.....	83
3. Чистая метафизика права.....	100
3.1. Методология метафизики права.....	100
3.2. Гносеология метафизики права.....	117
3.3. Аксиология метафизики права.....	133
4. Эпистемологические принципы философии права.....	151
4.1. Логика и право.....	151
4.2. Понятие правового дискурса.....	161
Заключение.....	172
Литература.....	174

Научное издание

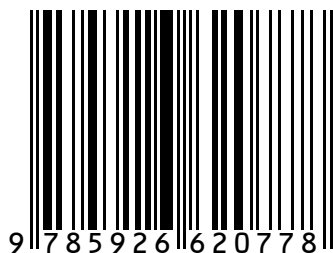
Карнаушенко Леонид Владимирович

**ПРИНЦИПЫ
ФИЛОСОФИИ ПРАВА**

Редактор *Э. В. Абрамкина*

Компьютерная верстка *С. В. Коноваловой*

ISBN 978-5-9266-2077-8

Подписано в печать 28.03.2024. Формат 60х84 1/16.
Усл. печ. л. 12,0. Тираж 50 экз. Заказ 229.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.